

Катерина Снежинская

ДЕЛО № 2

Пилюли для феи

Что делать несчастной беззащитной феечке, если старшие сестры умерли накануне свадьбы, а у неё венчание на носу и сердечко побаливает? Конечно, обратиться в детективное агентство «След». Ведь только настоящие профессионалы могут разобраться в этой запутанной истории. Что делать теге, когда её парень заигрывает с клиенткой? Естественно, закрутить роман с женихом заказчицы. Что делать медику, которого никто не любит? Поучаствовать в боях на выживание! И что делать им всем с заваренной кашей? Расхлёбывать. Если получится.

Катерина Снежинская

ДЕЛО № 2. ПИЛЮЛИ ДЛЯ ФЕИ

Глава первая

Красиво жить не запретишь, но помешать можно.

День неохотно и медленно, но неуклонно скользил к вечеру. Именно скользил, как с ледяной горки, посыпанной песком. И ясно уже, что никуда не денется, скатится, обратно не заберётся. Если подождать, то вскоре дело даже быстрее пойдёт. Преодолеет точку невозврата и понесётся к ночи, с каждой минутой набирая скорость. Только вот точка эта никак не наступала. Минуты тянулись и тянулись, словно нагретый на солнце каучук. А, может, плелись, как замершие ящерицы. Всё же в конторе «Следа» прохладно было.

Каро поёжилась, плотнее кутаясь в шерстяную шаль. И недовольно покосилась на чугунные радиаторы под подоконником. В здание, где детективное агентство свой офис снимало, паровое отопление два месяца назад провели. И, конечно, под это дело арендная плата поднялась едва не вдвое. Но за всю свою жизнь тега ещё ни разу не встретила в Элизии по-настоящему горячих батарей. И на их температуру стоимость жилья никак не влияла. Для подобных систем единственная доступная степень нагретости заканчивалась на отметке «чуть теплее парного молока».

— Домовые в конец совести лишились, — пожаловалась теург плотному ряду папок, пытаясь запихать между ними новую. — Наверняка опять браги накалились и режутся в карты. А ты тут мёрзни.

Рон, раскачиваясь на двух ножках тоскливо поскрипывающего стула, в ответ только неопределённо поднял брови. Сыщик был занят. Закинув руки за голову, а ноги на стол, блондин элегически рассматривал потолок. По его же собственному утверждению, там он искал вдохновение для будущего доклада полиции.

Судя по кислой физиономии детектива, вдохновение не находилось.

За стенкой, в комнате, носившей претенциозное звание лаборатории, сосредоточенно звенели пробирками. А из-под неплотно прикрытой двери явственно тянуло нашатырём. Но никто по этому поводу не протестовал. Медик ведь и обидеться мог. Тогда бы завоняло гораздо хуже.

— Мастерс, я с кем разговариваю? — уточнила Каро, будто действительно сомневаясь, что беседует она именно с оборотнем.

Папка впихиваться не желала. По-хорошему, шкаф давно бы стоило разобрать и выкинуть как минимум половину бумажного хлама, да Алекс не давал. Альв трясся над архивом как старик, пытающийся оградить молодую жену от соблазна. Лорд утверждал, что любая запись — это драгоценная информация, которая обязательно пригодится. Каро же считала, что отчёты по давно закрытым делам — бесполезный пылесборник. Но с начальством не спорят.

— Холодно, говорю. И батареи чуть тёплые.

Теург шлёпнула так и не пристроенную в шкаф папку на стол, рядышком с кривоватой надписью, выцарапанной в ровном слое пыли: «Нам нужна секретарша!».

— И что я, по-твоему, должен сделать? — довольно равнодушно отозвался блондин, не отрываясь от созерцания потолка.

Тева наклонилась, поправляя шнурки на ботинке. За последние полгода мораль Каро рухнула в бездны, позволяющие поднимать юбку в присутствии мужчины даже чуть выше

щиколотки.

Впрочем, как раз ноги теги оборотня в данный момент интересовали меньше всего. Он уставился на округлость зада, холмиком возвышающийся над столом.

— Пойти и разобраться с домовыми, — невнятно ответила теург.

— Я? — искренне поразился Рон, от удивления даже переставая раскачиваться.

— А кто? Меня они не слушают. Яте не пойдёт. Если идти не хочешь, попроси господина Росса их приструнить. Только сам попроси, — девушка выпрямилась, мельком глянув на оборотня. Но видимо, заметила на его физиономии что-то подозрительное, потому что развернулась к сыщику, нехорошо прищурившись. — И на что это ты пялился?

— Что показали, на то и пялился, — широко осклабился красавчик. — Знаешь, детка, эти ваши юбки с подушками сзади мне совсем не нравятся. Может, ты пересмотришь свой гардероб? Естественное, оно как-то лучше смотрится.

— Естественное, значит? — и без того не слишком широкие глаза теурга превратились в две щёлки. — Может, мне вообще юбку снять?

— Я не против, — разулыбался во весь белоснежный частокол Мастерс.

— Ты у нас никогда против не бываешь, — протянула Курой, ласково улыбаясь в ответ.

Девушка присела рядом с оборотнем на столешницу, даже не заметив, что оборкой юбки смела хороший пласт пыли. Протянула руку, будто хотела погладить оборотня по щеке. И поддела ботинком ножку стула, рванув её на себя.

— Тебе мама никогда не говорила, что раскачиваться на стульях нехорошо? — невинно поинтересовалась тега у барахтающегося в обломках мебели Рона.

!.. — ответил оборотень, -!.. на!.. За что?!

— А кто с дочкой заказчика заигрывал?

— Я? — округлил абсолютно честные глаза Рон, потирая неудачно встретившийся со столом затылок.

— Нет, я!

— Я так понимаю, заняться вам нечем? — негромко поинтересовался Алекс.

Управляющий агентством стоял на пороге своего кабинета, скрестив руки на груди.

Поскольку надежда на приход новых клиентов таяла с каждой минутой, альв позволил себе лёгкую небрежность. В смысле, сюртук его был расстегнут. Впрочем, рубашка по-прежнему светилась девственной белизной, а накрахмаленный воротничок и манжеты топорщились от крахмала. Шейный платок, завязанный безупречным сложным узлом, помаргивал рубиновый глазок булавки. На светло-сером жилете и таких же брюках — ни складочки. Каштановые кудри вились идеальными локонами — волосок к волоску.

Вероятно, альв всё же обладал уникальной магией. Или, может, просто знал заклинание безупречности.

— Видимо, действительно нечем, — пришлось Россу самостоятельно отвечать на заданный вопрос, так как подчинённые только преданно пялились на него. — Но поскольку до конца рабочего дня осталось... — лорд достал из жилетного кармашка круглые серебряные часы, щёлкнул крышкой. По приёмной поплыли неуместные нежные звуки томного вальса, — ... полтора часа, то, полагаю, можно и по домам идти. Отчёты по последнему делу вы написали?

— Написала! — честно тараща глаза не хуже Мастерса, отрапортовала Курой.

— Никак нет! — одновременно с ней пролаял вскочивший на ноги Рон, сложив ладони на поясице — одну на другую — и выставив локти в стороны.

Росс едва заметно улыбнулся кончиком губ.

— Госпожа Каро, а что произойдёт, если я попрошу предоставить мне доклад? Который, по вашим же словам, полностью готов.

— Я не смогу вам его показать, — гаркнула тега. Хорошо гаркнула, истинно по-армейски. Недаром же они с Роном тренировались. — Для того чтобы мне сделать предварительные выводы, амулет должны «прогнать» по полицейскому каталогу запрещённых артефактов. А поскольку сами они до этого додуматься не сумели, то подвеска возвращена в Управление. И пока процедура незакончена, я не могу составить экспертную оценку. Поэтому в отчёте писать нечего.

— Интересно, а у тебя, Мастерс, такой же шикарный отмаз запасён?

— Мнэ-э... — протянул оборотень, вопреки армейскому уставу переминаясь с ноги на ногу.

— Есть, — неожиданно выдала Каро, не смущаясь того, что оба мужчины синхронно повернулись в её сторону. Во взгляде Рона надежда и подозрительность смешалась экзотическим коктейлем. — Господин Росс, вследствие многократного ударения головой о твёрдые поверхности во время поимки любимой болонки метрессы Рангир, господин Мастерс забыл алфавит. Я применила метод терапии, который господин Курой называет «лечение подобного подобным». Но результат пока неизвестен.

— Ударения? — Алек приподнял брови.

— Ударения, — твёрдо кивнула Каро.

— Балаган, — вздохнул управляющий.

— Почему мне иногда хочется её придушить? — шёпотом поинтересовался оборотень у кого-то неведомого.

— Знаете, госпожа Каро, уровень вашего профессионализм за время работы в «Следе», несомненно, вырос, — едва заметно вздохнув, подытожил Росс. — Но вот тесное общение с Мастерсом, мне кажется, на пользу не пошло. Идите-ка вы домой.

— Что вы подразумеваете под «тесным общением»? — насупилась теург.

— Идите-идите! Встретимся завтра, — отмахнулся альв.

Кажется, он добавил ещё что-то, подозрительно похожее на: «Как же вы мне всё надоели!». Впрочем, Курой это могло и просто показаться. Такие высказывания в репертуар управляющего не входили.

* * *

Алекс зашёл обратно в кабинет, постоял, чуть покачивая ладонью дверную створку. Перебранку собирающихся по домам сотрудников ему слушать не хотелось. Но желание пропустить приход возможного клиента тоже отсутствовало. А если закрыть дверь плотно, то не услышишь не только Мастерса с Курой, но и входящих в приёмную. Управляющий вздохнул и отошёл к столу, бездумно уставившись в окно.

За стеклом синели сумерки. Жёлтые шары газовых фонарей плыли в них, как в воде. Но улицы почти не видно. Только чёрные голые ветки деревьев расчерчивали отражение альва, словно рисунок пытались заштриховать, да на полпути бросили.

— Я тебе тоже больше не нужен?

Росс к медику даже не обернулся, только глаза устало прикрыл.

— Нет, Яте, ты тоже иди.

Тег помялся на пороге, помолчал, разглядывая косяк. Но всё-таки спросил.

— С тобой всё в порядке?

— Абсолютно. Просто устал. Увидимся завтра.

Курой кивнул, мотнув чёлкой. За полгода волосы у него отросли так, что почти закрывали лицо до самого подбородка. Тег смотрел из-под них, как собака: настороженно, словно бы постоянно исподлобья. Зато и выражение его физиономии разобрать стало ещё сложнее. Хотя она и раньше эмоциональностью не отличалась.

— До завтра.

Альв чуть откинул голову назад, прислушиваясь к конторе. Всё же есть в пустых офисах что-то особенное, какая-то своя тишина. Неполная: радиаторы едва заметно гудят, мебель поскрипывает, будто просыпаясь, тихо-тихо потрескивают газовые светильники. Комнаты словно готовятся к собственной ночной жизни. Дожидаются, пока последний живой уйдёт. Только вот Алексу никуда идти не хотелось.

Альв обошёл стол, ведя пальцами по аккуратно разложенным бумагам. Сел в кресло, опершись затылком о подлокотник. Выдохнул, будто отпуская что-то. Потянулся к секретеру и, поняв, что если позы не поменяет, то не дотянется, приоткрыл глаза. Усмехнулся, мотнув головой. И снова опустил веки.

Медный ключик в замке повернулся сам собой. Крышка отвалилась, но не резко, а так, словно её кто-то аккуратно придержал снизу. Серебряный поднос, позвякивая широким стаканом о хрустальный графин, вынырнул из темноты шкафа, неторопливо подбираясь к столу.

— Привычки не так легко забыть, как объявить себя не-лордом? — язвительно поинтересовались от дверей.

Поднос просел, почти коснувшись пола. Но выровнялся, покачнувшись, и благополучно приземлился на столешницу. Только стекло вновь звякнуло, как будто раздражённо.

— Добрый вечер, Гиккори, — Росс сел прямо, коснулся манжеты, поправляя запонку. — Присаживайтесь.

— Ещё скажите, что рады меня видеть, — усмехнулся инспектор, вероятно, и не заметив, как повторил жест альва.

Вот только запонки у него не рубиновые были — стеклянные. Да и манжетам не хватало снежной белизны. И галстук, не завязанный, а словно бы перекрученный, не прибавлял ни красоты, ни аккуратности. Как не старался полицейский, а до элегантной небрежности лорда он недотягивал.

— Присоединитесь? — поинтересовался Росс, указывая на графин и нагло игнорируя вопрос.

— А что у вас? — приглашение инспектора словно бы и не заинтересовало.

— Коньяк. Не самый лучший, но вполне приличный.

— Ну, давайте, что ли.

Гиккори прошёл в кабинет, повозился, устраиваясь в кресле. Огляделся, как будто не зная, куда пристроить шляпу с котелком. И, в конце концов, просто положил их на край стола. Принял бокал, в котором янтарной жидкости плескалось на добрых два пальца. Отпил и изобразил на лице вежливое недоумение. Мол: «Не знаю, как там у лордов, а по мне коньяк просто отличный».

— Сигару? — вежливо-равнодушно предложил Росс.

— Если они у вас такие же не самые лучшие, то не откажусь.

Закурили. Сизоватый дым поплыл по кабинету, собираясь чуть дрожащим ореолом вокруг плафонов газовых светильников.

— Ну, так по какому вопросу вы пришли со мной собачиться на этот раз? — всё тем же неопределённо-спокойным тоном спросил Росс.

— Разве слово «собачиться» входит в лексикон лордов? — приподнял ровные, будто выщипанные — а, может, и на самом деле выщипанные? — брови инспектор.

— Бросьте, Гиккори, — поморщился Алекс. — Нет у меня настроения с вами отношения выяснять. Да и сил, честно говоря тоже.

— Что ж вас так допекло?

Полицейский скривился, будто всё происходящее ему не слишком нравилось. Но обмяк, опустил плечи, расслабляясь и откидываясь на спинку кресла.

— Да то же что и вас. Этот новый закон о сотрудничестве частных детективов и полиции. После того как я объявил своим работникам, что вы можете привлекать агентство в качестве экспертов, они мне бойкот объявили. Ну, не совсем бойкот. Скорее, цирк на выезде. Изображают армейское рвение.

— Что так? — искренне удивился Гиккори. — Неужели помощь полиции — это настолько против правил?

— Да не сама по себе помощь. Скорее, необходимость писать отчёты по форме, — усмехнулся Росс. — И вот это место... — альв прикрыл глаза, припоминая, — «... граждане, привлечённые в качестве экспертов, временно получают статус вольнонаёмных сотрудников со всеми правами и обязанностями рядовых служащих полиции. Как то: необходимость соблюдения субординации; обращение по форме, принятой...». Ну, там много чего ещё. Вот они теперь на каждом шагу и отдают честь, да вытягиваются во фронт.

— Думаете, мне это всё нравится? — ощетинился инспектор. — Или мои полисмены этому закону рады? Да век бы вас... — оборотень пожевал губами, будто заталкивая ненужные эпитеты туда, откуда они вылезли, — ... частных не видеть! На нас, видите ли, тоже приказы дают! Теперь с каждой цацкой магической к вам на поклон идти! Вы моё отношение знаете, Росс. Я его никогда не скрывал! Мне это тоже поперёк...

Полицейский похлопал ладонью себя по хребту.

— Ну так обратитесь в другое агентство, — пожал плечами Алекс.

— Ха! В другое! А платить я из своего кармана буду? У нас бюджет курам на смех. И почему-то частники бесплатно работать не желают! Не знаете почему?

— А «След» — это единственное агентство, имеющее теурга, которое вам по карману, — спокойно подытожил альв. — Ещё коньяка?

— Да будь моя воля!..

— Ни вашу, ни мою волю тут никто не учитывает, — перебил инспектора управляющий. — И что-то мне подсказывает: пока следствие по делу леди Ольги не закроют, нас ждёт ещё много неприятных сюрпризов и приказов. Поэтому пока есть возможность, давайте просто пить коньяк и беседовать о приятном.

— Это о чём, например? — всё ещё напряжённо отозвался Гиккори.

— Вы хорошо распробовали напиток? Уловили шоколадное послевкусие? — Алекс снова откинулся на спинку кресла. — Меня уверяли, что такой эффект может получиться только, если коньяк выстаивают в бочках из золотого дуба.

— Да пижонство это всё! — подумав, отозвался оборотень, затягиваясь сигарой. —

Главное, не бочки, а купаж...

Душисты дым плыл в воздухе, накладываясь пластами, завиваясь колечками вокруг светильников. Офис недовольно прислушивался к неторопливому и совсем неделовому разговору. Контора хотела уже начать свою ночную жизнь. Но двое мужчин явно никуда не спешили.

* * *

Сегодня Яте пришёл раньше чем обычно. Публика только начала подтягиваться. И ангар был ещё пустым и гулким, пах так, как и полагалось старому складу — пылью, сухой бумагой и трухлявым деревом. Ни крови, ни пота, ни разогретого огнём и хлещущими через край эмоциями воздуха.

Имелось в этом что-то в корне неправильное.

Тег расстегнул пиджак, аккуратно, чтобы не помялся, положил его на скамейку. Бросил сверху галстук, рубашку. Подумал и всё-таки стянул нижнюю сорочку. Передёрнул плечами. Температура в сарае не слишком отличалась от уличной. Но холодный воздух прошёлся щупальцем по позвоночнику, заставляя мышцы дёрнуться, как под током. А это возбуждало.

Дамочка, кутавшаяся в меха рядом с рингом, на котором ещё возились рабочие, повернулся к тегу, окидывая его оценивающим взглядом. И, не заинтересовавшись, отвернулась.

Курой усмехнулся, обматывая бинтом левую кисть. Он прекрасно знал, что впечатления не производит. Низкорослый, узкоплечий, жилистый, словно верёвками перетянут. Да ещё и смуглый до желтизны. Это потом, после того как он из-за верёвок выйдет с бешеной окровавленной мордой, женщины бросаются, будто он невесть какой красавчик.

Яте ничего против такого расклада не имел. У него тоже перепихон в приоритетах шёл после хорошей драки. Впрочем, без первого можно и вовсе обойтись.

— Помочь?

Дела у Папаши Руха, организатора подпольных боёв и тотализаторов, явно в гору шли. Пузо, и раньше немаленькое, теперь вовсе грозило порвать атласную жилетку. А всем известно, что размер живота — главный критерий успешности дварфа. Но у Папаши и другие атрибуты, полагающиеся удачливому бизнесмену, имелись. Золотая цепь, больше смахивающая на колодезную, чем на часовую, поперёк всё того же пуза. А на неё ещё и брелоки, да не какие-нибудь, а золотые самородки — аж три. Большой перстень подмигивал острыми искрами с мизинца. И сигары не так воняли, как раньше.

Яте ему ничего не ответил, только мрачно глянул из-под чёлки. И сосредоточился на бинтовании правой ладони. С ней приходилось осторожничать. Костяшки, выбитые в последнем бою, ныли, не хотели заживать. Хотя, может быть, просто недели недостаточно, чтобы они в норму пришли?

— А ты знаешь, Тег, Мордоворот-то так и помер, — как бы между прочим заметил Папаша, наблюдая за рабочими.

Ринг — тоже нововведение. Раньше дварф скупился, велел только верёвками место для боя огораживать. Теперь всё выглядело гораздо приличнее: помост, маты, канаты на пружинных стяжках — как у больших. По словам самого хозяина: «Серьёзные дела требуют серьёзных вложений!». А в переводе на элизийский: «Жаба, конечно, душит денежки

трагично. Но соответствовать приходится». Потому что на бои всё чаще стали захаживать господ в масках. То есть, лорды. Это уже не полусвет, а совсем другой колленкор. И другие барыши.

— Говорю, откинулся, Мордворот-то, — поднажал дварф, ответа так и не дождавшись.

— И что я должен сделать по этому поводу? — неохотно отозвался Курой. — Всплакнуть?

— Тобишь, тебя это никак не трогает? Это ведь ты его к Предку спровадил, нет?

— Нет, — огрызнулся тег. — Орки Предка не почитают. У них Ледяная Бездна.

— Угу, — важно кивнул головой папаша. — Это, канешно, дело меняет. Слышь, тег, а то, что это уже третий покойник на твоём счету, тоже к делу не относится?

Яте пожал худыми плечами и принялся разматывать бинт. Не понравилось ему, как ткань на костяшки легла. Давила слишком.

— Не, ну я всё рублю. Ты крут, как варёные яйца. Но неужто ничто не ворохнётся?

Ворохнулось, ещё как! Мышцы на животе свело, пах набряк тяжестью прилившей крови. Только Мордворот тут ни при чём был. Курой о своём втором вспомнил. От первого и третьего его охрана оттащила, ничего интересного. Кому какое дело, где и когда они потом загнулись? А вот второй — это да!

Яте мог бы точно сказать, когда у того громилы сердце последний раз в безнадёжной попытке трепыхнулось. И замерло слипшимся опустевшим мешком. Именно в тот момент кулак тега впечатался в морду парня — переносица и, кажется, даже надбровья поддались под костяшками, прогнулись внутрь. А горячая, колкая, будто наждачка, волна прошлась от кисти к плечу, а оттуда к собственному ятевскому сердцу. И разлилась до кончиков пальцев на ногах. Это совсем не было похоже на оргазм — гораздо круче.

Кличку громилы Курой позабыл. А вот как у него пульс биться перестал и этот жар помнил отлично.

— Знаешь, Тег, — продолжал долдонить своё Папаша. Яте, кажется, пропустил добрый кусок его речи. Пришлось даже головой тряхнуть, чтобы сосредоточиться. — Это всё круто и зритель тебя любит. Но, сам понимаешь, мне такие неприятности не в кассу. Слишком много за тобой подчищать приходится. Особенно в последнее время. Один труп, ну два. Но ты ж уже кучку навалил. А если так дальше дело пойдёт, то кучка-то поболее станет. И вонять начнёт на всю округ. Мне надо, чтоб полиция за жопу взяла? Не надо. Тем более, сам видишь, дела у нас тут знатные закрутились. Потому...

— Я не понял, это ты так от ворот поворот даёшь? — мрачно прервал курлыкание дварфа Курой.

— Да нет же! — всплеснул пухлыми лапками Папаша. — Говорю, такой талантище, как у тебя, терять никак нельзя. Тока не тут твоё место.

— И где моё место?

Вроде бы, спокойно спросил. Только вот распорядитель, видимо, что-то своё услышал. Потому что отступил и руку, которой хотел тега под локоть взять, опустил.

— Ты это... поспокойнее, — забормотал дварф оглядываясь.

Видимо, охрану искал. По крайней мере, бугай, встречающий зрителей у дверей ангара, вопросительно мотнул подбородком.

— Так, где мне место? — Яте сам взял Папашу за локоть, разворачивая распорядителя к себе.

— Говорю же, тут дварфы дела нашептали: «Нужны, — мол, — ребята в край

отчаянные. Готовые до конца шагать!» — зачастил Папаша, пытаясь деликатно высвободить локоть. — Я вот и подумал. Тебе ни своей жизни не жалко, да и чужую за медяк сменяешь. Как раз забава по тебе.

— Это ты чужую жизнь за медяк сменяешь, — усмехнулся Яте, выпуская устроителя и даже отходя назад.

— Да всё цену имеет, — попытался вернуть ухмылку Папаша, нервно поправляя галстук.

— Нет, жизнь бесценна, — мотнул головой тег, возвращаясь к своим бинтам. — В смысле, не стоит она ни хрена.

Папаша покачался с носки на пятку, пытаясь переварить сентенцию. Но видимо, такая философия была чересчур далека от его слишком практичного ума.

— Ну, так что мне передать-то? Согласен или как? Им ведь твёрдый ответ нужен, никаких тебе расшаркиваний.

— Ты же за меня уже ответил, — не спросил, а констатировал факт Курой. — Куда подходить и к кому обращаться?

— Ответил, — расцвёл вполне искренней улыбкой Папаша, потирая пухлые ладошки.

Он не зря считал себя дварфом дела. И словами попусту не разбрасывался. А сделка намечалась выгодная. За такого бойца хороший куш отвалит. Вот всегда бы так платили за вынужденное из задницы шило.

* * *

Сало вело себя странно — громко шкворчало, словно материлось как пьяный крысук, отплёвываясь во все стороны раскалёнными каплями. И семечками. Каро с сомнением глянула на сковородку, посмотрела на кусок сырого мяса и обернулась через плечо. Мастерс был тих и безмятежен, будто июльская ромашка. Сидел себе в уголке и разве что не насвистывал.

— А как? — теург указала подбородком на бесящуюся сковородку.

— Руками, — серьёзно посоветовал оборотень.

— Оно же горячее!

— А ты всегда жарить на холодном? Нет, конечно, можно попробовать. Любой эксперимент имеет право на жизнь. Только скажи, когда мне заглянуть на ужин. Например, в среду я абсолютно свободен.

— Давай, издевайся, — буркнула Курой. — Кто готовит мясо на сале? Нас вот учили...

— А вас учили? — изумился оборотень. — Нет, серьёзно? Только не говори, что ты ещё умеешь варить кашу, штопать носки и вышивать крестиком. Такие откровения разрушат мою картину мироздания!

— Между прочим, домоводство нам в пансионате преподавали. Я даже знаю, как из этой Седьмой проклятой свинины солонину делать. Теоретически. Но первый раз слышу, чтобы готовили вот так. Сам, небось, придумал? Семена ещё эти...

— Кунжут. Ты зубы-то не заговаривай! Сама вызвалась меня ужином кормить, а теперь на попятную? — надул губы Рон. — Вечно с вами так. Только обещать и горазды. Ты, такой наивный, уши развесишь. А они, как своё получают, сразу смываются. И поминай как звали!

Сало начало подванивать, а семечки, как бы они ни назывались, почернели,

скукожившись в угольки. Пожалуй, положение могла спасти только склака. И спихивание вины на оборотня.

— Это что же я от тебя получила? — набычилась Каро, решительно отодвигая миску с замаринованным, но так и не пожаренным мясом на середину стола.

— А кто тебя кормил каждый день, женщина? Кто заботился о твоём нежном организме? И, между прочим, напоминаю: идея приготовить ужин принадлежит тебе.

— Ты меня на слабо взял!

— И кто в этом виноват? — пожал плечами Мастерс, меланхолично объедая листочки с веточки петрушки. — Давай-давай, не отлынивай. Или признавайся: эта задача для тебя чересчур сложна. Дом вести — не амулетиками размахивать. Тут талант требуется.

— Да ты!.. Знаешь, ты кто?!

Курой, не в состоянии найти достаточно красочного, да ещё и ни разу не использованного в адрес Мастерса эпитета, швырнула в него пучком укропа. Оборотень траву поймал. Зубами. И с прежней меланхолией принялся пучок пережёвывать. По крайней мере, теперь теург могла с уверенностью сказать, на кого Рон похож: на задумавшегося козла. И его сущность тут была абсолютно ни при чём.

— Так, значит, быть мне сегодня голодным, — грустно заключил блондин, внимательно выслушав сравнительный анализ. — Бедный, несчастный, обманутый я.

— Да приготовлю, приготовлю, — проворчала Каро, хватаясь за сковородку. — Только не по твоим рецептам, а как...

Вполне вероятно, кто-то из ныне живущих и может все мелочи в голове держать. Говорят, существуют и способные двумя делами одновременно заниматься. Ну а тега, озабоченная спихиванием приготовления ужина на Рона, забыла, что сало непросто так поджаривается, а посуда горячая. Да ещё деревянная ручка у древней сковороды давно прогорела, а часть её даже и отвалиться успела, оставив голый чугунок.

Мастерс рванул к теге едва ли не прежде, чем сковородка, разливая по деревянному полу шипящее масло, о доски ударилась. Схватил обожжённую руку, сунув мигом покрасневшую ладонь под ледяную воду. Тут уж теург взвыла сиреной, а ведь когда схватила за ручку — молчала. И слезы покатились градом, а нос мгновенно заложило. Стояла, дрожа и всхлипывая, как ребёнок обиженный, прижимаясь спиной к оборотню, да носом хлюпала. А Рон её ещё и утешал, нащёптывая в макушку что-то ласково-бессмысленное. Разве что на «бо-бо» не дул.

Красота неопишуемая!

— Пусти меня, — девушка попыталась выдрать у оборотня уже не болевшую, а скорее, заледеневшую ладонь. — Надо помазать.

— Сейчас и помажем, и перебинтуем, — пообещал Мастерс. — Что у тебя за страсть к членовредительству? Недели не проходит, чтобы ты не получила фингал или царапину. Я понимаю, боевые шрамы украшают шкуру. Но вроде это только к мужикам относится? Знаешь, детка, лично меня бой-бабы не привлекают. Да и не выходит из тебя бой-то. Скорее, горе-дева.

Видимо, оборотень как раз был из тех, кто умеет двумя делами за раз заниматься. Костеря девушку на все корки и даже дыхания не сбивая, Рон, не суетясь и никуда не спеша, добыл аптечку, завёдшуюся в этой квартире его же стараниями. Сноровисто промокнул ожог, положил мазь, ловко забинтовал. И при этом умудрился ничего не просыпать и не разбить.

Каро даже обидно стало.

— Ну и что мне с тобой делать? — поинтересовался Мастерс, садясь на корточки и пытаясь заглянуть тебе в лицо.

— Добить, чтоб не мучилась? — хлюпнула Курой отворачиваясь.

— Интересное предложение, — Рон спрятаться не дал, взял за подбородок, поворачивая к себе. — У меня даже есть парочка вариантов, как это можно сделать медленно и мучительно...

Это действительно было медленно. Но совсем не мучительно. Наоборот, мягко и тепло. А ещё сладко. Только сладость появлялась не на языке, а где-то внутри, под грудиной, разливалась по горлу и вниз, так, что в глазах темнело. Всё-таки целоваться оборотень любил и умел. А Каро, в свою очередь, умела ценить его талант.

Вот только когда рука оборотня скользнула с шеи на грудь теурга, пришлось приятное занятие прервать — мягко, но решительно накрыв его ладонь своей.

Мастерс выдохнул — то ли раздражённо, то ли обречённо. Наклонил голову, занавесившись выбившимися из короткого хвостика волосами. Убрал руки, свесив их между колен.

— Извини... — пробормотала тега.

Целоваться ей нравилось. Такие моменты — нет.

— Да я то что, — хмыкнул оборотень. — Смотри, детка, найду на всё готовую.

— Вот и вали, — тут же окрысилась тега. — Тебя никто не держит! Можно подумать, кто-то рыдать начнёт или за штаны держать! Да ты...

— Ну и чего мы кричим? — Рон глянул из-под чёлки, ухмыляясь довольно-довольно. — Пошутил я.

— Да вали ты со своими шуточками!

Каро попыталась оттолкнуть парня и гордо встать. Куда там! Запястья её Мастерс перехватил, плюхнулся на задницу, свободной рукой обнимая колени Курой, навалился всей тяжестью на ноги, потёрся щекой.

— Не дождёшься, — мурлыкнул негромко. — А я — дождусь. Поспорим?

— Не буду я с тобой спорить!

— И правильно. А то проспороенный ужин всё-таки пришлось бы готовить. Как рука? Болит?

— Нет!

— Врёшь. За что и ценю. Ладно, сиди, болей. Буду за тобой ухаживать.

Оборотень вскочил на ноги, будто его пружиной подбросило. Насвистывая под нос, снял с крючка фартук, про который тега благополучно забыла. И деловито начал собирать с пола уже застывший жир.

И вот как на него злиться? Даже если очень хочется, не получается.

Глава вторая

Сколько с женщиной не спорь, все равно её аргументы громче.

Чем по праву мог гордиться Элизий, так это толерантностью. Знающие утверждали, что тут любая тварь сможет себе пару отыскать. Но и в столице не так много шансов встретить фею. Поговаривали, что численностью их диаспора ничуть не уступает другим Малым Народам. И учитывая, что они фактически монополизировали производство и продажу экзотических цветов, приправ, парфюмерии и шоколада, в это верилось без труда. Только уж слишком закрыто феи жили. Сами никуда не ходили, к себе не пускали и активно использовали наёмных рабочих.

В их понимании «семейный бизнес» имел совсем другой смысл, чем, например, у дварфов. В любой мастерской, где трудились бородачи, даже распоследний «принеси-подай» состоял пусть в дальнем, но родстве с хозяином. Маленькие же люди на черновых работах не трудились в принципе. Как уж они пропитание добывали, если собственности не имели — тайна. Но никто никогда не слышал о фате-строителе. Или фее-горничной.

Кстати, назвать представителя этого народа «маленьким человеком» значило нарваться на гарантированные проблемы. К людям любого размера они себя — кстати, вполне обоснованно — не относили. А неприятности эти прелестные создания могли учинить серьёзные. Замкнутость свою они подавали миру под лозунгом: «Всякий норовит обидеть маленького!». А, как известно, лучшая защита — это нападение. Потому все феи слыли паникерами, социопатами и, вообще, истеричками.

Но клиентка, на свой страх и риск решившаяся обратиться в «След», ничуть на психопатку не походила. Впрочем, на растиражированный образ тоже. Стрекозиными крылышками она не обладала. И хотя рослой её бы никто не назвал, всё же, девушка была побольше мужской руки — примерно как Каро, может, на несколько пальцев ниже.

Но всё равно, прелести ей Семеро при рождении отмерили больше, чем позволяла справедливость. Волосы — белокурые, естественно — трогательными локонами. Глаза — большие и синие — с дрожащей слезой. Губки — бантиком — надуты, как у обиженного ребёнка. Носик — прелестно вздёрнутый — припух от рыданий. Воплощение картины: «Дева в беде или Спаси меня, большой рыцарь!».

Каро фыркнула, раздражённо покрутила головой, переложила блокнот с одного колена на другое. Но на теурга никто внимания не обратил. Алекс, как всегда, завернувшись в тени, изображал статую в своём углу. Яте, занавесив чёлкой наглухо заплывший глаз, занимался изучением пола. А Мастерс держал клиентку за хрупкие пальчики и смотрел сочувственно. Это раздражало.

Тега тяжело вздохнула. Манёвр прошёл впустую.

— А, может, мы начнём всё-таки? — поинтересовалась у потолка Курой. — Время деньги...

Феечка как будто только этого и ждала. Выпрямилась, решительно расправив трогательно-узенькие плечики, но своей руки у Рона не забрала. Только левой — одной и моментально, не рыская! — достала из ридикюля платочек, промокнув персиковые, понятно, щёчки.

— Простите! Я что-то совсем расклеилась, — мило, но несколько гнусаво покачалась

прелестница. — Но это всё так ужасно...

— Мы вполне понимаем ваше состояние, — влюблённым голубем проворковал Мастерс. — И готовы ждать столько, сколько потребуется. Иногда нелегко собраться с силами, чтобы рассказать о своих страхах посторонним, — Каро громко фыркнула. Оборотень зыркнул на неё поверх плеча феечки, но даже с тона не сбился. — Давайте, я немного помогу. Что вас так пугает?

— Я очень боюсь умереть... — прошептала дивное создание, ещё шире распахивая голубые глазщи. — У меня тоже начало побаливать сердце. И тоже именно сейчас.

— А у кого ещё болело сердце? — чуть поднажал Рон.

— У моих бедных сестёр, — всхлипнула малютка, прижимая платочек к дрожащим губам. — Они не дожили до свадьбы и двух месяцев...

Кажется, детективам угрожал ещё один приступ безукоризненно-элегантных рыданий.

Теург мученически возвела глаза к потолку. И тут же вернула их на место — заметила, как Мастерс начал поглаживать пальчики посетительницы. Но, видимо, это возымело действие. Феечка словно подобралась на своём стуле, промокнула мокрые ресницы. И, что показательно, подсунула ладошку ещё глубже под лапу оборотня. Выглядело это дико: из руки Мастерса можно было налепить пять фееных ручек. Просто Красавица и Чудовище. Правда, Чудовище слишком привлекательное: белобрысое, зеленоглазое и чересчур любвеобильное.

— Меня зовут Элия Олэан. Мама моя умерла родами. Но остались мы: Эния, Эрия и я. Воспитывал нас отец, Айрэн Олэан. Он владеет закладной лавкой. Это не совсем обычно для нашего народа. Но дело в том, что предприятие его родителей перешло по наследству моей тётке, его старшей сестре. А лавку он получил в качестве приданого. Моя матушка была феей лишь наполовину — дочь фата и человечки.

— Действительно, необычно и дико интересно. Только на кой нам знать вашу генеалогию? — буркнула Курой, яростно чиркая в блокноте, пытаюсь правильно воспроизвести бесконечные гласные фейских фамилий, а, заодно, разобраться, чем одно имя от другого отличается.

— Госпожа Каро! — ещё тише попросил Алекс.

— Сейчас, объясню, — заторопилась Э... Кто она там из троих? — Мне кажется, что это имеет значение. Моя тётушка и отец долгие годы не общались друг с другом. Я не знаю точно, в чём была причина размолвки. Думаю, как раз в наследстве. Но несколько лет назад они помирились. И в честь этого объявили о помолвке моей старшей сестры Энии и нашего кузена, единственного тётушкиного сына, Алоа.

— Близкородственные браки обычны среди фей? — подал голос Яте.

Каро от неожиданности даже вздрогнула. Ей показалось, что заговорил диван.

— А разве среди лордов это встречается реже? — удивлённо приподняла кукольные бровки посетительница.

Теург прикусила губу, чтобы не ляпнуть что-нибудь, способное спровоцировать новую взбучку от начальства. Хотя одной только фразой девочка сказала о своём народе больше, чем если бы целую лекцию прочитала. Или о своей семье?

— А что в случае свадьбы получал ваш отец? — мягко поинтересовался Рон. — Нет, я понимаю, налаживание отношения с сестрой и всё такое. Но...

— Я вас тоже прекрасно понимаю, — мило улыбнулась феечка. — У папы нет наследников и всегда лучше, если дело останется в семье. За три последних года Алоа

фактически стал заместителем отца, а сама лавка должны была перейти старшему внуку. И кузен, кстати, смог удвоить доход.

— Понятно, — проворковал Рон. — А какое приданое определили вашей сестре?

— Мама оставила нам в наследство кусок земли, разделив его на три равных части. Это пустырь на самой окраине города, но Алоа такое приданое вполне устраивало.

— И что же случилось? Вы сказали, что ваша сестра не дожидая до свадьбы двух месяцев.

— Она скончалась, — всхлипнула посетительница, опустив голову — точь-в-точь цветочек, поникший венчиком. — Доктор сказал, что у неё был скрытый порок сердца. Но это ещё не самое страшное. После того, как прошёл принятый срок траура, папа объявил о помолвке кузена и моей средней сестры, Эрии.

— Надо полагать, она до свадьбы тоже не дожидая? — высказалась тега.

— Госпожа Каро! — напомнил о правилах приличия Алекс чуть громче.

— Вы правы. И у неё нашли тот же порок, — платочек снова оказался возле дрожащих губ. — А вот теперь, когда до моей собственно свадьбы осталось чуть больше двух месяцев, и у меня начались боли. Я так боюсь, господи! Помогите, умоляю!

— Мы берёмся за ваше дело, госпожа Олэан, — поднялся со своего места Росс. — Давайте подпишем все необходимые бумаги. А госпожа Каро приготовит нам чай. И обсудим детали подробнее.

Госпожа Каро нехотя кивнула, припоминая, остался ли у них в офисе стрихнин. Должен был остаться — крыс же совсем недавно травили.

* * *

В приёмной было сумрачно. И не только потому, что за окном снег сплошной стеной валил и светильники всё-таки пришлось зажечь, хотя часы ещё и двенадцати не пробили. Просто настроение такое смурное. Впрочем, у Яте другого и не водилось, да и Каро не видела причин для радости. Поэтому она молча заваривала чай, напряжённо прислушиваясь к негромким голосам в кабинете Росса.

Правда, дверь всё равно распахнулась неожиданно.

— Разрешите вам представить наших сотрудников, госпожа Олэан. Это госпожа Курой, теург и господин Курой, медицинский эксперт, — мурлыкнул блондин, придерживая клиентку за локоток, и разве что каблуками молодцевато не прищёлкнул.

— Очень приятно, — ласково заверила феечка всех присутствующих и тут же мило смутилась. — Ой, вечно я забываю! «Очень приятно» должен говорить тот, кому представляют и старше по возрасту. У меня даже в пансионате были плохие отметки по этикету.

— Вам можно простить все, — кошак окинул диву волооким взглядом и изящно склонился к ручке. — Выпейте горячего. А я вынужден принести извинения: удалюсь буквально на пару минут. Необходимо кое-что обсудить с шефом.

На слове «шеф» тега таки поперхнулась чаем. Хотя она норовила это сделать с тех пор, как дверь открылась.

— А чем это у вас так чудесно пахнет? Бергамотом, да? — феечка порхнула в кресло, даром что Семеро её крыльями обделили. — А можно мне чашечку? Только мяту не ложте, я от неё чесаться начинаю.

— Кладите, — буркнул Яте.

Каро покосилась на медика поверх своей чашки. Кажется, тегу несчастная прелестница тоже не слишком понравилась.

— Что? — от удивления госпожа Как-её-там даже ротик приоткрыла.

— Правильно говорить «кладите», а не «ложте», — ещё мрачнее пояснил Яте.

— Ах, ну да, — очаровашка как по заказу заалела скулами, смущённо опустив пушистые ресницы. — Все время из головы вылетает! Так можно мне чашечку, пока мы ждём милого господина?

— Милый господин — это, надо полагать, Мастерс? — уточнила Каро.

Феечка аккуратно нахмурила лобик. Именно аккуратно. Видимо, опасаясь появления преждевременных мимических морщин.

— Ну... Рона. Мастерс — это же тот роковой блондин? Он представлялся, да я не запомнила.

Оба Куроя решили, что вопрос был риторическим. Каро откинулась на спинку кресла, изучая картинки Элизия, развешанные по стенам приёмной. А Яте, видимо, выделил этот день для досконального исследования пола конторы.

— Так что с чаем? — напомнила дива.

— А он весь с мятой, — заверил её медик совсем уж враждебно.

— Нет, если я вам перебегаю дорогу, так и скажите, — начала феечка мягко-мягко. — Конечно, Рон очень привлекателен. Но я не собираюсь посягать на чужое. Тем более у меня жених есть. Так что тут нет совершенно никаких поводов для вражды.

Каро открыла было рот, чтобы ответить, но её опередил Яте.

— Нет! Я тут ни при чём, — бахнул Курой.

Тега, осознавая, что она явно чего-то недопонимает, перевела взгляд с медика на посетительницу, и обратно на парня. Убедившись, что они на самом деле разговаривали между собой. И вопрос был задан именно тегу.

— Вообще-то, Мастерс её, — Яте ткнул в сторону Каро большим пальцем.

— Её-о? — протянула феечка, оглядывая теурга с макушки до пяток.

Пухлые губки под неяркой помадой слегка скривились.

— У вас есть вопросы, госпожа? — улыбнувшись, процедила тега.

— Масса, — заверила прелестница и сощурила невинные глазки. Из которых невинность моментально вылиняла. — Но не к вам. Пожалуй, я их задам лично Рону.

— А как же «на чужое не посягаю»? — сладенько пропела теург.

— Так-то на чужое, — с истинно акульным очарованием ослабилась красотка. — А тут бесхозное. Видимо, парень совсем уработался, если его на вас потянуло.

— Не сомневаюсь, что вы виртуозно организовываете мужской досуг, — Курой наглядно продемонстрировала, что зубы у неё тоже в полном порядке и скалиться она умеет.

Но это теургу показалось недостаточным и каким-то мелочным. Наверное, её сам Седьмой под локоть толкнул. Каро, продолжая лыбиться, сложила пальцы в колечко, продев в него указательный — так весёлые девочки сутенёрам показывали, что с клиентом дело на мази. Да ещё и головой кивнула, мол: я тебя правильно поняла, подруга?

По идее, уважаемая фея таких знаков просекать не должна. Но посетительница обиделась.

Взвизгнула, как ошпаренная кошка, вскочила и сграбастала Каро за волосы, стаскивая с кресла. Теургу показалось, что с неё пытаются содрать скальп — аж слезы из глаз брызнули.

Но одна крысочиха тегу кое-чему научила. Теряться Курой не стала. Перехватила фею за руку, чтобы она в пылу клок волос не вырвала. И попыталась ткнуть ногтями в глаза. Куда целилась — не попала, но получилось тоже неплохо. Красотка взвыла.

Но так просто сдаваться малышка явно не собиралась, засадив колено теургу в живот. Естественно, Курой согнулась, пытаясь снова научиться дышать. Но остервеневшая дива остатков причёски противницы не отпустила. Потянула вверх, заставляя выпрямиться.

Краем глаза тега увидела, как из кабинета вылетел Мастерс.

— Дамы, прекратите! Дамы, хватит! — залепетал оборотень, нелепо расставив руки, словно собираясь обнять обеих.

Но насладиться видом растерянного блондина Каро не дали. Хрупкая фея совсем не со сказочной силой вывернула теургу кисть, чуть не сломав её. Но Курой в долгу не осталась — вцепилась клыками в запястье красавицы. Да и выпрямилась резко, собираясь треснуть озверевшую феечку затылком в подбородок. Но опять промазала. И непонятно, кому больнее сделала. Только фея отшатнулась, выдрав-таки у Курой изрядный клок волос. Тут уж взвыла тега.

Мастерс не нашёл ничего умнее, как именно в этот момент попытаться разнять дам. Каро не видела, за что он там хватал красотку, но теурга блондин за плечо сграбастал. И заработал два синхронных удара каблуками: один — острый, феин — проехался ему по щиколотке, наверняка содрав кожу. А другой — широкий, теги — пришёлся по ступне. Блондин самоудалился от драки, матерясь и прыгая с ноги на ногу.

А Каро решила, что в перенимании опыта нет ничего позорного. И обеими руками схватила посетительницу за патлы, намереваясь одеть личиком на свою коленку. Феечка заверезжала и чертовски острые когти вцепились теге в щёку.

Ледяной водопад обрушился, как цунами, заставив нежных девушек с шипением отпрыгнуть в разные углы комнаты.

Каро тряхнула головой, отбрасывая за спину свешивающиеся на глаза мокрые пряди. Разгром впечатлял. Теург и не заметила, когда это они умудрились перевернуть секретарский стол. Но, к немалому удовольствию теги, опрокинули его явно задом красотки. Потому что по её светлой юбке растекалось отвратительное чернильное пятно. Картинки на стенах висели криво, одна и вовсе свалилась. Несчастливая пальма, поваленная набок, покачивалась у окна.

Мастерс полуприсел у стены, таращась на дам с откровенно отвалившейся челюстью. Алекс стоял на пороге своего кабинета. Пожалуй, эпитет «обалдевший» наиболее ёмко описывал его выражение лица. Только Яте, деловито убирающий пустое ведро в шкаф, был спокоен, как дохлый удав.

— Забирай свой сокровище, — тяжело дыша, но гордо, заявила Каро Мастерсу. — И советую купить ей намордник. А то вот мне теперь придётся уколы от бешенства делать.

Теург развернулась на каблуках и, стараясь не терять достоинства, удалилась в лабораторию.

* * *

С достоинством все оказалось гораздо печальнее, чем ожидалось. Волосы на голове теги стояли дыбом, при этом умудряясь торчать во все стороны. Отодранный лацкан пиджака

печально белел оборванными нитками. А воротник блузки, который она поправила, и вовсе остался у Курой в руках. На лбу алели четыре параллельных царапины и ещё одна на скуле. Под скальп как будто углей насыпали. И вся голова мерзко пульсировала. Живот ныл. Нов целом не так плохо, как могло быть.

Каро задрала блузку, но ничего особенного на своём пузе не обнаружила.

— Совсем сдурела, стерва! Так же и разрыв внутренних органов получить недолго, — буркнула теург, ощупывая живот.

За стеной раздавался мелодичный нежный плач обиженной малютки и басовитое успокаивающее гудение Рона. Тега скривилась и сплюнула в раковину розовой слюной. Провела языком по зубам, которые, к счастью, все на месте оказались. А вот разбитая, стремительно раздувающаяся губа саднила.

Яте, зашедший следом, дождался, пока девушка закончит ревизию ранений. Отлип от стены, подошёл, взял тегу за подбородок жёсткими и холодными, как поручни пальцами. Повернул её лицо к свету, сощурившись на царапины.

— Все со мной в порядке, — Рыкнула Каро. Мотнув головой, вырываясь. — И хуже бывало.

— Не сомневаюсь, — спокойно ответил Курой. — Могу посоветовать женские бои с высокими ставками. Чего зря талант тратить? А пока тут посиди.

— Я никуда и не собираюсь.

Медик кивнул, будто соглашаясь, и вышел, прихватив из стеклянного шкафа вату и несколько склянок. Видимо, пошёл обиженную заказчицу лечить. Правильно! Раненые сотрудники — не хрупкие феечки. Они и потерпеть могут.

Теург умылась. Осторожно, как могла, причесалась, стараясь не трогать голову там, где не хватало волос. Процедура все равно вышла малоприятной.

— Тебя бешеная крыса покусала или просто головой в косяк въехала? Детка, ты, вообще, соображаешь, что натворила?

Каро покосилась на Мастерса, с грозным видом сложившего руки на груди. И сосредоточилась на застёгивании пиджака. Кстати, запястье тоже ныло и слегка опухло.

— Каро, я с кем разговариваю? — поинтересовался оборотень.

Тега пожалала плечами и залезла в шкаф, отыскивая бинт. Заматывать собственное запястье дело не самое удобное. Рон, обречённо вздохнул, отлип от притолоки и подошёл к девушке, явно собираясь помочь.

— Руки убери! — гавкнула Курой. — Иди, красотку свою обихаживай!

— Эй, ты ещё на меня и злишься, что ли?

Теург снова пожалала плечами, зубами затягивая узел на бинте.

— Я-то в чем виноват?

— В том, что природа ошиблась и ты не кот, а кобель? — предположила Каро и демонстративно повернулась к нему задом, разжигая спиртовую горелку.

Турка стояла тут же, на столе. Курой вцепилась в неё, перехватив за длинную ручку поудобнее. Горячий кофе при разбитой губе — это не самый разумный выбор. А вот чтобы дать оборотню в лоб сойдёт.

— Быстро же ты нашёл на всё готовую. И суток не понадобилось.

— Да я же ничего не сделал!

Каро мрачно глянула через плечо и, пихнув Мастерса, стоящего у неё на дороге, прошагала к раковине.

— Какого демона я оправдываюсь? — спросил Рон, кажется, у потолка.

И вышел, хлопбыстнув дверью.

Тега стояла и смотрела, как вода широкой струёй переливается через край джезвы. Швырнула ни в чем не повинную посуду в раковину и плюхнулась на диван, прижимаясь гудящим затылком к прохладной стене.

Дверь опять скрипнула. И на пороге нарисовался тот, кого Курой для полного счастья и не хватало.

— Вы осознаете, что устроили, госпожа Каро? — холодно, с истинно лордской надменностью поинтересовался Алекс.

Тега вскинулась, хотела возразить — ведь начала не она! И сгорбилась, проглотив все аргументы, рассматривая носки собственных ботинок. Какая разница, кто первый начал? Драться с посетителями — это, кажется, чересчур. И, если уж совсем честно, спровоцировала-то феечку сама Каро. Теперь это всё выглядело... не очень.

— Мне многое приходилось видеть, но такое даже сравнить не с чем, — слова хлестнули, как пощёчина. — Я готов понять ваше эмоциональное состояние — вероятно, у вас личные проблемы. Понимаю и ревность. Но вы взрослая женщина, знали о репутации Рона. Вероятно, предполагали, с чем придётся столкнуться. К сожалению, не всегда отношения развиваются гладко. И мы часто видим проблемы там, где их нет. Повторюсь, я всё понимаю. Но кое-что мне недоступно. Кем вы сами себя считаете, госпожа Каро? Профессиональным теургом, как заверяли при найме на это место? Или влюблённой девицей, которой, судя по поведению, вы являетесь?

Курой снова открыла рот — хотела сказать, что дело вовсе не в ревности. Но опять промолчала. Оправдание, что её просто посетительница не понравилась, выглядело не слишком убедительно. И чересчур по-детски.

Щеки у теурга горели, словно по ним действительно пришлась пощёчина.

— Если вам раньше этого никто не растолковал, то самой пора бы понять. На работе следует работать, а не выяснять личные отношения. Про драки с посетителями вообще молчу. Надо ж такому в голову прийти. Простите, но вы склоняете меня к тому, чтобы разорвать наш контракт. И пожалуй, навсегда отказаться от найма женщин сотрудников.

Слезы уже кипели в глазах. Курой даже щёки изнутри закусила, чтобы не разреветься. Так стыдно, как сейчас, ей ещё никогда не было.

— Я прошу прощения, господин Росс, — промямлила теург, не рискуя даже посмотреть на альва, — клянусь, подобного больше не повторится. Я сейчас же извинюсь перед... посетительницей. Я... Только не увольняйте меня, пожалуйста!

Последнее вылетело само. Каро же твёрдо решила, что умолять оставить её в агентстве ни за что не будет. В конце концов, опыт работы по специальности теперь имелся и место она найдёт. Вполне возможно, даже более высокооплачиваемое. Но вот выпалила же!

— Не могу обещать ничего конкретного, госпожа Курой. Окончательного решения я ещё не принял.

Теург уставилась на закрывшуюся дверь, пытаясь переварить, что это она такое только что отчебучила. Кажется, Алекс был всё-таки прав. Больше всего это смахивало на ревность.

Каро плашмя рухнула на диван, пряча пылающее лицо в ладонях, и глухо замычала. Мысль о том, чтобы немедленно пойти и утопиться казалась всё привлекательнее.

Отец был один. И это само по себе казалось странным. Комната без секретаря, ближайших советников и неизменной охраны выглядела пустой — слишком просторной, слишком светлой. Солнечные лучи, пробиваясь через расписные бумажные стены, пятнали цветными лужами чёрный лакированный пол. А поверх их лежала тень от резной решётки, загораживающей веранду. И лишь тег, недвижимый, как статуя, казался монохромным: белые волосы, борода, шёлковые одежды цвета снега. Только глаза да лежащие поперёк бёдер ножны чёрные.

Яте вошёл, опустил на пятки, коснулся сложенных на полу ладоней лбом. Выпрямился, застыв в зеркальной позе. Только без меча — не положено. Мал ещё, не успел взрослого имени получить. Поэтому слушай, что тебе отец скажет, безропотно выполняй его волю. Не смей перечить, не смей даже слова поперёк вставить, как бы в душе не кипело, как бы ни хотелось орать. Не дорос ещё до права говорить.

Глаза у отца — оникс полированный. Своё крохотное отражение в них видишь, а больше ничего: ни мыслей, ни тем более чувств. Первый воин, никогда не ошибающийся мудрец. Так говорят и в это надо верить. Потому что он — правитель. И твой отец.

— Наставники рекли: «Никогда не говори, что чего-то сделать невозможно. Ибо тем самым ты обнаруживаешь ограниченность своего духа», — негромко произнёс мужчина. — Победы достойны те, чьи сердца не ведают страха. Теги были бесстрашны, но, видимо, этого недостаточно. Мы сделали невозможное, и этого оказалось мало. Одним бесстрашием и сильным духом не победить альвов. Может, они трусливы, ограничены и хитры. Но на их стороне мощь всех Семерых и винтовки. Против храбрости и мечей. Теги проиграли, сын. Наш мир будет уничтожен.

Яте уставился на свои руки, лежащие на бёдрах. Заставил дрожащие сжимающиеся в кулаки пальцы распрямиться. Опускать глаза, когда с тобой разговаривает отец — недопустимо. Вскочить и начать орать — за гранью. Как бы ни клокотала ярость. Она не оправдание. Если не можешь сдерживать эмоции, то дух твой слаб. А это недостойно воина.

— Но ты будешь спасён. Это моя последняя воля. Тот, кого я зову своим другом, отвезёт тебя к ним вместе с остальными.

— Разрешешь ли сказать, отец? — голос сипит, горло перехвачено, как удавкой.

— Гнев — это недостаток юности, сын. Но им необходимо управлять. Иначе он пожрёт тебя, — кончик белой бороды чуть заметно неодобрительно качнулся. — Тем более, если Третий отмерил ярости больше, чем может вместить твой дух. Говори.

— Они не смогут увезти меня. Я не подхожу по возрасту. Мне уже двенадцать.

— Юность не только яростна, но и склонна не прислушиваться к чужим словам. Вспомни, когда ты сокрушался о своём малом росте и слабых мышцах, я сказал: «Когда-нибудь всё то, что ты сейчас считаешь несправедливостью, обязательно обернётся добром!». Сегодня наступил как раз тот день. Помни, сын, тебе не исполнилось и семи вёсен.

— Мне двенадцать! — нельзя повышать голос, нельзя! Но уже не только руки дрожат — спина ходуном ходит. Не до приличий! — Я могу сражаться! Любой наставник подтвердит: против меня боятся вставать и те, кто старше!

— Я всегда был уверен, что ты станешь хорошим, а, может, даже и великим воином. Но то время ещё не пришло. Да и сражения уже закончены. Или ты, захваченный своим гневом,

не слышал, что я сказал? Теги проиграли, сын.

— Тогда спаси Тако! Брата моложе меня на целых три года. Позволь разделить твой путь, каким бы он ни был. Не заставляй принять этот позор!

— В том, что я прошу, нет бесчестья. Как ты думаешь, сын мой, почему альвы согласились спасти только детей? Нет, не отвечай! — отец властно поднял руку. — Сейчас я не смогу услышать от тебя ничего, кроме дерзких криков. Лучше запомни мои слова, ибо это последнее, что я скажу. Альвы мечтали заполучить могущество и мудрость тегов. И они сделали это. В наших детях сохранится сила. Но правители большой земли воспитают их своими рабами. Те, кто покинут острова, ещё слишком малы. Они не запомнят заветы предков, не будут знать нашей правды и законов. Дети тегов станут только слугами. Но ты уже достаточно взрослый, чтобы помнить. И отомстить. Слышишь, Яте, мой наследник? Вместо законного правления, я оставляю лишь месть. Это самый тяжёлый путь для любого живущего. Но мне некому его передать, кроме старшего сына. Ты понял мои слова?

— Да, отец, — удавка затягивается с садисткой медлительностью.

— Ты исполнишь то, о чём прошу?

— Да, отец.

— Ты клянёшься, что отмстишь за всех, кто уже погиб и тех, кому погибнуть только суждено?

— Да... — горло сжимается в игольное ушко, через которое и слова пропихиваются с трудом, — ... отец. Клянусь.

— Хорошо. Поприветствуй тех, кто поможет начать тебе путь.

Когда эти двое появились на веранде, Яте не заметил. Впрочем, он бы сейчас и самого Третьего не заметил, явись Сес-Айс во плоти. Со зрением творилось что-то странное, словно тег на мир смотрел через грязное стекло.

— Мы переправим его на Курои. Оттуда эвакуация начнётся завтра к вечеру, — церемонно поклонившись, сказал альв в белой форме. Сегодня весь мир решил стать белым. — К сожалению, остальных ваших детей мы вывести не сможем. Если вы не придёте к коменданту со всей семьёй, то недостающих станут искать.

— Предвидь я, что так обернётся, то подготовил бы двойников не только для наследника...

Кажется, со слухом тоже происходило неладное. Потому что в голосе отца Яте примерещилась горечь.

— Мне жаль, — альв снова поклонился, сложив руки перед грудью.

— Нам всем жаль, — кивнул старый тег. — Прощайте.

— Пойдём, парень, — беловолосый гигант со странными глазами, стоявший за спиной альва, положил руку Яте на плечо, подталкивая его к выходу. — Потерпи немного. В лодке поревёшь.

— Мстители не плачут, — огрызнулся Яте.

Тихо постукивают бамбуковые трубки в чаше для омовения: ти-тек... пауза... ти-тек. О чём-то воркует, тихонько посвистывая за шёлковой ширмой соловей. Ветер ласково перебирает чёрные ветви вишен, играясь, поднимает пургу бледно-розовых лепестков. Ими, как снегом, засыпаны все садовые дорожки...

Яте рывком сел на постели, перебросив ноги через край кровати. И уставился в щелястый, плохо покрашенный пол. Из-под двери немилосердно дуло. От окна тоже сифонило. Сквозняк прошёлся по голой спине, как тёркой, заставляя передёрнуть плечами.

Тег наклонился, подбирая с пола папиросы и спички. Закурил, прокусив клыком картонный мундштук. На языке моментально горечь появилась.

Мститель, мать вашу так через колено! А заодно всех тегов с их завиральными идеями. Даром что от них и пепла не осталось. Жить всё равно до сих пор мешают. Даже не выспишься нормально. Опять голова целый день болеть будет.

Одно плохо. Раз эта бредятина приснилась, то жди больших неприятностей. Главное, чтоб им пусто стало, нет бы приснить с какой стороны гадости ждать. Нет же, видится муть всякая.

Столбик пушистого пепла упал на ледяные доски. Поди ж ты! А руки-то дрожат...

Глава третья

Раньше мужчины боялись, что женщины им откажут, а теперь боятся, что предложат.

Семейство Олэан проживало в модном квартале, занимая весь четвёртый этаж краснокирпичного пятиэтажного дома со своим, огороженным причудливой чугунной решёткой двором и маленьким сквериком, в котором под присмотром личных нянь паслись дети. Подрастающее поколение элизийских толстосумов слоняющаяся Каро не заинтересовала. А вот их боны посматривали косо. То ли им просто не нравились нервно расхаживающие девицы, то ли выражение лица теги доверия не вызывало.

Хотя, наверное, у любого физиономию перекосит, если напарники опаздывают больше чем на двадцати минут. Ведь сказано же ясно: заказчица будет ждать детективов в десять утра, когда строгий папенька гарантированно отбудет в свою контору. Но Яте с Роном, видимо, решили, что сказано не для них. Зато заявили они практически одновременно. И на невнятное бурчание Каро, которое с равной долей вероятности могло означать как приветствие, так и проклятие, оба ответили примерно тем же.

В шикарном подъезде, облицованном розоватым мрамором, детективов встретил царственный консьерж. О прибытии посетителей заказчица предупредила, но это не помешало ему вылить целый ушат презрения. При этом ни слова не говоря.

Наверх сотрудники «Следа» поднялись в самом что ни на есть настоящем лифте. Каро такие механизмы видела всего раз, да и то издалека — в гостинице, на крышу которой её Мастерс таскал. Воспоминания настроения теурга ничуть не улучшили.

Но поездка теге не понравилась. Как и мальчишка, старательно копирующий надменную физиономию консьержа. Возможно, у него и были основания презирать сыщиков. Но по глубокому убеждению теурга, в обязанности пацана входило только открывать и закрывать двери лифта, да дёргать какой-то латунный рычаг. На неискущённый взгляд Курой, такая блистательная карьера прав смотреть на всех свысока не давала.

Двери лифта открылись прямо в квартиру, но у богатых, как известно, свои причуды. Зато ненормальная заказчица уже ждала детективов в пышном, но каком-то неживом и холодном холле.

Посреди такого великолепия госпожа Элия выглядела маленькой и потерявшейся, как ребёнок. Едва слышно пробормотав приветствия и испуганно глянув на Каро, феечка потупилась, терзая в пальчиках кружевной платок.

В чистой душе теурга опять шевельнулась тень стыда. Но тега мгновенно замела её под половичок совести. Если уж клиентка не отказалась от контракта после всего случившегося, то ничего страшного и не произошло.

Вероятно, заказчица тоже предпочла сделать вид, что вчерашнего инцидента не существовало. Не поднимая глаз, она предложила начать осмотр с комнат сестёр, стоявших запёртыми со времени их смерти. Никто не возражал. Собственно, после тёплого приветствия у подъезда все сотрудники «Следа», не сговариваясь, решили побыть вежливыми и учтивыми.

Работа в спальнях нашлась только для теурга. Потому что за два года все запахи и следы, если они и были, вряд ли сохранились. И, честно говоря, Каро настроилась мгновенно

отыскать что-нибудь эдакое, доказывающее её профессионализм. Но девушку ждало жестокое разочарование. Ничего эдакого, да и просто магического и не нашлось.

Обстановка в комнатах Курой не понравилась. Слишком уж она походила на уютную. Только здесь каждая спальня предназначалась одной постоялице, а не для тридцати. А в остальном сплошное дежавю: узкая и даже на вид жёсткая кровать, накрытая тусклым покрывалом. Простой письменный стол с придвинутым к нему стулом. Плательный шкаф, книжная полка, комод, на котором стоял таз и кувшин для умывания, да маленькое зеркало на стене. И больше ничего — ни картинки, ни игрушки, ни даже забытой ленточки. Контраст с холлом был разительный и слишком уж непонятный.

Такой же оказалась и комната самой клиентки. Ни единого штриха, который бы говорил о личности хозяйки, Каро не заметила. Да и Рон, обнюхавший в поисках тайников даже потолок, только руками развёл. А вот платья, бельё и туфельки в шкафах были дорогими и модными. Но это теург ещё по Элии заметила. Её одежда тоже не отличалась излишней скромностью или чопорностью. И ещё в комнатах всех трёх девушек была неплохая подборка по-настоящему дорогих украшений, а ни какой-нибудь дешёвой бижутерии. Причём лежали цапки просто в шкапулках.

— Я уже говорила, что у отца закладная контора, — пояснила этот феномен феечка, зябко потирая худенькие плечики. — Драгоценности часто не выкупают. И кое-что он дарил нам. В средствах мы не нуждаемся. И папа считает: его дочери должны хорошо выглядеть.

— А можно посмотреть комнаты вашего отца? — спросила Каро ни на что, в принципе, не рассчитывая.

— Нет, что вы, это совершенно невозможно! — у куколки даже глаза округлились. — Кроме того, и спальня, и кабинет заперты! — поспешно добавила девушка.

— Так невозможно или заперты? — приподнял бровь Рон.

— 3-заперты, — пробормотала вконец растерявшаяся фея.

— Фигня вопрос! — заверил её оборотень. — Ведите.

Заказчица оглянулась на холл, словно ожидая, что там появится чудовище. Даже всхлипнула пару раз, совершенно неизящно дёрнув носиком, как кролик. Но потом всё-таки указала на одну из многочисленных дверей.

Мастерс присел на корточки, разглядывая замок, достал из кармана кусок проволоки, как-то странно изогнул его, поковырялся, крякнул — и створка с тихим щелчком приоткрылась.

— Прошу, — Рон жестом фокусника распахнул дверь.

— Вообще-то, это называется «взлом», — сообщила Каро, плечом оттерев его в сторону.

— Вообще-то, это называется «осмотр места преступления», — парировал оборотень.

— А у тебя разрешение полиции на это есть?

— Детка, надо будет, я тебе ордер от судьи в зубах приволоку, — с бесподобной мужской надменностью сыщик, пожалуй, переборщил.

— Как скажешь, Кис-кис, — смиренно согласилась теург.

Блондин посмурнел.

А вот эта комната могла рассказать о многом. Ровно половину её занимала кровать. Не двуспальная, а какая-то многоспальная. Даже Мастерс мог в ней кувыряться, без страха свалиться на пол. Во второй половине мебели было побольше. Застеклённая горка с тускло поблёскивающими разнокалиберными стаканами, рюмками и бокалами. Полированный бар с целой коллекцией бутылок. Солидный комод, на котором стоял поднос с коньячным

графинном и сигарной коробкой. Шкаф же тут заменяла полноценная гардеробная. Вещи в ней весели в четыре горизонтальных и два вертикальных ряда, а полки с обувью уходили в бесконечность.

Но самый большой интерес вызвал секретер с множеством отделений. Который оборотень без труда открыл с изяществом опытного домушника. Такая непринуждённая лёгкость заставила Курой задуматься, не успел ли Рон сделать карьеру и на этом поприще. Но жизнь во всех её проявлениях папаша Олэан явно уважал.

— Знаете, что странно? — поинтересовался Мастерс задумчиво. — Я совершенно не чувствую тут женского запаха.

— Свихнулся на женских запахах? — рассеянно поинтересовалась Каро, роясь в ящике, набитом деньгами.

А одно из отделений, длиной примерно с руку теурга и такое же в ширину, на самом деле оказалось буквально набито плотненькими печечками купюр. Копание в них не имело никакого отношения к профессионализму. Но в голове у Курой просто не укладывалось, что на этом свете может быть столько денег сразу. Вот она подвох и искала. Подвох не находился. Все банкноты выглядели вполне настоящими.

— Да нет! — отмахнулся Мастерс. — Смотрите, он любит выпить. Причём коньяк — это повседневный напиток. Но ещё и бар имеется. Обожает одеваться, драгоценностей у него, наверное, больше, чем в королевской сокровищнице. Постоянно держит под рукой кучу наличных. То есть, привык исполнять свои прихоти моментально. Толпы женщин тут выглядели бы логично.

— Госпожа Элия, — обратилась тега к феечке, из последних сил цеплявшейся за дверной косяк. И, кажется, собирающейся грохнуться в обморок. — А ваш отец приводит в дом женщин?

— Нет, — пискнула она. — В доме из женщин только я и две горничные. Но обе пожилые.

— Может, у него проблемы по этой части? — почесала бровь Каро.

— Вряд ли, — Яте, сидящий на полу, как пасьянс раскладывал перед собой гравюрные листы. — Конечно, такое бывает. Но я бы сказал, что это обычная коллекция не слишком молодого одинокого мужчины.

— Да? — теург подняла с пола рисунок и принялась его крутить, пытаясь понять, что же такое на нём изображено.

Это было не просто. Нет, то, что художник изобразил мужчину и женщину, тега догадалась сразу. Только вот дама казалась странной. От усердия понять, что к чему, девушка даже губу прикусила. Протиснувшийся мимо неё Рон, молча забрал гравюру, перевернул и сунул обратно. Теперь стало понятно, в чём странность женщины. Просто их было две.

— Извращенец! — прошипела Каро в спину оборотня, стремительно краснея.

— При чём тут я? — пожал плечами Мастерс. — Не я рисовал, не я покупал, не я хранил.

— Но ты... Ты...

— Что? — блондин обернулся, приподняв бровь.

— Ничего, — буркнула, тега, убирая ящик с деньгами на место.

Но на этом интересные находки закончились. Кабинет оказался обычным рабочим кабинетом. Куча счетов, каких-то деловых бумаг, подшитые в пухлые тома закладные и

бухгалтерские книги. Из этого можно было сделать только один вывод: всю отчётность хозяин предпочитал хранить дома. Что тоже выглядело несколько странно. Но на преступление не тянуло.

Оставалось только навести порядок и закрыть все взломанные замки.

* * *

Как уже говорилось, феи нечасто радовали жителей Элизия правом созерцать своё несомненное великолепие и такую же несомненную утончённость. Что уж говорить, «Следу» просто повезло. Две феи за два дня — это, наверное, к удаче.

Только, кажется, управляющий так не считал. На ввалившихся сотрудников он глянул хмуро и даже не поздоровался. Зато посетитель, сидящий в кресле, закинув ногу на ногу, неспешно поднялся, демонстрируя, что он самый обыкновенный фат. Ну обыкновеннее просто некуда!

Невысокий, может, выше теурга на пару пальцев, но не более. Узкоплечий и узкобёдрый, но при этом его фигура оставалась типично мужской, даже и не подростковой. Светлые волосы, отливающие голубым, пострижены коротко. Зато сзади оставлен пышный, расчёсанный до блеска хвост, длинной до середины бёдер. В остреньких ушках поблескивали глазки бриллиантиков. В левом три, в правом пять. В общем, ничего необычного. Такие примерно в сладостных девчачьих мечтах и являются. Правда, больше нигде не водятся. Кроме кабинета управляющего детективного агентства.

Рядом с Алексом посетитель выглядел странно. Лорд, да кукла, лорда изображающая. Правда, игрушка действительность несколько приукрашивала.

— Знакомьтесь, это жених нашей клиентки... — Росс приподнял листок, лежащий у него на столе, заглядывая в записи, и слегка поморщился... — Алоа Йельон.

Каро шефу искренне посочувствовала. Фейские имена стоило бы постовым использовать. Для определения степени опьянения у прохожих. Сумел повторить с первого раза — молодец, шагай домой! А если даже выговорить без ошибок умудрился, то можешь дальше пить идти.

Фат оказался парнем деловым и напористым. Не дожидаясь, пока его представят, господин Йельон решил с хода расставить все знаки препинания над рунами.

— Я пришёл сюда исключительно по просьбе моей многоуважаемой невесты. И считаю, что только зря трачу время.

По крайней мере, стало понятно, с чего это шеф так недоволен и откуда эта кислая физиономия. Видимо, пока подхода подкрепления ждал, наобщался.

— Которое, естественно, мог бы потратить гораздо плодотворнее, — фыркнул Рон.

Снисходительно-презрительной улыбочки, с которой он разглядывал пышное кружевное жабо, лежащее поверх чересчур узкого сюртука, оборотень скрывать и не собирался.

— Естественно, — ничуть не смущаясь, согласился фат. Тряхнул своим голубоватым хвостом, горделиво задирая подбородок. Между прочим, шея у него была тоже вполне себе мужская. Даже крепкая. — Мой досточтимый отец отошёл от дел. Теперь нашим семейным предприятием руковожу я. И, поверьте, на эти кружева, которые вы разглядываете с таким презрением, заработал сам.

— Да мы тут вроде тоже не у родителей медяки кланчим, — буркнул Мастерс.

Глянул на Алекса, пожал плечами и уселся на диван. Правда, прежде чем сесть, буквально на секунду задержался рядом с фатом. Не угрожая, а будто примериваясь. Хотя, что там мерить? Красавчик Рону и до плеча макушкой недотягивал. О ширине и вовсе стоило скромно умолчать.

— Не спорю, — согласился фат, на которого демонстрация мощи, не произвела ни малейшего впечатления. — Только вот я могу себе позволить самое лучшее, чего не скажешь о вас.

Кажется, это осторожное порывивание перед битвой мужских начал грозило затянуться. Каро оглядела кабинет. Мастерс хищно лыбился, Алекс рассматривал стол, потирая лоб ладонью. Яте прибывал в параллельном измерении, где вроде бы и собирался оставаться. Вероятно, два павлина, друг перед другом хвостами потряхивающие, беспокоили исключительно теурга.

— Мы не займём у вас много времени, господин... — наверное, краснеть, заглядывая в блокнот, всё-таки не стоило. Подумаешь, не запомнила имя, на зевок похожее! — ...Иельон. Спасибо большое, что вы нашли время зайти. У нас будет буквально пара вопросов.

Фат перестал пытаться просверлить в Роне взглядом дырку и переключился на девушку. Презрительная усмешка медленно, но очень верно перелиняла в улыбку. Правда, чуть удивлённую.

— Элия была абсолютно права, госпожа Каро. Вы действительно напоминаете экзотический и очень необычный цветок, — посетитель изящно, как танцор, поклонился тебе. — Простите столь избитое и пошрое сравнение. Но лучшего эпитета я подобрать не в силах.

Может, эпитет и не отличался оригинальностью. Вот только на щеках Каро уже запросто можно было омет жарить. Застенчивое перебирание пальчиками уголков листов блокнота скрыть смущение не помогало.

— Оно и видно! — фыркнул Рон.

— Сомневаюсь, что ваши комплименты женской красоте распространяются дальше оценки задниц и груди, — не оборачиваясь, парировал фат.

Тут уж фыркнула теург. Конечно, сказано грубовато. И ни с внешним видом, ни велеречивостью господина Иельон эта грубость не вязалась. Но ведь в точку же попал! Вот и Мастерс недовольно засопел. Кажется, его желание скрутить фею в бараний рог становилось всё сильнее.

— Насилие — последнее прибежище некомпетентности, — пропел фат, по-прежнему гипнотизируя Каро.

Между прочим, его глаза, миндалевидные, как у кошки, но гораздо шире роновских, отливали чистым фиолетовым цветом. Только у зрачка темнее, густо-синие, почти чёрные.

— Я готов побыть некомпетентным, — промурлыкал Мастерс, — переживу.

— Сомневаюсь, — фат прикрыл свои невозможные очи и...

И в следующий миг он уже стоял на алексовском столе, уперев под подбородок оборотня кончик тонкого, игольчатого клинка. Каро только тихонько ахнула, невольно вперёд подавшись. Она-то хорошо знала, на что оборотень способен. И, наверное, происходи всё не в кабинете управляющего, показательное выступление красавчика провалилось бы с треском.

Сейчас же Мастерс только расслабленно улыбался. Разве что кончики когтей на

сложенных руках, царапающие кожу куртки, не гармонировали с его благодушной физиономией. Да зрачки в нитку сжались. Но не хватало только капли. Всего одного неосторожного движения или слова — и от наречённого клиентки останется мокрое место, да клочок кружева. И не поможет ему ни скорость, ни ловкость, ни навыки фехтования. Пожалуй, в таком бешенстве тега Мастера ещё ни разу не видела.

— Господа, с вашего позволения я подожду в приёмной, — подал голос Алекс, деликатно зевнув в кулак. — Когда вы закончите мериться самцовостью перед госпожой Каро, позовите, хорошо? А мне такие выступления неинтересны.

Теург опустила голову, рассматривая носки своих ботинок. И борясь с горячим, но неуместным желанием дать управляющему блокнотом по идеальной причёске. Её-то он зачем впутал?

Первым в себя пришёл фат. Парень соскочил со стола, одним длинным движением убрав клинок в трость.

— Прошу меня простить, госпожа Курой, — красавчик поклонился, прижав руку к груди, — за то, что позволил своим эмоциям возобладать над здравым смыслом. Впрочем, остальным я так же приношу извинения. Вы же знаете, мы — феи — несколько импульсивны.

И улыбнулся, сволочь. Умудрившись стать ещё симпатичнее. Хотя куда уж дальше?

— Извиню, — буркнула Курой, косясь на Рона, усиленно занимающегося дыхательной гимнастикой, — Если вы объясните один нюанс мужского поведения. Вот это вот что сейчас было? Точнее, на кого вы хотели произвести большее впечатление: на меня или на господина Мастера?

А что делать? Надо же поднимать женское достоинство, столь грубо попранное Россом.

Фат обеими руками опираясь на свою трость, выпрямился. Даже вытянулся, как струна. Кожа на заострившихся скулах побледнела.

У Каро мелькнула трусливая мыслишка: совместными с оборотнем стараниями это дело они всё-таки упустили. Интересно, что об этом скажет Алекс? Хотя — нет, последнее тега знать точно не хотела.

Но посетитель умудрился удивить теурга. Он расслабился, опустил напряжённые плечи. Улыбнулся — на этот раз смущённо.

— И вновь я приношу свои извинения. И вам, госпожа Курой, и вам, господин Мастерс, — красавчик провёл ладонью по ёжику на затылке. — Вы правы, в такой ситуации проявлять... Как вы сказали? Самцовость? Вот именно её проявлять и неуместно. Седьмой! Глупо вышло.

— Да уж, я тоже хорош, — проворчал оборотень, — стоит извиниться.

Они торжественно пожали друг другу руки, объявляя перемирие.

А Каро опять осталась в стороне! Мальчишки порешали свои мальчуковые проблемы, девочки же здесь ни при чём. И где, спрашивается, справедливость?

* * *

Сказать, что Каро зла была — сильно преуменьшить. Дивно, а, главное, продуктивно начавшееся утро продолжилось столь же великолепным днём.

Из разговора с фатом, на который почти три часа ушло, лично теург вынесла только

одну полезную информацию. Красавчик к своим наречённым никаких романтических чувств не испытывал. И даже не собирался скрывать, что предполагаемая женитьба — как первая, так вторая, а, вдогонку, и третья — для него являются чисто деловым мероприятием. Или предприятием? Но как не назови, а от этого сомнительная полезность узанного ценнее не становилась.

Господин Иельон на вопросы отвечал охотно. И как ни странно, без излишней зауми. Выдавал факты чётко и по делу. Наверное, и впрямь бизнес у него неплохо шёл, с таким-то подходом к проблеме. Стоило бы и уважать фата. Да вот зарождающая женская солидарность, упорно поднимающая голову, как раздражённая кобра, мешала. Она в равной степени чхать хотела и на довод: «Так все делают!». И на: «Да эта стерва большего и не заслуживает!». Шипела себе, поплёвываясь ядом: «муж-жчи-ины!».

Конечно, выходить замуж не по великой любви, а просто потому, что жениху твоё приданое приглянулось, скорее всего, обидно. Да и какое приданое! Кусок пустой земли, граничащий с Серым городом! Пусть даже размеры участка позволяли на нём дворец отгрохать, да ещё бы и на фонтаны с павлиньими гнёздами осталось. Но иметь в соседях мертвяков и упырей? Бр-р, увольте.

Хотя, с другой стороны, земля в Элизии остаётся землёй в Элизии. И разница заключается только в её стоимости. Обычно она колеблется от: «Кошмар, как дорого!» до: «Не показывайте таких цифр, у меня сердце слабое!».

Видимо, деловой фат ни брезгливостью, ни предрассудками не страдал. Потому что наследство, оставленное покойной матушкой трём барышням, его вполне устраивало. Господин Иельон желал снести останки трущоб вместе с чудом выжившими тараканами. И выстроить фабрику. А затраты на охрану от тех, кто забыл, что мёртвым полагается тихо в могилах лежать, женишок планировал покрыть за счёт отсутствия налога на дым. Рядом с Серым городом мзда за загрязнение воздуха не взималась. Наверное, потому что не с кого её собирать было. Мертвецы городской воздух портили — это бесспорно. Только обычно капиталами не располагали.

Слушая фата, Каро было подумала, что красавчик сам себе яму роет. Уж больно всё правдоподобно и логично складывалось. Случись первая свадьба, новоиспечённый супруг получил бы в своё распоряжение только одну треть участка. Теперь же он мог рассчитывать на всё. То есть, господин Иельон вроде как кровно заинтересован в смерти феечек.

Одно жирное и большое но. Весь надел бизнесмену и даром не нужен — слишком велик. Лишнюю землю он даже продать не мог. Место годилось только для промышленной застройки. А иметь под боком у собственной фабрики ещё какой-то завод — даже если покупатель и найдётся — не самая заманчивая идея.

Конечно, говорил ли дважды несостоявшийся муж правду или врал как сивый мерин, судить было рано. Но слова его звучали вполне разумно.

Посвятил фат детективов и в тонкости взаимоотношений в семействе Олэан. Сестры папеньку попросту боялись, так как своим хозяйством фат управлял железной рукой. В том смысле, что если он приказывал прыгать, то все — начиная от слуг и заканчивая дочерьми — спрашивали: «Как высоко?». Но сам фей с будущим тестем вполне ладил и трепета перед ним не испытывал.

Кстати, отец был категорически против того, чтобы Элия обращалась к детективам. Почему-то он пребывал в глубокой уверенности, будто это станет позором для семьи. Но по врачам он и вторую, и третью дочуру добросовестно проволоч. О чём сама клиентка вчера

упомянуть забыла.

Кстати, Яте, смазывая ушибы и царапины буйной заказчицы, не преминул ещё и сердечко ей прослушать. Ну и так, глазками посмотрел.

— На первый взгляд, здорова, как бык, — пожал плечами теург, когда господина Иельона, с приседаниями, реверансами и заверениями, что он очень-очень помог, выпроводили. — Точнее смогу сказать только после вскрытия.

— Типун тебе на язык, — мрачно пожелал Мастерс. — Кто тогда заказ оплатит?

Медика такие вопросы явно не интересовали, потому отвечать на них он не посчитал нужным.

— Давайте подведём предварительные итоги, господа, — Алекс облокотился о стол, пряча губы за сложенными «шалашиком» пальцами. — Что странного мы имеем в этом деле?

— Парочку ненормальных фатов? — предположил оборотень.

— Истеричку заказчицу! — уверенно внесла свою лепту Каро.

— Всё, — подытожил Яте.

— Информативно, — согласился Росс. — Впрочем, как обычно. Кстати, Рон, напомни мне лишить тебя премии за текущий квартал. Пожалуй, и за следующий тоже.

— За что? — опешил Мастерс.

— За то, что ты едва не учинил драку со свидетелем, — спокойно пояснил управляющий. — Кажется, уровень агрессивности у нас в конторе необычайно высок. Спишем это на приближающуюся весну. Чувство, эмоции, птицы прилетают, почки набухают...

— Отбитые, — буркнул медик.

— Смешно, — не стал спорить альв. — Кстати, госпожа Каро, если вдруг выяснится, что на сотрудников нашего агентства магически воздействовали, а вы об этом ни ухом, ни рылом, то лишитесь премии на полгода вперёд.

Теург только кивнула, таращась на альва во все глаза. И пытаюсь сообразить, что шокирует больше: обороты, гипертрофированному Россу в принципе несвойственные? Они же, но произнесённые равнодушно-вежливым тоном? Перспектива лишиться денег, на которые она так рассчитывала. Или вероятность того, что действительно прохлопала магатаку, а то и диверсию?

Так и не определив, что кошмарнее, Каро решила, что в шоке от всего вместе.

— Давайте разберёмся с планами. Они у нас есть? — Алекс обвёл притихших сотрудников каким-то грустным взглядом. — Планов нет. Значит, станем действовать на моё усмотрение. Я, прежде всего, попытаюсь выяснить реальное финансовое положение отца и жениха заказчицы. Честно говоря, насчёт господина Иельона у меня никаких подозрений не возникает. А вот к господину Олэану есть вопросы.

— Какие?

За то, что Рон это брякнул, опередив тегу на долю секунды, Каро готова была всё простить. Ну почти всё. И почти простить. Но благодарность шевельнулась. В кой-то веки не ей играть роль тупого помощника.

— Например, если закладная лавка приносит такие доходы, что фат позволяет себе невыкупленные драгоценности дочерям дарить, почему он не расширяет дело? — спокойно пояснил Росс. — Не откроет ещё пару контор? Вполне вероятно, что я чего-то не понимаю. Но не верю, что такое дело может быть в принципе выгодным.

— Да почему? — опять встрял оборотень, которому встреча с фатом, видимо, нанесла глубокую моральную травму. А, заодно, и умственную. — Драгоценности же... Ну, дорогие!

— Вот именно, — альв устало потёр глаза. — Тот, кто владеет дорогими драгоценностями, в закладную лавку их понесёт только в самом крайнем случае. Такие граждане свои финансовые проблемы другими способами решают. А у постоянных клиентов подобных заведений брильянтам взяться неоткуда. Но это вы проверите с госпожой Каро. Посмотрите, что к чему, поговорите со служащими. Будет возможность, встретьтесь с отцом нашей заказчицы. В общем, что я учу? Прощупайте почву. Яте, а ты попробуй найти подход к врачам, которые давали заключения о смерти старших сестёр.

Теург хотела было сказать, что медик и подход — вещи несовместимые. Но опять промолчала. И, вообще, тега серьёзно задумалась, не сменить ли ей имя на Благоразумие.

Звучит, конечно, по-идиотски. Но вдруг поможет?

* * *

Когда Алекс наконец-то решил, что у сотрудников головы достаточно распухли от ценных указаний и уточнений, смилостивился, да и отпустил всех по домам, к Элизию уже на мягких лапах ночь подкрадывалась. Огни фонарей отражались в черных, подёрнутых тонкой корочкой льда лужах, растёкшихся на брусчатке. Пустынная улица отзывалась эхом на каждый шаг. Где-то вдалеке цокали копыта лошадей.

Но до проспекта, где можно кэб нанять, предстояло пройти ещё три квартала. Делать этого Каро не хотелось смертельно. И причина не в темных подворотнях или страхе пустых улиц. А в снеге, больше дождь напоминающем, сыпавшем размокшее просо с тёмного неба.

Тега, зябко поёжившись, подняла воротник пальто. С каждым вздохом изо рта вырывалось плотное облачко пара. Холод моментально пробрал до костей, пальцы на ногах в модных, но удручающе тонких ботинках, поджались сами собой.

— Госпожа Каро! — негромко раздалось сзади.

Теург резко развернулась, сжимая в кармане рукоять маленького тупорылого револьвера — роновского подарка на Новый год. Правда, Мастерс пока не успел обучить девушку стрелять с точностью снайпера. Разброс попаданий всё ещё оставался предательски непредсказуемым. От «где-то рядом» до «кажется, вон в том сарае». Но держать, наводить и даже перезаряжать барабан Курой уже умела в совершенстве.

Но — к сожалению или всё-таки к счастью? — за спиной теги всего лишь господин Иельон стоял. Фат опирался на свою трость. Подтаявшие хлопья снега мерцали на длинном пальто, как блестки. Полы цилиндра затеняли лицо, отчего глаза казались провалами в череп. В общем, вид красавчик имел загадочный и довольно жуткий. Но и — Седьмой его побери! — привлекательный, заманчивый такой.

— Кажется, я не давала вам разрешение называть меня по имени, — просипела Каро неожиданно пересохшим горлом, поглаживая бочок не вытащенного из кармана револьвера.

— Если вам так уж нужно придерживаться правил, разрешите, — фат легко пожал плечами. — Не вижу проблемы.

— Мне ничего не нужно! — огрызнулась теург. — А вот вы-то тут что делаете? Никак невесту потеряли?

— Жду вас.

Алоа — а тега точно запомнила, что зовут его именно так — усмехнулся темными губами. Совсем уж напомнив героя какого-нибудь новомодного готического романа. Только имя ему не шло, на алоэ^[1] походило. А у Курой как раз недавно скончался от истощения последний колючий куст. Может, ещё и поэтому девушка чувствовала себя рядом с фатом неуютно. Стыдно было, словно она далёкого родственника красавчика заморила.

— Послушайте, господин Иельон, — тега передёрнула плечами под тонким пальто — то ли от этого самого дискомфорта, то ли просто от холода. — Хотите добрый совет? Расточайте своё обаяние в другом месте. Меня такие заходы только раздражают.

— То есть, вы даже мысли не допускаете, что я по делу? — тихо и как-то очень интимно спросил фат.

Теург молча развернулась и пошла к проспекту. Но Алоа, конечно, догнал её, не успела девушка и двух шагов сделать. Фей тронул тегу за плечо, но тут же опустил руку.

— Нравься вам всё это, я бы здесь и не торчал. Скажем так: стандартные девушки меня не привлекают. Что не мешает пользоваться стандартными приёмами. Простите, госпожа Курой. Привычка — вторая натура. Давайте, попробуем ещё раз? Вы мне действительно понравились. Поэтому предлагаю приятно провести вечер вместе. В любой момент вы можете уехать. Карета будет вас ждать.

— Господин Иельон, — усмехнулась теург, — а вы действительно искренне убеждены, что любые ваши желания должны немедленно исполняться?

— Госпожа Курой, — он удивительно точно повторил интонации теги, — а почему должно быть по-другому? Расклад предельно простой. У нас есть возможность приятно провести время. И, при обоюдном желании, ночь. Вы, конечно, можете сохранить своё женское достоинство, честь... Что там дальше по списку? У вас есть полное право послать меня к Седьмому. Тогда просто случится ещё один вечер, похожий на сотню других. Или разделите несколько часов со мной. И — кто знает? — возможно, появятся воспоминания, относящиеся к категории приятных. Я же вам нравлюсь. Хоть и раздражаю своим высокомерием. Выбирайте.

— Как же у вас все просто-то... — протянула Каро.

Нравится ли ей фат или нет, теург ещё не определилась. Но вот с толку сбить он точно сумел. Вроде бы, в его предложении ничего нового не было. Конечно, теге подобное приходилось слышать нечасто. Но приходилось же. Только вот из уст этого голубоволосого всё звучало как-то... необидно. Хоть и не слишком заманчиво.

— У вас — это у мужчин? — Алоа шагнул вперёд, начисто позабыв не только о приличиях, но и о зоне личного комфорта. — Госпожа Курой, вы врёте сами себе. Стараетесь быть свободной, занимаетесь исключительно мужским делом. Но при этом цепляетесь за типично женскую мораль. Мои советы вам нужны ещё меньше, чем ваши мне. Но, все же, совет. Решите, кто вы такая: женщина, живущая по мужским правилам. Или бесполое существо, которое всем в глаза тычет своей инаковостью. Или просто женщина. Заметьте, стать мужчиной я вам не предлагаю.

— А разве женщина может жить по мужским правилам? — брякнула Каро.

Конечно, задавать такого вопроса не стоило. Слишком уж от него пахло той самой, типично женской слабостью.

— Естественно, — серьёзно кивнул фат. — Вас возмутило, что я просто беру понравившиеся. Но кто вам мешает делать так же?

— Двойные стандарты? В таком случае про женщину говорят, будто она не берёт, а

предлагает, — поморщилась тега.

— Так и не предлагайте. Берите. Кажется, это я сейчас навязываюсь, — Иельон снова улыбнулся. Сверкнувшие в полумраке зубы тоже показались голубоватыми, — Если вы сами уверены в себе и своей правоте, то и окружающих без труда убедите в том же, — фат отступил на шаг. — Прощу извинить, госпожа Курой. Но давайте уже что-нибудь решим. Я банально замёрз. Со свиданием у нас явно сегодня ничего не получится. Но позвольте вас хотя бы до дома подвезти.

Тут дверь подъезда оглушительно бахнула, и на крыльцо, застёгивая на ходу куртку, выскочил Мастерс. Пожалуй, это и решило дело.

— Разрешаю и позволяю, — милостиво кивнула тега. — Разрешаю называть меня Каро и отвезти домой.

В роскошном, глянцево-поблёскивающим новеньким лаком экипаже фата пахло ванилью и чуть-чуть, совсем ненавязчиво, цветами. Запах теургу понравился. Но на чашку кофе Каро красавчика всё-таки не пригласила. Вроде бы на такое счастье он и не рассчитывал. Но ручку на прощание поцеловал.

Глава четвёртая

Думать — самая тяжёлая работа на свете, поэтому занимаются ею только избранные.

Врачи в Элизии, впрочем, как и везде, делились на две категории — очень успешные и неудачники. Очень успешные за немалые деньги пестовали мигрени, неврастения и застарелый алкоголизм состоятельных граждан. Неудачники спасали мир.

Если доктор Фив когда-нибудь и занимался альтруизмом, то времена те давно минули. Частная практика врача семейства Олэан позволяла содержать кабинет в модном квартале. И оплачивать счета за индивидуальное газовое освещение, солидную дубовую дверь в чугунных завитушках и не менее солидную золочёную вывеску. Которая, кроме перечисления многочисленных регалий, скромно сообщала, будто доктор проводит ещё и бесконтактную диагностику.

Яте хмыкнул, но с выводами спешить не стал. Бесконтактная диагностика могла оказаться чем угодно — от дистанционного магического сканирования до новенького способа законного отъёма денег у доверчивых барышень.

Но как бы там ни было, а приёмная доктора впечатляла не меньше фасада: красный плюш, бархатные занавеси, перехваченные золотыми шнурами, узкие зеркала в простенках и скелет орка. Кажется, даже настоящий. В общем, эдакая смесь дорого борделя с прихожей анатомического театра.

Пожалуй, натуральной тут была только секретарша, охранявшая подходы к кабинету светила медицины. Маленькая, худенькая почти до прозрачности, с изумрудно-зелёными волосами, острыми ушками и огромными глазами цвета мха. Откуда этот самым романтичный «мох» всплыл — Курой понятия не имел. Но очи действительно впечатляли. Впрочем, как и само наличие дриады, прислуживающей доктору. В Элизии этот народ встречался ещё реже фей.

Впрочем, Яте иногда казалось, что столица целиком заселена исключительно крысюками и лордами. Что многое говорило о городе.

— Добрый день, — голосок у чудесного видения, естественно, тоже звучал волшебю. Что-то там о серебряных колокольчиках на ветру? — Вы записаны?

— Нет. Понимаете, я бы хотел лично встретиться с доктором Фивом, — отозвался Курой, мысленно желая Алексу вместе с его инструкциями провалиться поглубже. — У меня к нему дело. Конфиденциальное.

— Понимаю, — улыбнулась дриада, становясь ещё милее и эфемернее. — Конфиденциальность — это основа врачебной практики. Но без записи доктор вас никак принять не может. У него очень плотный график.

Насколько Яте знал — а знал он немало — плотный график семейного врача заключался в утреннем и вечернем обходе больных, которым взбрела блажь занедужить. И приёме клиентов, пришедших своими ногами. Очереди перед кабинетом не наблюдалось. А блажь, как правило, застигает больных поздним вечером и ночью. То есть, уважаемый мэтр Фив сейчас либо дрых, либо сшибал плевками мух. Скорее второе, раз его офис стоял открытым.

— Я не хотел бы беспокоить доктора, — мысленно корчась от собственной учтивости,

выдал Курой. — Но дело и вправду безотлагательное. Госпожа Олэан просила посмотреть истории болезни её сестёр и я...

— Так вы детектив? — всплеснула руками чудное видение. Правда, в огромных её очах плескалось такое недоверие, что Яте даже неудобно стало. Будто он и впрямь самозванец. — Простите! Просто я детективов совсем по-другому себе представляла. Госпожа Олэан предупредила нас о вашем приходе. Но...

— Но я не понимаю, что детектив, да ещё и тег, может соображать в историях болезни, — раздалось из пещеры льва.

В смысле, из столь тщательно охраняемого кабинета, на пороге которого объявился недоступный врач собственной персоной.

По крайней мере, часть вопросов у Курой мгновенно испарилась. А именно: откуда в Элизии взялась дриада и что такое бесконтактная диагностика. Зеленоватый колер той или иной степени насыщенности вообще был характерной чертой Лесного Народа. Если у дочери — она же секретарь — кожа отливала бледностью почти до белизны, то папа — он же доктор Фив — щеголял густо зелёным, как трава окрасом. Ну а в способность дриад видеть в живом скрытое ни у кого сомнения не вызывала.

Невыясненным оставалось только одно: женщина — это, понятно, дриада. А мужчина? Дриад?

— Я изучал медицину, — буркнул Яте, измученный филологическими изысканиями и страстным желанием дать зеленомордому по надменной роже.

— Больше всего мне хотелось бы вам указать на порог, господин Как-вас-там, — заявил доктор. Всё-таки тег обладал природным талантом заводить друзей. — Но желание клиента для меня закон. Лили, выдай этому господину всё, что он требует. Естественно, бумаги отсюда вы выносить не можете.

— Естественно, — кисло согласился Курой, принимая от смущённо улыбающейся секретарши две тоненьких папочки.

Можно было смело начинать делать выводы. Во-первых, несмотря на всё презрение, источаемое Фивом, бумаги он приготовил заранее. Впрочем, в этом факте ничего сенсационного не содержалось. А, во-вторых, сестрёнки-феечки болезненностью не отличались. Собственно, в папках лежали только отчёты о посмертном осмотре. Даже и не вскрытии.

Яте, окончательно удостоверившись, что вежливость только мешает делу, никого не спрашивая, уселся в кресло и углубился в изучение отчётов. Прислонившийся к косяку доктор Фив, ему не мешал. Ну, почти не мешал. Зато дивное виденье, с нескрываемым любопытством наблюдающее из-за конторки, раздражало.

— Позвольте, а почему вы поставили диагноз? — пробежав глазами первый листок, и берясь за второй, поинтересовался Яте.

— Юноша, у меня совершенно нет времени растолковывать вам симптоматику, — солидно фыркнул доктор. — Состояние сердечной мышцы, синюшность слизистых, капиллярные кровоизлияния и кожные покровы...

— Читать я умею, — Курой глянул из-под длинной чёлки на врача и тот, почему-то, замолчал. — Вот здесь чёрным по белому написано: «увеличенные внутренние органы, как то: печень, селезёнка и поджелудочная железа». Кроме того, вы отметили образования на слизистой желудка и кишечника. И сами же предположили, что эти образования могут быть изъязвлённостью. Не совсем характерная картина для сердечного приступа.

— Послушайте, — врач явно занервничал. Хотя термин «начал злиться» описывал его состояние гораздо подробнее. Впрочем, начал-то он давно. Видимо, даже ещё не выходя из кабинета. — Врождённые дефекты редко бывают одиночными. Чаще всего...

— А с чего вы взяли, что дефекты врождённые? Насколько я понял, эти пациентки у вас не наблюдались, — Яте небрежно швырнул папки на полированный столик красного дерева. — Вы запрашивали документы из пансионата, где воспитывались сёстры?

— Пятый! Зачем мне это? — левый ус доктора начал подёргиваться. — Что, по-вашему, это может быть, как не сердечная недостаточность?

— Например, отравление, — пожал плечами Курой.

— Да как вы!..

— Кстати, под отравление можно замаскировать и апоплексический удар, — ляпнул медик, видимо, переобщавшийся с некой госпожой Каро.

— Ну всё! — решительно заявило дивное создание, не менее решительно поднимаясь из-за своей конторки. — Вы достаточно тут наговорили. А уж подвергать сомнениям компетентность отца я точно не позволю!

И дриада, недолго думая... схватила Яте за шиворот, таща тега из кресла. Курой подался, но скорее от удивления. Девчонки, которых от ветра качало, его с крыльца ещё не спускали. Видимо, всё действительно случается в первый раз.

— Лили! Проследи, чтобы я этого господина больше никогда не видел! — хватаясь за сердце, проревел им вслед медицинское светило.

— Конечно, папа, — прозвенела колокольчиками дива. — Вы слышали? Никогда не смейте больше сюда являться! Иначе я за себя не ручаюсь! — грозно сообщила дриада, захлопывая перед носом Курой дверь.

Тегу оставалось только поздравить себя. Первый раз случился. Его вышвырнуло существо, чуть могучее цыплёнка.

* * *

Утро началось нестандартно. Просыпаться от стука в дверь Каро приходилось нечасто. И ещё реже к ней в семь утра ломались посыльные. С букетом серебристо-фиолетовых лилий. Тега таких и не видела никогда. Впрочем, как известно, при желании и достаточном стартовом капитале в Элизии и живого дракона добыть труда не составляет. Вот только раньше ни у кого не возникало охоты теурга впечатлять.

«Экзотические цветы для экзотической девушки, — гласил гладенький бумажный прямоугольник с золотым срезом, приложенный к букету. Между прочим, буквы тоже вывели золотом. — И снова я извиняюсь за банальность. Работаю над расширением своего словарного запаса».

Имейся на карточке хоть слово о красоте, очаровании или прелести Каро, цветы немедленно отправились бы в мусорный ящик. Но в собственной экзотичности теге сомневаться не приходилось. Поэтому пришлось вазу искать. А поскольку такой тары в доме теурга сроду не водилось, ставить букет в молочник. И срочно собираться, так как Мастер должен был появиться с минуты на минуту.

Правда, спешка почему-то не мешала девушке блаженно улыбаться.

Рон в очередной раз продемонстрировал свою пунктуальность. А, заодно, и способность

выглядеть мрачнее Яте. Особенно после того, как оборотень букет заметил. Радужное настроение теурга моментально сдулось. Но сыщик предпочёл промолчать. Жаль, конечно. Хороший скандал по утрам бодрит лучше кофе. Но Каро же ещё со вчерашнего вечера боролась за право сменить имя на Благоразумие. Просто она иногда об этом забывала.

Закладная контора папаши Олэан находилась не в самом престижном районе. Да и выглядела она не слишком презентабельно. Буквы на узкой стеклянной витрине полустёрлись, а густая ржавая решётка мешала прочитать и те, что остались. Подставки, на которых должны лежать товары, рекламирующие лавку, пустовали. Если, конечно, хозяин не торговал липкими лентами, густо облепленными трупиками прошлогодних мух, и пылью. Но когда детективы вошли внутрь, колокольчик звякнул бодро.

Но на этом вся бодрость и заканчивалась. Иначе как убогой контору назвать было сложно: темно, грязно, а пол тут, пожалуй, не мыли со времён постройки здания. Приёмщик — он же единственная живая душа — никого не стесняясь, спокойно досыпал прямо на конторке, трогательно подложив под давно небритую щёку сложенные руки.

— Уважаемый! — Мастерс постучал костяшкой по прилавок.

— Часы и краденое золото не принимаем, — буркнул приёмщик, не спеша открывать глаза.

— То есть, краденые часы вы принимаете? — догадалась сметливая Каро.

Парень задумчиво пошевелил бровями и всё-таки выпрямился, обеими руками причесав давно немьтую шевелюру.

— Ну чего вам? — поинтересовался он недружелюбно.

Теург проглотила желание потребовать немедленно предоставить девочек и клубничный пирог. И просто скромно опустила глазки, незаметно раскачивая амулет-линзу, прячущийся в складках подола.

— Да вот перстенёк бабушкин заложить хочу, — доверительно сообщил Рон, облакачиваясь на конторку. — Сколько дадите?

Приёмщик скривился так, словно оборотень ему пакет дождевых червей предложил. И скрылся под прилавком. Впрочем, возился недолго. Вылез с ювелирной лупой в глаз. Самой обычной, не магической.

— Так он же с камешком! — радостно сообщил парень, рассмотрев колечко, лежащее на ладони оборотня. — Могу принять только как лом. Для того чтобы блестяшку оценить вам нужен или приказчик, или хозяин. Только у них лицензия на это есть.

— Ну так позови приказчика, — светло разулыбался Мастер, постукивая по конторке серебряным полуэлзаром.

— А я и есть приказчик, — тоскливо протянул тот, кого за приёмщика приняли, косясь на монету и снова прочесав свои патлы.

— Ну так оценивай! — подбодрил его Рон.

— Не могу, — ещё грустнее вздохнул парень.

— Почему? Сам же сказал, будто у тебя лицензия есть.

— Лицензия-то есть, — совсем уж скуксился гоблин. — Правов нету. Да и не умею я.

Мастерс крякнул.

— Ну, позови тогда хозяина.

— И его нету, — казалось, ещё немного — и приказчик взрыднёт над судьбой так и не полученного полуэлзара.

— А куда ж он подевался? — удивился оборотень.

Теург тоже удивилась. Фокус с «бегущей» по костяшкам пальца монетой ей видеть доводилось, правда, не в исполнении Рона. То вот о таком же трюке с двумя денежками тега даже не слышала. Но смотрелось это здорово.

— Так там же, где и всегда, — парень подпёр кулаком щеку, глядя на монеты как замороженный. — Опять, наверное, в «Красном чулке» пропадает.

Серебро с костяшек пальцев детектива пропало, как по волшебству — пух! — и нету. Зато появившийся вместо них полновесный золотой элзар выглядел гораздо солиднее. Приказчик заметно занервничал, нахмурился, шевеля губами, будто что-то подсчитывая. К золотой монете прибавилась ещё одна. Правда, опять серебряная. Лицо парня просветлело.

— Так он туда завсегда ходит, — радостно сообщил приказчик. — Бывает, и сюда не заглянет, а туда напрямик. Будто на работу ходит, — гоблин глумливо хохотнул. — А что? Может, и на работу? Мало ли извращенцев тут толчётся? Но, видать, ему там хорошие денежки отстёгивают.

— А тебе тут... тьфу ты!.. тут хорошо платят? — ненавязчиво поинтересовалась Каро, убирая амулет в ридикюль.

— Да с чего бы, дамочка? — снова пригорюнился парень. — Тока с тоски да беспр... беспер... Короче, торчу тут, потому как податься некуда боле. Я ж даже цыфири слагаю с трудом, — поведал он доверительным шёпотом.

Тег кивнула, сообразив, что страдает тут гоблин от бесперспективности, потому что цифры складывает с трудом.

— А где этот «Красный корсет» находится? И что это вообще такое?

Взгляды Мастерс и приказчика отличались удивительной схожестью. Эдакая мужская жалость густо замешанная на чувстве собственного превосходства.

— Так бордель это, — протянул гоблин. — Тока он не корсет, а чулок. И стоит совсем неподалёку. Два квартала всего пройти.

— Спасибо, парень, ты нам очень помог, — оборотень хлопнул приказчика по плечу, едва не впечатав его шишкатым носом в стойку.

Монеты, призывно позвякивая, покатались по прилавку. Но звенели они недолго. Наверное, гоблин тоже был прирождённым фокусником — деньги буквально в воздухе растаяли.

— Непохоже, что папенька нашей клиентки разбогател на этой конторе, — заключила Каро, выходя из лавки. Сказала не потому, что хотела продемонстрировать свою сообразительность. Просто надо же что-то сказать? — Интересно только зачем он в этот бордель с такой регулярностью наведывается?

— Тебе подсказать? — кривовато усмехнулся Рон.

— Спасибо, не надо. Смогу сама догадаться, — прошипела тега. — Но, заметь, я сказала: «С такой регулярностью!». Не всем кобелями быть, господин Мастерс. Всё-таки Олэан фат пожилой. И твоей прытью не обладает.

— Ну, во-первых, это голословное обвинение, — пожал плечами сыщик. — А, во-вторых, объяснений может быть масса.

— Например?

— Например, он сутенёр. Чем тебе не версия? В неё прекрасно укладывается и лавка, не приносящая дохода, и жизнь на широкую ногу. И нежная привязанность к борделю. Как тебе такой вариант?

— Отвратительно, — искренне призналась теург.

И, кажется, Рону это очень понравилось. Не искренность, а отвращение. По крайней мере, реакция теги его повеселила.

* * *

Пришлось детективам в агентство возвращаться. Нет, Рон так и не смог убедить теурга, что им просто необходимо посоветоваться с начальством. У теги свои резоны на все его аргументы имелись. Но, во-первых, дама, доказывающая мужчине, будто им непременно и прямо сейчас необходимо посетить бордель, выглядит странно. А, во-вторых, девушка вспомнила об уплывающих премиальных. Контору-то она так и не осмотрела. И вряд ли Росс поверит, например, в неожиданную амнезию. Тут либо отмаз правдоподобнее придумывать надо, либо свои прямые обязанности выполнять.

В общем, вернулись.

К счастью, Алекс ещё где-то пропадал. Яте, как гоблин в пещере, погромыхивал в своей лаборатории склянками. А Мастерс, в кой-то веке никого не доставая, завалился на диван в кабинете управляющего.

Лазая по углам с амулетом, Каро пыталась осознать, нравится ей обновлённый — хмурый, словно тролль, в пятку укушенный — Рон. Или её больше привлекает старый — лыбящийся, хамоватый и пристающий оборотень. У обеих ипостасей имелись плюсы и минусы. И ни одна не могла перетянуть чашу весов на свою сторону. Вот если бы можно переключать блондина по собственному желанию! Чик! — обаяшка. Чик! — серьёзный напарник. Чик! — личный повар... Так ведь нет же! Вечно делает только так, как ему захочется. На мнение окружающих плевать.

А «закладку» теург всё-таки нашла. Амулет лежал в пыли за тем шкафом, в который тега давеча пыталась папки впихнуть. Валялся себе, будто самая легальная, просто потерянная хозяевами, вещь на свете.

Вот только этот фетиш был каким угодно, но не обыкновенным. Конечно, штука серийная, на обратной стороне даже номер выгравирован. Но кому попало такую вещицу не продадут. Заговор на агрессию — шутка ли? Без специального разрешения не достать. В смысле, законными методами не достать. Самопальный за приличную сумму сторговать можно. Но этот-то заводской!

Значит, вариантов три. Первый: фетиш краденный. Второй: кто-то получил-то самое разрешение, отстегнув кристально честным полицейским взятку. Третий: пакость подложил тот, кто имеет полное право таким пользоваться. То есть, государственные спецслужбы. Та же полиция, например.

— Добрый день, госпожа Каро, — альв возник за спиной неожиданно, словно из-под пола вырос. — Я смотрю, вы всё-таки что-то нашли.

Стыдно не стыдно, а от фактов не отмахнешься. Теург не только пискнула с испугу, но ещё и попыталась спрятать амулет за спину. Жест, достойный взрослой женщины и профессионала.

Росс ничего не сказал, лишь улыбнулся тонко — в своей неподражаемой лордской манере. Оставалось только находку ему отдать и постараться не слишком смахивать на школьницу, которую учительница застукала за чтением любовного романа.

— Прекрасно, — подытожил управляющий, брезгливо смахивающий с обтрёпанных,

будто погрызенных, перьев фетиша клочок пыли. — Вы хотите что-нибудь добавить?

Тега в ответ лишь удручённо головой покачала. До её выводов Росс и сам додумается. Без подсказок.

— А отследить, кто его подложил, никак не получится? — убирая своё шикарное пальто с широченным меховым воротником в шкаф, поинтересовался Алекс.

— Нет, — горько вздохнула теург. А как тут не вздыхать, когда кровью заработанная премия мимо носа проплывает? — Лежит он здесь давно, следы, конечно, затёрлись. Сколько народу через приёмную-то ходит? А механизм активации у него такой, сработать может на любой стартёр. На чужой профиль потоков, кодовую фразу — всё, что захотите.

— Понятно, — кивнул альв. — Госпожа Каро, у меня ещё одна маленькая просьба. Будьте добры, найдите нам...

— Секретаршу! — крикнул из кабинета Рон.

— ... уборщицу, — невозмутимо закончил Росс.

— Я? — тяжело поразились тега. — В смысле, даже приблизительно не представляю, где их искать.

— Предлагаете заняться этой проблемой мне? — предположил Алекс. — Вы же детектив. Разыскивать необходимое — ваша прямая обязанность.

— Я не сыщик! — обиделась теург. — Вон пусть Мастерс ищет. Это как раз его прямая обязанность.

— Чего сразу Мастерс-то? — прогудел за стеной кошка. — Уборка — это женское дело. Поэтому и заниматься им должна женщина.

— А чем должны заниматься настоящие мужчины? — Каро и сама не заметила, когда это она успела руки в боки упереть. — Под каждую юбку в Элизии заглядывать?

— Алекс, нам нужно разрешение на эксгумацию трупов, — невозмутимо сообщил Яте, тенью материализуясь на пороге лаборатории.

— В мои обязанности точно не входит перед всякими... чудаками юбкой размахивать! — рявкнул оборотень. — Лучше бы сама взялась за тряпку. Толку бы больше вышло!

— Как тебе всяким ободранным лыбиться и за ручки хватать — так пожалуйста! — теге показалось, что у неё под черепом бомба рванула, заливая глаза лавой чистой, ничем не замутнённой ярости. — А самому лень задницу поднять, чтобы пыль смахнуть!

— И ещё разрешение на вскрытие сестёр, — бубнил своё медик.

— Удел женщины: кухня, дети и церковь! — заорал Рон.

— Да ты!..

— Без вскрытия...

— Ма-алчать!

Рык раскатился по конторе, словно удар грома, отразился от дрогнувших стен, резонировал в ушах. Даже, кажется, стёкла в окнах испуганно звякнули. Тишина, рухнувшая следом, показалась тяжёлой, как глыба промёрзшего снега, свалившаяся с крыши.

Тега, испуганно присев и позабыв рот закрыть, таращилась на багрового, словно хорошая свёкла, Росса. Управляющий обвёл сотрудников тяжёлым взглядом, кашлянув в кулак. Естественный бледный цвет на его лицо возвратился не сразу. А будто из альва затычку вынули, сливая краску: сначала побелел лоб, потом скулы, подбородок. Ну а дальше рассмотреть процесс во всех деталях одежда не дала.

— Итак, господа, — абсолютно невозмутимым тоном сообщил Росс, поправив

манжету. — Отныне и впредь в нашем агентстве устанавливаются следующие порядки. За попытку препирательства со мной из зарплаты вычитается пятнадцать процентов. За провокацию склок и скандалов пятьдесят. За бредовые идеи, типа выкапывания трупов — семьдесят. Это всем ясно?

Каро наскребла в себе смелости только на то, чтобы кивнуть.

— Почему сразу бредовые? — хладнокровно пожал плечами Яте. — Между прочим, с момента смерти средней сестры всего чуть больше года прошло. Там ещё даже не все органы разложились и...

— За попытку препирательства со мной — пятнадцать процентов, — намекнул Алекс. — За излишне мерзкие подробности ещё пять.

Тег скроил такую физиономию, словно плюнуть собирался. Но лишь развёл руками и скрылся в своём логове.

— Зачем же так орать-то, капитан, — протянул Мастерс, наконец-то решившись явить светлый лик. — Я же чуть штаны не обделал. Неудобно могло бы получиться.

— Прошу прощения, — покаялся Алекс. — Вам, госпожа Каро, я приношу извинения отдельно. Голос повышать действительно не стоило. А теперь давайте обсудим наши текущие проблемы. Из того, что мне удалось выяснить, можно определённо сделать вывод: отец нашей клиентки живёт не по средствам, — разглагольствовал Росс, заходя в кабинет. — Между прочим, на ипподроме за ним долг числится почти в сто золотых эльзаров. Но как меня заверили, это нормальная практика, так как господин Олэан никогда не задерживал выплаты больше, чем на неделю...

Тега переглянулась с Мастерсом за спиной альва. И оба они, как по команде, почему-то отвели глаза. Теург не поручилась бы за оборотня, но вот ей стало почти нестерпимо стыдно.

Понять бы ещё, за что именно.

* * *

Увидев рядом с подъездом уже знакомое чёрное ландо, Каро почти и не удивилась. Не сказать, что она очень рассчитывала на новое появление фата, но... В общем, ей стало приятно. Да и перспектива добраться домой с комфортом, в тепле, да ещё и бесплатно, нежно согревала душу.

Вышеупомянутый фат стоял тут же, рядом с приоткрытой дверцей. И конечно же, небрежно опирался на трость. На сей раз пальто он только на плечи накинул, позволяя всем желающим любоваться безупречно сидящим вечерним фракком и пышной белой манишкой. А цилиндр, затеняющий лицо, Алоа, кажется, только в помещении и снимал.

Что не говори, а впечатление господин Иельон производить умел. И бессовестно этим пользовался.

— Давно вы дожидаетесь? — недовольно буркнула тега, зябко кутаясь в пальто.

Ну не на шею же ему кидаться на радостях?

— Не слишком.

— А если бы я появилась часа через три? — не без здоровой доли злорадства поинтересовалась теург.

— С чего бы вам так задерживаться? То, что вы вернулись в контору, я узнал у привратника. К тому же в агентстве свет горит.

Господин Иельон ткнул набалдашником трости куда-то вверх. Наверное, на окна. Но Курой на них смотреть не стала, а обернулась, удивлённо глянув на входную дверь.

— У нас привратник есть?

Это сообщение поразило гораздо больше, чем неожиданно прорезавшиеся дедуктивные способности Алоа.

— Не лично у вас, но в здании есть. Нужно только знать, где искать, — кивнул фат, берясь за дверцу кареты. — Ну что, поедемте?

— Куда?

— На ваш выбор. Могу, как и вчера, проводить домой. Но, вообще-то, я планировал, что мы вместе поужинаем.

— У вас дома? — усмехнулась теург.

— Вовсе нет, — ничуть не смутился Алоа. — За мной зарезервирован столик в ресторане. И, предупреждая возражения, заверяю: там вас никто не увидит. Это даже не столик, а что-то вроде закрытого кабинета. Обслуге же нет дела до того, как вы одеты. Или вы боитесь, что стану домогаться?

— Я себя, конечно, ценю. Но не настолько же, — фыркнула Каро.

— Что тогда останавливает? Возможно, вы волнуетесь, что это расстроит оборотня? Ну так спросите его мнения, подожду. Кстати, если так будет спокойнее, то можно пригласить и его. Я ничего не имею против компании, — равнодушно пожал плечами фат.

Меньше всего на свете Курой в данный момент хотела очутиться в обществе Мастера. Это после того, что он в конторе устроил? Да ещё потом провёл тегу, как девчонку, на слабо взял! А теперь расхлёбывай дурацкий спор! Соображай, что делать и как выкрутиться из дрянной ситуации, в которую угодила по собственной же глупости! Но сейчас об этом думать не стоило. В конце концов, у неё личная жизнь есть и не весь мир на работе клином сошёлся. По вечерам и отдыхать нужно. Хоть иногда.

— Послушайте, чего вы добиваетесь? — подозрительно прищурилась Курой.

— По-моему, вчера я озвучил свои намерения абсолютно не двусмысленно, — пожал плечами господин Иельон, — и сверх этого ничего добавить не могу. Вы мне нравитесь. И я желаю познакомиться с вами поближе. Максимально близко. Или требуется более конкретная формулировка?

— Спасибо, обойдусь, — поморщилась теург. — И вы ожидаете, что ужин даст возможность... познакомиться поближе?

— Безусловно, — улыбнулся Алоа. — Но не настолько, как хотелось бы. Лишь замечу, что если наше свидание ужином и ограничится, то внакладе не останетесь ни вы, ни я. Есть-то всё равно придётся. Так почему не сделать этого в приятном месте и в приятной компании?

Пожалуй, данный аргумент можно было считать самым весомым. Есть и вправду хотелось. А на то, что Рон сегодня заглянет, чтобы позаботиться о нежном желудке Каро, рассчитывать не приходилось. Дома же из продуктов имелась только чайная заварка и немного кофе. Ну, если хорошенечко порыскать по шкафчикам, то, наверное, можно найти повесившуюся от голода мышь.

— Ладно, уговорили, — кивнула тега. — Но честно предупреждаю, ни на что другое не рассчитывайте.

— Даже и не думаю, — заверил господин Иельон, подавая руку. — Сегодня не рассчитываю. Но уговаривать, как вы могли убедиться, я умею. И ждать тоже.

Ну да, вот про ждать Каро можно и не рассказывать! Один вон утверждал, что готов дожидаться до морковкиного заговенья. А сам на каждую мимо проходящую едва не кидается. Мужчинам верить — всё равно, что против ветра плевать. И толку, и пользы примерно столько же. Да и ощущения схожие.

Но как ни странно, по крайней мере, в этот раз фат её не обманул. Ресторана Курой толком и не разглядела. Встретивший их на крыльце солидный, как морж, метрдотель, провёл гостей полутёмным коридором в уютную комнату. Или стоило называть это кабинетом? Хотя больше всего помещение напоминало беседку в саду: деревянный пол, потолок, настоящие балясины и натуральный цветущий выюнок. Лишь кусты и клумбы на стенах нарисованы.

В общем, всё очень мило и дико вкусно. Таких блюд тебе пробовать не доводилось. Впрочем, как и в ресторанах бывать. Да и сам вечер оказался именно таким, как Алоа и обещал: приятным и непринуждённым. Даже поддерживать беседу теургу не приходилось. Фат небрежно, ненавязчиво и вполне успешно справлялся самостоятельно. В основном он рассказывал о цветах, духах и пряностях, в которых недурно — по его же собственному утверждению — разбирался. Причём рассказывал интересно, увлекательно.

И как-то очень незаметно вплетая комплименты Каро. Прodelывал это господин Иельон с таким изяществом, что к десерту щёки теурга полыхали от смущения, как маков цвет. Но ей и возразить-то нечего! Комплименты комплиментами, а Алоа умудрился нигде не передёрнуть и не преувеличить.

Курой прекрасно осознавала, что её самым наглým образом охмуряют. А таяла, как снег на солнышке. Да и, в конце концов, она женщина или кто? Растаять уже нельзя? Но план мести и стряхивания с чересчур уверенного господина спеси всё равно разработала. Вот как только фат попробует её поцеловать, тут-то и получит. Тега придумала аж три фразы — одна лучше другой. Оставалось только выбрать самую убойную.

Не довелось.

Иельон, как и вчера, вежливо проводил девушку до подъезда, чмокнул ручку и поспешил откланяться, будто так и надо. Оставив тебе в горьком разочаровании и недоумении. Ну вот что этим мужчинам нужно? И как их понять? Сначала говорит, что хочет в постель уложить. А сам даже попытки не делает.

Оставалось только запомнить заготовленные фразы. Вдруг потом пригодятся?

Когда работодатель ищет волшебника, то чаще всего он находит сказочника.

Каро сжала кошмарный, расшитый бисером ридикюльчик с такой силой, что костяшки занули. Облизала губы, которые казались непривычными, слишком тяжёлыми. И сплюнула — привкус вазелина осел на языке липкой плёнкой. Нет, помаду явно придумал сам Седьмой. И кто ей только пользуется по собственной воле?

— Струсил? — насмешливо поинтересовался Мастерс, навалившийся на стену за спиной теги. — Просто скажи, что тебе такое задание не по силам — и пойдём.

Ну да. Так она сюда и попала. Проклятый оборотень теурга на слабо взял. И ведь она сама прекрасно это понимает. Но согласилась же. Теперь отступить некуда.

Или всё-таки ещё можно и отступить?

— Ладно, пошутили — и хватит, — оборотень шевельнулся где-то там, сзади. — Я уже замёрз стоять. Пойдём. А в этот бордель мы как-нибудь по-другому пролезем, — Каро облегчённо выдохнула. Правда, постаралась проделать это так, чтобы Рон не заметил. — Актриса из тебя никакая, это я давно знаю. Да и по твоей перепуганной физиономии всё понятно. Только дело завалишь.

— Я завалю? — оцетинилась тега, благодаря всех семерых разом, что обернутся она так и не успела. Поэтому оборотень её благодарной мины и не увидел. — За собой последи. Между прочим, многие считают, что во мне масса талантов. Только для того, чтобы их увидеть, нужно избавиться от зашоренности!

— Ну, если один драный Седьмым фат — это многие, тогда я крысюк, — фыркнул блондин.

— А я всегда это знала, — вздёрнула подбородок девушка, стискивая сумочку — бисер обиженно скрипнул. — Ты и есть самый настоящий крысюк. Просто притворяешься оборотнем. Но не слишком успешно.

Выпалив последнюю фразу, тега решительно расправила плечи и шагнула из-под арки тёмного проулка. Дом терпимости, как застенчиво именовали его приличные граждане... Кстати, почему терпимости? Ведь к терпению такие заведения никакого отношения не имеют. Скорее уж наоборот.

Так или иначе, а этот самый дом терпимости маячил впереди, как скала, готовая в любой момент рухнуть теге на голову и похоронить под своими обломками. Его вызывающе-красные стены, сложенные из обожжённого кирпича, даже, кажется, покачивались. А наглухо закрытые деревянными ставнями окна выглядели куда более угрожающе, чем зарешеченные бойницы тюрьмы. Чёрная же лакированная дверь с латунным кольцом напоминала пасть чудовища, готового сожрать первого, кто рискнёт к ней приблизиться.

— Эй, детка, ты не на казнь идёшь, а на работу наниматься, — бросил ей в спину оборотень. — За такую походку, как у тебя, я бы и медяка не дал.

Точно, надо расслабиться и войти в образ. А то и впрямь ничего не получится. Каро выдохнула, снова облизала губы, напрочь позабыв о помаде, и попыталась шагать раскованнее, подражая уличным девицам. Ну, в меру своего понимания, конечно. Не так уж часто тега их разглядывала.

— А на море нынче качка, — хохотнул Мастерс.

— Чего ещё? — прошипела тега оборачиваясь.

— Ничего-ничего, — Рон изобразил, будто запирает рот на замок и выкидывает ключ через плечо. — Молчу и наслаждаюсь работой профессионала... Профессионалки.

Жизнерадостный гогот оборотня резанул по ушам. Или, скорее, прямо по перетянутым нервам. Курой мысленно пожелала напарнику всех благ и немного больше. Да и пошла себе к страшной двери — нормально пошла, как всегда и ходила. В конце концов, может, она начинающая и тонкостей профессии не знающая?

Как ни странно, но в десять утра бордель оказался заперт. Теге пришлось минут пять колотить — и кольцом, и кулаками, и даже каблуком — пока внутри кто-то не проснулся. Дверь, правда, открывать не стали. Зато отодвинулась в сторону заслонка на крохотном окошечке. Демонстрируя теургу заспанного, а оттого ещё более кошмарного орка.

— Чего ещё? — пробасило чудовище и угрожающе шмыгнуло носом, щедро украшенным бородавками.

— Я наниматься пришла! — гордо заявила теург, отставляя ногу в сторону и опираясь рукой на бедро.

Просто показалось, что так она будет выглядеть убедительнее.

— Поломойку уже наняли, — коротко оповестил, видимо, охранник и явно вознамерился на этом беседу закончить.

— Да нет, вы не поняли! — всполошилась Каро. — Я пришла наниматься... — Семеро помогите, кем?! — ... девочкой!

Видимо, орк о такой профессии тоже раньше не слышал, потому как выпучил глаза в красноватых прожилках так, что они стали напоминать мячики для крокета.

— Кем-кем? — переспросил верзила.

— Шлюхой! — рывкнула теург, закусив щёку.

Лишь бы не разреветься с досады!

— Ладно, спрошу... — не слишком уверенно пообещал серокожий.

И задвинул-таки заслонку, подлец! Курой осталось только притоптывать от нетерпения на крыльце, да старательно отворачиваться от, к счастью, немногочисленных прохожих. Которые странно косились на размалёванную, как балаганный клоун, девицу, кутающуюся в слишком пёструю шаль. По крайней мере, тега надеялась, что смущает их именно макияж и расцветка наряда. А не то, что в девичестве платок был накидкой на кресло. В конце концов, с оторванной оборкой она ничем на покрывало не походила.

Ждать пришлось никак не меньше десяти минут. Но, наконец, дверь, скрипнув, приоткрылась. А теург попятилась. Она ожидала увидеть всё того же орка. Или, может, разбитную мадам необъятных размеров. Или... В общем, теург никак не предполагала, что на пороге может появиться дварфийка, больше всего напоминающая классную даму. Серое глухое платье, волосы, собранные в пучок и круглые очки без оправы, безжалостно стискивающие мясистый нос.

— Это ты пришла в девочки наниматься? — скептически поинтересовалась дама, наклонив голову и глядя на Каро почему-то поверх окуляров.

— Я... — проямлила девушка, судорожно соображая, что же дальше-то делать.

— А опыт у тебя есть? — усмехнулась дварфийка.

— Может, вам ещё и рекомендательные письма принести, — огрызнулась Курой, решившая всё-таки разозлиться. По крайней мере, такое амплу для неё было гораздо

ближе. — С прежнего места работы? И благодарственные отзывы от клиентов?

— От клиентов, говоришь? Ну-ну, — и без того поджатые губы мадам превратились в куриную гузку. — А что ты умеешь-то?

— Всё! — решительно отозвалась теург.

Имеющая весьма смутное представление, о чём её вообще спрашивают. Чего там уметь? Чай не балет и не резьба по кости.

— И сколько ты хочешь?

А вот к такому повороту «собеседования» Каро была полностью готова. Хватило ума по дороге у Мастера поинтересоваться. Всё-таки вопрос зарплаты при найме наипервейший.

— Семьдесят процентов плюс комната и стол, — снова подбоченясь, объявила Курой.

— Шестьдесят, — отрезала дама, ещё раз оглядев девушку с ног до головы. — И то только потому, что ты тега. Вашу сестру в борделях нечасто встретишь, это верно. Но и любители экзотики не косяками ходят. Договорились?

— Договорились, — кивнула Каро, для вида немного подумав.

Собственно, она действительно задумалась. Но не над процентами от оплаты. А над тем по-прежнему ли ей нравится эпитет «экзотичная».

— Ну, проходи тогда, девочка, — опять усмехнулась дварфийка, открывая двери пошире.

А вот теперь пришло время на самом деле хорошенько пораскинуть мозгами. Спор-то Каро выиграла, в бордель работать пристроилась и нос Мастерсу утёрла. А дальше что делать?!

* * *

Каро была разочарована. Ну ничего, равным счётом ничего в этом здании не напоминало бордель. Не то чтобы тега чётко представляла, как эти заведения должны выглядеть. Но ведь гнездо порока всё же! А тут никакого тебе порока. Возможно, конечно, он скрывался за раздвижными дверьми на первом этаже. Потому что через вставки из цветного стекла теург разглядела только край рояля. Но как то сей музыкальный инструмент с разворотом и разнузданностью ассоциироваться не желал.

А так — ничего особенного. Холл опрятный и даже скромный. Разве что тёмно-бордовая обивка кресел и диванов, да тёмно-алые портьеры с золотыми бомбошками казались несколько вызывающими, но без чрезмерности. Тёмная лестница на второй этаж. Коридор со стенами, оклеенными светлыми обоями в мелкий цветочек. И два ряда дверей с номерами, как в гостинице.

А, главное, тихо кругом. Ни тебе страстных воплей, ни криков, ни стонов. Разве ж это бордель? Скорее пансионат для благородных девиц.

— Возможно, там, где ты раньше трудилась, — разглагольствовала «классная дама», провожая новую «девочку» наверх, — заведение работало круглосуточно. Но мы открываемся ровно в восемь вечера, а закрываемся в четыре утра. Клиенты у девочек, конечно, могут задержаться. Если внесут дополнительную плату.

— Странно, а я слышала, что к вам и с утра приходят, — буркнула тега, теребя свой ридикюльчик.

— Я позволяю принимать девушкам особо дорогих гостей в любое время. Но делаю это

только в качестве исключения. У нас есть посетители, которые хорошо платят. Но не могут себе позволить навещать заведение по ночам.

— Интересно, что им мешает? — ляпнула Каро, засмотревшись на натюрмортик, висящий в простенке.

— Например, наличие жены? — предположила мадам, снова глянув на тегу поверх очков. — Знаешь, некоторые супруги не одобряют такое времяпрепровождение.

Оставалось только ответить: «Да ну?!». Или треснуть себя по лбу за уместные и своевременные вопросы. Но тега предпочла не делать ни того, ни другого. Тем более дварфийка остановилась, открыв одну из дверей.

— Вот. Это твоя спальня. Проходи, располагайся.

— То есть как... Моя спальня?

— Спальня, — ласково повторила мадам, будто с душевнобольной разговаривала. — Место, где ты будешь жить и принимать клиентов.

— Угу, — понятливо кивнула девушка.

Но располагаться Курой не спешила. Наоборот, притормозила на пороге. Что-то тут явно не так было. Конечно, с бордельными порядками её в пансионате не знакомили. Да и потом поближе узнать их случая не представилось. Но всё же...

Это что же получается? Заведение явно не бедствовало. Здание в ремонте не нуждалось, обстановочка уютная. Может, и не богатая, но и бедной её не назовёшь. То есть, бизнес приносит стабильный доход. Ну, допустим, у них тут недокомплект работниц. Мало ли? Уволилась девушка или там... Пусть, на пенсию ушла. И по банальному стечению обстоятельств, на пороге тут же появляется тега, желающая занять вакантную должность. Её берут, ограничившись коротким разговором. Даже не спросили, нет ли каких дурных болезней! И тут же предоставляют отдельную комнату?

А так бывает?

— Ну, чего застыла? — подбодрила теурга хозяйка. — Понимаю, к таким условиям ты не привыкла. Но повторяю: у нас заведение почтенное. Всё на высшем уровне. Я считаю, что если девочки довольны, то и клиент удовлетворённым уйдёт. Давай-давай, заходи.

Деваться некуда. Пришлось «заходить». Не бежать же с воплями обратно?

Как ни странно, но в комнате Каро тоже ничего ужасного не поджидало. Действительно, вполне милая спальня. Разве что кровать каких-то ненормальных размеров и чересчур низкая. Наверное, для того чтобы клиенту в пылу страсти падать недалеко было. Гардероб ещё, комодик, туалетный столик с зеркалом. Полоскательница с фарфоровым кувшином — тоже в цветочек.

Курой подошла к окну, отодвинув плотную штору. Переулок, в котором она Мастера оставила, пуст был. Кто бы сомневался, что кошка её тут на произвол судьбы бросит!

— Общая ванна в конце коридора, — оповестила мадам, ненавязчиво сграбастав тегу за руку, отводя её от окна. — Там воду возьмёшь, если понадобится. Одежду на первых порах дам. Прости, конечно, этот наряд очень миленький, но... В общем, наряды подберём. Постельное бельё в комодке. Простыни меняй сразу же после каждого клиента. Не заставляй гостей ждать.

— После... каждого? — в голове у теги что-то щёлкнуло.

— Конечно, — кивнула дварфийка. — График у нас не слишком напряжённый. Девочек я берегу. Всего два-три клиента за ночь. Бывает больше, если случается наплыв. Но это редко.

Теург присела на край кровати. Просто обязана была присесть, потому как ноги держать больше не желали. Да и голова что-то закружилась.

Кстати, матрас оказался упругим, в меру жёстким. Пружины приглашающе так скрипнули.

— Что-то ты бледненькая. Голодная наверняка. Я велю служанке принести чаю и что-нибудь перекусить, — дама строго глянула на новую сотрудницу. — Ты как предпочитаешь предохраняться? Колпачок, губка, кусочек мыла^[2]?

Каро хотела было сообщить, что уже мылась сегодня. Но только рукой неопределённо махнула. И даже этот жест потребовал титанических усилий.

— Ну, сама разберёшь. Значит, теперь отдыхай. Твой клиент обычно часов в девять приходит. К этому времени, надеюсь, ты будешь полностью готова.

— Мой клиент? — в тумане под черепом образовалась прореха, через которую сумела проскользнуть здравая мысль. — А разве они не...

— Нет. Сегодня я думаю предложить тебя особому гостю. У него необычные вкусы. И тега под них полностью подходит. Так что волноваться абсолютно не о чем. Тебе что-нибудь нужно?

«Да! — заверещал между ушами тоненький голосок. — Выпустите меня отсюда немедленно!». Но Каро, собрав в кулак жалкие остатки самообладания, только головой отрицательно покачала.

— Ну и хорошо. Тогда отдыхай.

Теург уставилась на тихо закрывшуюся дверь, машинально перебирая складки покрывала. По крайней мере, стало понятно, почему её с такой охотой приняли. Вкусы-то у клиентов действительно разными бывают. И не всякая женщина по собственной воле такие предпочтения выдержать согласна. Мало, что ли, изуродованных трупов полицейские из рек вылавливали да по подворотням собирали? Конечно, о таких происшествиях за чашкой чая в гостиных не рассуждали. Между прочим, о борделях тоже. Не надо иметь семь пядей во лбу чтобы понять: раз есть спрос, то желающие продать требуемое найдутся.

Оставалось только сообразить, что самой-то Каро делать. Конечно, вариант немедленно убраться отсюда выглядел крайне заманчиво. Да какое там! Он казался острой и неотложной необходимостью! Но, с другой стороны, если Курой сбежит, ничего не разузнав, то второго шанса проникнуть сюда не будет. А дела в этом заведении творились тёмные и нехорошие. Если бордель действительно папаше-фату принадлежал, то...

То расклад выходил совсем уж дурным.

Тега медленно, как старая бабка, подошла к окну, приподняв двумя пальцами штору и выглядывая в щёлочку. Улица по-прежнему пуставала, словно весь Элизий разом вымер.

В конце концов, револьвер у Каро никто не отобрал. Да и второй этаж — это совсем невысоко. Сбежать она всегда успеет. А работа сыщика и риск друг от друга неотделимы!

* * *

Платье Каро не нравилось. Категорически. Она даже не могла сказать, будто оно «миленькое». Ну а как назвать привлекательным наряд, из которого вываливается всё, что можно? Конечно, с «вываливается» тега погорячилась. Для такого определения у неё объёмов не хватало. Но декольте, едва прикрывающее корсет, голая до самых лопаток спина

и обнажённые плечи заставляли теурга чувствовать себя странно.

Девушка мельком глянула в зеркало. Присматриваться к отражению у неё ни малейшего желания не имелось. Одни губы — алые, словно теург только что крови насосалась — вызывали стойкое отвращение. Но мадам заявила, что выглядит она «как надо». Наверное, для любителя крови и растерзанной на куски плоти это действительно было как надо.

Правда, больше всего неудобств доставлял револьвер. Тега долго прикидывала, куда его девать. По странному стечению обстоятельств в платье карманов не имелось. За декольте не сунешь — там и монета бы не поместилась. Мысль спрятать оружие под подушкой казалась наиболее разумной. Но Каро очень надеялась, что в эту ночь слишком близко к кровати она всё же не очутится.

Поэтому пришлось засовывать «бульдожку» под чулочную подвязку. Но оставаться на месте револьвер упорно не желал. Постоянно съезжал, перекашивался, цеплялся за юбку рукоятью. Да и идея задрать подол до ушей, чтобы пушку достать, не казалась привлекательной. Но ничего умнее Курой придумать не сумела.

А чулки, кстати, были такого же отвратительного ярко-алого оттенка, как и помада.

Дверь скрипнула открываясь. Теург поспешно одёрнула платье, обернувшись к мадам.

— Готова? — тихо спросила дварфийка, окидывая комнату взглядом коршуна.

«Нет!» — пискнул панический голосок.

— Да, — кивнула тега.

— Ну вот и отлично, — довольной акулой улыбнулась хозяйка. — Твой гость уже тут. Ждёт.

Что?! А как же план обойти бордель и посмотреть, что тут, как и где? Сказали же: он придёт в девять! Или уже девять? В этой проклятой комнате даже намёка на часы нет. И на улице темнеть начинает едва не сразу после полудня. А познакомиться-поговорить с работницами, раскрутить на информацию охранников? А придумать, как убраться быстро и без шума?

И самый актуальный вопрос: что теперь делать?! Подозрительно часто он начал возникать...

— Называй его господин Икс, — шепнула мадам. — Ну, всё. Удачной ночи!

Очень своевременное пожелание...

Каро открыла рот, собираясь сообщить, что при найме она адресом ошиблась. Но не успела.

Громадная чёрная тень появилась буквально ниоткуда. Не было её, не было! А вот есть. И к сожалению, совсем она не бесплотная. Нависла над пискнувшей тегой скалой, заставляя выгнуться назад. Твёрдые бёдра, словно под брюками не мышцы находились, а штыри стальные, притиснули Курой к подоконнику. Лапища в тёмной перчатке сграбастала теурга за щёки, заставляя смотреть на эту... это... этого...

Девушка икнула, раззявив рот. Но не смогла выдавить из сжавшегося в игольное ушко горла даже шипения. Сердце лихорадочно тикнуло, да и спряталось где-то за желудком. Каро судорожно сглотнула и...

И сообразила, что на неё не плоская морда тарашится, а обычная кожаная полумаска, закрывающая лицо до кончика носа. Стало чуть легче. Ну, по крайней мере, сознание решило ещё немного побыть с хозяйкой.

Мужчина — ну, наверное, это всё-таки был именно мужчина — наклонился вперёд, едва не завалившись на тегу.

— Ты знаешь, как пахнет твой страх? — прошелестело над ухом. — У него потрясающий запах...

Вторая рука легла на горло девушке, чуть сжала. Не придушила, но всё равно ощущение к приятным не относилось.

— Что?.. — квакнула Каро.

— Вероятно, тебе хотелось бы знать, что я собираюсь делать? — шепнул голос. Станный, между прочим. Какой-то неопределённый. Не низкий и невысокий. Бесполой. — Как считаешь, лучше рассказать или показать? — палец скользнул по губам, стирая помаду. — Так смотрится гораздо симпатичнее.

В этот раз теург даже и пискнуть не успела. И ни на какие задержки сердцебиения времени не осталось. Просто мир крутанулся каруселью и оказалась тега на постели. А тяжёлое, будто тонну весящее тело, придавило её к предательски приветливо скрипнувшему матрасу. Ему — матрасу — всё происходящее явно нравилось.

Курой забились, пытаясь вывернуться из-под навалившейся тяжести, дотянуться до револьвера, больно упёршегося в бедро.

— Что у тебя там? — мурлыкнуло на ухо. Край маски и чужая, чуть колкая кожа прошлась по шее, щеке — мужчина потёрся, как кот, ткнувшись лбом в подушку рядом с виском Курой. — Сюрприз? — приподнявшись, потянулся назад. Его рука погладила щиколотку теги, проехала по бедру, задирая юбку до пояса. — М-да, сюрприз...

Громила, дыша Каро в ухо, поднял револьвер, повертел, будто разглядывая его со всех сторон, и сунул куда-то за спину.

— Плохая девочка...

Тева с ним была категорически несогласна. Она себя чувствовала полумёртвой девочкой. Во-первых, мужчина навалился так, что корсет загнал лёгкие куда-то под рёбра, а правая рука Курой и вовсе оказалась под спиной. Левой же она могла только помахать. Во-вторых, такой паники теургу испытывать ещё не доводилось. Аж перед глазами плыло.

— Но ты же станешь послушной?

Тут до Каро дошло, что и одной рукой можно не только махать. А, например, схватить за волосы. Кстати, что-то с его шевелюрой...

И эту мысль тега додумать не успела. Громила опять ухватил за подбородок, разворачивая к себе. Да и присосался к губам, как голодный упырь. Курой замычала, пытаясь хотя бы отвернуться. Но держали её крепко. И поцелуй — если это можно назвать поцелуем! — был очень настойчивым. И такой... знакомый?

Каро открыла глаза, зажмуренные от ужаса. И уставилась поверх маски на шевелюру клиента. Конечно, волосы он зачесал и даже, кажется, набриолинил, а не стянул в хвост. Поэтому причёска и выглядела гладко, как головка пешки, не торчала короткими небрежными прядками. Но вот золотисто-блондинистый цвет остался прежним.

Паника так резко мутировала в бешеную злость, что Каро, пожалуй, перестаралась. Так зубами клацать — губу можно и совсем откусить. Всё-таки какими-никакими, а клыками Семеро тегов одарили. Небольшими, но острыми.

— Обалдела?! — взвыл оборотень, шарахнувшись так, что с постели слетел, гулко шлёпнувшись на задницу.

Действительно, иногда короткие ножки у кроватей вполне себя оправдывают. Правда, в данный момент Курой совсем не против была, окажись ложе размером с дом. Пятиэтажный.

— Я обалдела? — прошипела теург, утирая кровь с подбородка. — Это я обалдела?

— Ты мне губу насквозь прокусила! — пожаловался Мастерс откуда-то с пола.

— Я тебе сейчас и оторву кое-что лишнее! — злобно пообещала Каро, выпутываясь из сбившихся покрывал. — И на уши намотаю, сволочь!

— У вас всё в порядке? — невозмутимо поинтересовалась мадам, впрочем, двери не открывая. — Простите, что беспокою, но вы слишком шумите.

— Мы сейчас ещё больше нашумим! — клятвенно заверила её Курой.

Теург начала догадываться, откуда берутся те самые растерзанные трупы, которые копы вылавливают из воды и находят в подворотнях. Просто не все шутки полезны для здоровья. Шутников.

* * *

Оказывается, что фарфоровый кувшин, врезавшийся в зеркало, издаёт не просто громкий, но ещё и очень чистый звук — что-то вроде литавр. И если рассматривать такой сосуд с точки зрения его поражающих качеств, то он гораздо эффективнее, допустим, бокалов, просто запущенных в стену. Так как разбившийся хрусталь осыпается мелкими колкими, но ни причиняющими особого вреда осколками. Тогда как фарфор и зеркало буквально взрываются шрапнелью, разлетаясь по всей комнате. И поражают даже оборотней, трусливо спрятавшихся под кроватью.

Приличные — или хотя бы косвенно относящиеся к приличным — эпитеты у теги кончились удручающе быстро. Запас же неприличных определений у Каро, даже обогащённый за время работы в «Следе», был крайне скуден. Пришлось повторяться, силой голоса компенсировав недостаток воображения и знаний.

Мадам в дверь больше не стучала и не мешала выражать теургу свой гнев. Мастерс что-то невнятно вякал из-под кровати, но особого впечатления это не производило. Только вот метательные снаряды быстро закончились. А выковыривать детектива голыми руками Курой не решалась. Пусть бешенство и застило глаза багровой пеленой, с ума она сойти не успела. Пришлось рычать и топтать ногами в бессильной ярости.

Правда, предательский матрас сводил все усилия на нет. Теург не столько топала, сколько прыгала на пружинах. Надеясь на то, что раздавит Рону башку. Ну или хотя бы задницу.

— Закончила? — спокойно поинтересовался Мастерс с пола.

— Нет! — рывкнула тега, с силой долбанув по постели пяткой.

Не попала. Или не достала.

— А ты знаешь, метод Яте мне всё больше начинает нравиться, — задумчиво протянул кошак. — Не велеть ли подать воды?

— Да я тебе... Я тебя... Кот ты драный! Тварь помоечная!

— Ну, это мы уже слышали. Причём три раза, — разочарованно протянул сыщик.

Под кроватью завожилось, что-то с глухим стуком упало на пол. И котяра в очередной раз проявил свою гнусную и подлую натуру. То есть вылез, проворно сграбастал с комода приготовленную служанкой бутылку шампанского. Встряхнул, ещё более проворно открыл. И выпустил в Каро коброй шипящую струю. А когда напор ослабел, вывернул на голову теурга серебряное ведёрко, окатив селом изо льда и талой воды.

То есть, все эти действия Каро осознала гораздо позже, при реконструкции событий. В

тот же момент теурга просто поперхнулась под воняющим дрожжами брандспойтом. Шарахнулась в сторону, дико завизжав, когда ледяное крошево скользнуло в декольте и под платье на спине. Да и свалилась с кровати, отбив поясицу и окрестности.

Благо, падать было по-прежнему невысоко. И обида оказалась гораздо сильнее боли.

— Закончила, — вынес вердикт Мастерс. — Как станешь готова к конструктивному диалогу, свистни.

— Да пошёл ты к Седьмому! — от всего сердца пожелала Курой, вставая, кряхтя и хватаясь за кроватьные столбики.

А заодно обнаружив у постели ещё одну очень интересную особенность. К этим самым столбикам, которые ей опорой послужили, зачем-то прикрепили кожаные ремни, до времени заправленные под матрас. Для чего такие приспособления могут пригодиться, например, в клинике для душевнобольных, тега примерно представляла. Зачем они нужны в борделе? Нет, об этом даже думать желания не имелось. Тем более что по глубокому убеждению Каро, дом терпимости не слишком от Бедлама отличался.

— Когда-нибудь все там окажемся, — тоном умудрённого жизнью философа, заметил Рон.

— В Бедламе? — удивилась Курой.

— При чём тут Бедлам? Я про Подземье.

— А-а...

Тега подумала и села на кровать. Такое положение её ушибленному телу в данный момент нравилось гораздо больше. Да и силы как-то разом кончились. Вместе с бешенством. Почему-то очень хотелось спать. Вот сейчас бы лечь — можно прямо здесь — и чтобы до утра никто не трогал.

Мастерс тоже пристроил свой зад, только на противоположной стороне, в изножье. И наконец-то сняв дурацкую полумаску, а, заодно, и перчатки.

— Теперь-то до тебя, надеюсь, дошло? — спросил устало.

— И что до меня должно было дойти?

— А ты расшевели фантазию. Попробуй представить, что пришёл бы не я, а кто-то другой?

— У меня револьвер есть, — неохотно буркнула Каро.

— Этот? — Мастерс достал из кармана пушку, перебросив её на колени теургу. — Очень помог, правда?

— Так нечестно! Ты... У тебя подготовка!

Курой и сама понимала, что протест вышел не слишком убедительным. Примерно на уровне дебатов в песочнице. Но ничего более весомого в голову не пришло.

— Детка, когда до тебя дойдёт, что сначала нужно думать, а потом делать и никак не наоборот, а? — оборотень покачал головой, как удручённый непроходимой тупостью ученика наставник. — Ну существуют вещи поважнее гордости, честное слово. Не кажется, что жизнь поценнее будет? И даже если придумала по-настоящему гениальный план, не разумнее ли его обсудить? Не все же вокруг идиоты. Может, и умного чего насоветуют.

— Этот план придумал ты!

— А ты повелась. Просто чтоб доказать, какая охре... прекрасная сыщица. Мы же не лошади на ипподроме, не наперегонки бегаем и ставок никто не делает. Просто каждый выполняет свою работу.

— Чего ты обо мне так печёшься?

Злость, вроде бы закончившаяся вместе с силами, вернулась, подпихивая в спину обиду.

— Да неужели не ясно? — кажется, в этой комнате ещё кто-то кроме теурга злиться начал. Если, конечно, не принимать всерьёз версию, будто оборотень рычит от восторга. — Ещё раз прошу, представь, что я не знаком с мадам О...

— Кто такая мадам О? — не поняла Каро.

— Да какая разница?! Бордель-маман, которая тебя встретила... Каро, ты слышишь, вообще, что я говорю?!

— Так ты её знаешь?! Ты это всё подстроил чтобы... Чтобы!..

У Курой даже слов не нашлось для описания этого «чтобы». Хотя, что тут описывать? И так всё ясно, как белый день. Вот и Мастерс звонко шлёпнул себя по лбу, ткнувшись лицом в ладонь.

Только вот тегу от бешенства даже потряхивать начало.

— Да пошёл ты к Седьмому!

— Это мы уже проходили, — невнятно пробубнил оборотень.

— Вот и вали!

Каро оглянулась, в поисках подходящего метательного снаряда. Потому и не заметила, как Рон приподнялся. Ну а дальше...

А дальше они оказались в положении, с которого этот отнюдь не томный вечер и начался. То есть, тега барахталась, лёжа на спине, пытаясь выползти из-под неподъёмной туши оборотня.

— Детка, я понимаю, что это в тебе проклятый тегский темперамент играет, — Мастерс перехватил кулаки теурга, зажав их одной лапицей, задрал над головой Курой. — Все вы на башку ушибленные. Но...

— Это я на башку ушибленная? — Каро задохнулась от несправедливого обвинения.

И ведь кто бы говорил!

— Ты, — спокойно подтвердил Рон, — Яте, все. Сначала морды кирпичом, а потом с пеной на клыках глотки рвёте. Но я боюсь за тебя.

— Да ты сам соображаешь...

— Я боюсь за тебя, дура!

Подлый кошак даже достойно ответить не дал. Опять, как давеча, заткнул рот. Ну, не кусать же его второй раз? А потом до теги дошло, что он сказал. И даже кусаться расхотелось. Пришлось на поцелуй отвечать.

Седьмой! При всех своих многочисленных недостатках целоваться Мастерс действительно умел.

Если вас кто-то не переваривает — значит, не сумел сожрать.

По-хорошему, стоило бы и послушать, о чём речь идёт. Тем более что медик, кажется, что-то там про яды говорил. Информация, несомненно, полезная. И способная пригодиться не только в этом деле, но и в дальнейшем. Но Карохватило исключительно на то, чтобы сделать вид, будто она старательно записывает. Сосредоточиться же никак не получалось.

«Не здесь, не сейчас и не так...» — крутилось в голове навязчивым припевом. И песенка эта как тягучую патоку за собой тянула тошнотворно-приторное унижение. Которое плескалось в желудке, как прокисший обед. Хорошо, хоть со вчерашнего дня тега даже чашки чая не выпила. А то бы её точно вывернуло прямо на пыльный ковёр. Вот бы Алекс порадовался.

Правда, самой Курой было плевать. Ну почти. Сильнее унизиться, чем уже есть — это постараться надо. «Не здесь, не сейчас и не так...». Всё-таки некоторых особо наивных дев стоит в кунсткамеру помещать. Думала, что хуже участи любовницы на пару недель и вообразить невозможно. Ха! А как вам такое: ты на всё готовая и согласная, а он просто встаёт и уходит? Вот просто тихонечко исчезает, аккуратно прикрыв за собой дверку. Оставляя тебя лупать глазами на разгромленной постели в... в борделе!

«Не здесь, не сейчас и не так...». Седьмой бы забрал этого кошака! Вот прямо сейчас бы и забрал! Никогда ещё Каро не доводилось сравнивать себя с падшей женщиной. По-настоящему падшей, а не оступившейся. Даже когда готовилась эту роль играть, понимала — это только маска. Зато, таращась в закрытую дверь, моментально ощутила, аж до печёнок... Да что там! Шлюхой она себя почувствовала вот и всё. Причём невостробованной.

Как только позволила всему настолько далеко зайти? Может, эта сволочь права и с головой действительно беда творится? К врачу, что ли, сходить? Точно, гениальная идея: «Понимаете, доктор, в самый интересный момент — да-да, когда я с себя платье стягивала! — он просто ушёл. Мне кажется, что успокоительные капли помогут...». Действительно, придётся обойтись настоем валерианы. Потому что от идиотизма пилюль ещё не придумали.

— Госпожа Каро, с вами всё в порядке?

Видимо, Алекс не в первый раз вопрос задавал. Потому что на теурга выжидательно смотрел не только управляющий, но даже и Яте свою плоскую рожу повернул. Знать бы, что его так заинтересовало? А, может, Мастерс всё уже доложил приятелю, в красках расписал? Недаром же сам не смотрит, отвернулся. Наверняка чтоб ухмылку скрыть.

— Госпожа Каро, — напомнил о своём существовании Росс, — мне кажется, вас лихорадит.

— Просто небольшая простуда, — пришлось покашлять для убедительности. «Лихорадит» — это не слишком точное определение. Тегу колотило, а на щеках запросто можно было омлет зажарить. Да ещё и патока в животе плескалась. — Вчера умудрилась промочить ноги. Но на работе это никак не скажется, уверяю вас.

Нет уж, на этот раз она не сбежит! Не даст о себя опять ноги вытереть. Лучше действительно сдохнуть от унижения. Надо просто делать вид, что ничего такого не случилось. Ну ушёл. Подумаешь! Не очень и хотелось, чтобы кошак оставался. Может, она

вообще притворялась, а на самом деле не слишком-то всё нравилось?

— Рад слышать, — кажется, Росс в неожиданную простуду не поверил. — Но если вы почувствуете себя хуже...

— Нет-нет, всё в полном порядке.

Вот именно!

— Тогда действуем по намеченному плану. Вы с Роном возвращайтесь в... Там, где были.

Опять?!

— Ал, мне кажется, что это не слишком хорошая идея, — перебил альва Мастерс. — С мадам О мы уже переговорили... — это когда? — ... что в борделе отец заказчицы делал, знаем... — серьёзно? — ... и новую информацию вряд ли добудем.

— А что ты предлагаешь? — Росс сплёл пальцы, спрятавшись за «шалашиком». — Начать копать под жениха? Но у нас ничего на него нет. По крайней мере, внешне фат выглядит прозрачным, как стекло. А вот о мастере Олэан я бы такого не сказал.

— Но бордель-маман же объяснила: папаша ходил к постоянной девушке. Но с неделю уже не появлялся и...

— Вот и последите за этой девушкой, — кивнул управляющий. — Пусть госпожа Каро её расспросит. Может, что-то полезное узнает. А если повезёт, то и сам Олэан покажется. Хоть посмотрите на него со стороны. Ты же сам предложил этот план и сказал, что обо всём договорился?

— Это просто потеря времени, — раздражённо рыкнул оборотень, старательно не глядя на тегу. — Не думаю, что нимфа станет разговаривать с полемойкой.

— Полемойкой? — хрипнула Каро.

— Вас что-то не устраивает? — удивился альв. — Я понимаю, не самое приятное прикрытие. Но это заведение такого толка, что девушке...

— Нет-нет, всё в порядке, — выдавила теург. Кажется, сегодня она только и занималась, что уверяла всех и каждого, будто всё идёт как надо. — Просто господин Мастерс забыл уточнить эту деталь. Я всего лишь удивилась.

— Прошу прощения, госпожа Курой, — будь тон оборотня ещё чуть-чуть натянутее — и лопнул бы, как струна. И да, в сторону теги он даже ухом не дёрнул. — Действительно забыл уточнить.

— Я понимаю, господин Масерс. Не стоит извиняться, — просипела теург, разглядывая свой блокнот.

— Здесь происходит что-то, о чём мне нужно знать? — протянул Алекс, переводя взгляд с Рона на девушку и обратно.

— Нет! — дуэтом заверили сотрудники.

Только Яте — вот ведь деликатнейшее существо на свете! — спокойно дремал в своём углу. Ну или вид делал.

— Хорошо, пусть так, — с явным сомнением согласился Росс. — Значит, Рон и госпожа Каро отправляются в «Красный чулок». Я попробую навести справки о том времени, когда господин Олэан находился на службе. А Яте ещё раз обследует нашу клиентку и попытается выяснить, каким образом к сёстрам мог попадать яд. Если он вообще был. На этом и порешим.

Стоило управляющему тихонько хлопнуть ладонью по столу, обозначая окончание совещания, как Каро сорвалась с места, пулей вылетая в приёмную. И конечно же, едва не

врезалась в оборотня, который тоже куда-то спешил. То есть, она влетела бы, не придержав её блондин. Почему-то решивший, что порог кабинета управляющего самое место для выяснения отношений.

— Послушай, Каро, мне действительно жаль, — пробормотал Мастерс, косясь в сторону. — Прости...

— Да никогда! — выпалила теург, высвобождая локоть. И тут же вспомнила, что, вообще-то, ничего страшного не случилось. А, значит, и поводов орать нет. — Собственно, с чего извиняться? Не припомню за вами никакой вины.

Улыбка теги могла поспорить с десятком Первых Солнц^[3]. По крайней мере, Курой на это очень надеялась.

* * *

До заведения добрались в молчании. Каро силилась рассмотреть улицу за геологическими напластованиями грязи, покрывшими окно кэба. Мастерс ёрзал, чесался, как шелудивый. Постоянно поправлял одежду, которая, в конце концов, стала выглядеть так, будто оборотень в ней неделю спал. В общем, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, теургу было ничуть не легче. Но её, по крайней мере, пансионатская выучка спасала. Комфортнее всего себя ощущала гигантская неловкость, вклинившаяся между оборотнем и тегой, привольно развалившись на сиденье.

В общем, когда детективы доехали до «Красного чулка», оба вздохнули с одинаковым облегчением. И переглянулись. Неловкость раздулась от самодовольства.

А в заведение явно творилось нехорошее. Бугай охранник открыл дверь, даже не поинтересовавшись, кто это припёрся в такое неподходящее время. Да и смотрел он не на посетителей — они же новые служащие. Авсё за спину себе косился, на лестницу и объяснения не слушал. Поэтому Рон просто отодвинул его в сторону, да и прошёл внутрь. Каро следом мышкой проскользнула.

Но подняться на второй этаж просто так не получилась. Дорогу им загородила сама мадам. Между прочим, выглядящая расстроенной.

— Ронни, прости, но сейчас не до тебя, право слово, — проблеяла госпожа О, нервно теребя пояс. — Я понимаю, что дело важное, но у нас тут... проблемы. Поэтому давай вы придёте завтра, хорошо? Право, мне неловко... После того, что ты для нас сделал. Но... Пойдём, провожу и...

Патока в желудке теурга взбунтовалась, взбурлила волнами. Ронни? И что, интересно, он такого для них сделал? Хотя нет, конкретно это тегу интересовало меньше всего.

Кажется, оборотня тоже.

Вместо того чтобы вспомнить, где тут входная дверь находится, детектив сграбастал костлявую лапку бордель-маман и начал её наглаживать, снизу вверх заглядывая дварфийке под очки.

— Ну же, О, что за разговоры? — голосом «конечно, вы хотите поговорить об этом» протянул Рон. — Знаешь же, мне можно доверять. Что у вас тут стряслось? Давай, ты всё расскажешь. И мы вместе решим, как поступить.

— Я не знаю, — пролепетала «классная дама», неуверенно посмотрев себе за спину. Каро показалось, что под стёклами блеснули слёзы. — Полиция... Это дело деликатное, а ты

обязан сообщить. Но...

— Вот меньше всего на свете я волнуюсь о том, что должен. Особенно полиции, — заверил Мастерс. — Как правило, всем, кому должен, прощаю. Сердце слишком доброе. Ну, же, О. Не первый день мы знакомы.

— А твоя... спутница? — засомневалась мадам, стрельнув глазами в сторону Курой, и опять отвернулась, пытаясь заглянуть в коридор.

— У неё вообще обет молчания.

Каро уже открыла рот, чтобы заявить, куда ему стоит засунуть все обеты вместе взятые, и твёрдо обозначить свою позицию по поводу законности и сообщений в полицию. Да передумала. Потому что на площадку выскочила полуодетая девица. Зарёванная, между прочим. Увидев посторонних, она всхлипнула, ойкнула и унеслась туда, откуда прибежала.

— Я ничего никому не расскажу без вашего разрешения, — кивнула теург.

— Н-ну, я не знаю... — растерялась дварфийка. — А вы, случайно, не лекарь?

— Не сходи с ума, — тряхнул её руку Мастерс. Артритных пальчиков мадам он так и не выпустил — продолжал поглаживать. — Первую помощь и я оказать могу. Ну, веди.

Далеко идти не пришлось. Всё тот же, уже знакомый, а оттого ещё более тошнотворный коридор и распахнутая настежь дверь в один из номеров. Правда, пройти внутрь оказалось непросто — проём загораживали девы разной степени одетости. А вот ужас на их размалёванных физиономиях был абсолютно одинаков. Кто-то даже подвывал тихонечко, зажимая себе рот.

Рон распихал стадо.

Но, наверное, лучше бы он этого не делал. Попервой Каро показалось, что на пятнистых красно-белых простынях лежит разорванное платье. А на подушку кто-то смеха ради пристроил отрубленную свиную голову. Ну такую посиневшую, распухшую, с заплывшими-закатившимися глазами. И в крови. Только разглядев спутанные, склеившиеся отдельными прядями волосы, теург догадалась: нет никакой свиньи и платья. А есть женщина. Избитая. Хотя, пожалуй, это определение выглядело слабовато. Искалеченная? Измордованная?

Курой и сама не поняла, когда успела рот ладонью на манер столпившихся девиц зажать.

Оборотень выть не стал. Наклонился над кроватью, что-то такое сделал руками — слишком быстро, не разглядеть. И начал отдавать приказы: «Все — вон! Воды сюда, полотенца туда!». Да ещё водки пшеничной потребовал. Нашёл время пить!

Правда, с голосом у него что-то неладное творилось. Не видь Каро кошака, подумала бы, что вовсе и не Мастерс говорит. Куда-то всё мурлыканье вместе со смешками подевалось.

— ... не будет с этим ни один приличный доктор, связываться, — проблеяла мадам, пока тега пыталась из прострации выбарахтаться.

— Я заплачу, — рубанул сыщик.

— Да ведь...

— Я втройне заплачу, — рыкнул Рон. — Ради Семерых, О, шевели задницей и сделай хоть что-то полезное!

Вместо того чтобы послать распоясавшегося детектива куда подальше, бордель-мадам быстро-быстро закивала. И смылась. Правда, когда теург лицо своего напарника разглядела, ей тоже нестерпимо захотелось убраться подальше. Глаза-щёлочки. Щека подёргивается вместе с губой, показывая клык. Кажется, удлинившийся. Да оборотень весь дрожал, будто его лихорадка била. Каро ни разу не приходилось видеть, как перевёртыши принимают

второй облик. Но, кажется, у теги имелись все шансы удовлетворить любопытство.

Даром что в данный момент оно и рядом не стояло.

Мастерс встал возле кровати на колени, погладил девушку по волосам — там, где они на подушке лежали.

— Милая, — проворковал нежно-нежно. Как будто это не у него на затылке волосы дыбом вставали. Причём совсем не в переносном смысле — даже блондинистый хвостик, стянутый ремешком, подёргивался. — Не надо, не открывай глаза. Просто скажи, кто это сделал, ладно? Ты его знаешь?

С подушек донеслось нечто среднее между шипением и стоном. От этого звука Курой едва не подпрыгнула. Она пребывала в полной уверенности, что избитая мертва. Но, оказывается, и в таком состоянии жить можно.

— Олэан, — проскрипела лежащая. — Он... деньги...

— Всё-всё, тш-щ, — зашептал Мастерс, — молчи. Я принесу тебе его башку, слышишь? И мы сыграем ей в крикет.

Каро не разглядела, как на это обещание отреагировала девушка. Да и отреагировала ли вообще. Но ничего против того, чтобы присоединиться к партии, тега не имела.

Вот только у Рона на этот счёт другое мнение было. Встав, он едва глянул на напарницу. Молча прошёл мимо — к двери. А когда теург руку протянула, чтобы придержать его за рукав, шарахнулся в сторону.

— Не сейчас, Каро, — в голосе его — неживом, как в фонографе, отчётливо слышались деревянные нотки. — Просто... не сейчас. Езжай домой. Встретимся... В конторе встретимся.

Собственно, на этом всё. Больше он ничего добавлять не стал.

* * *

Мысли из разряда: «Если кто тогда сказал — не поверил бы...» Алекса посещали нечасто. Опыт приходит с годами. Как и осознание того, что перешутить жизнь не сумеет ни один даже самый талантливый комик. Но глядя на бывшего сержанта группы специального назначения Три Ригиса, на ум только и приходило: «Кто бы нам тогда сказал...». С последней их встречи, когда фарш из вервольфа санитары пытались на носилки уложить, Три Полбутылки успел где-то посеять все волосы и приобрести килограмм тридцать лишнего веса. Что при росте почти в два метра выглядело угрожающе. Впрочем, шрам, пересекающий лицо от левого виска к нижней челюсти, парня тоже не красил. Но, наверное, хирург, собиравший сержанта по кускам, меньше всего о красоте думал.

Но вот что у вервольфа осталось прежним, так это голос.

— Ба! Кого я вижу! — проревел Три с таким энтузиазмом, что у Росса уши заложило. — Или это лорд-капитан Александр. Или третья бутылка вчера была лишней.

— Алекс Росс, если ты не против, — вот и не хотел бы, а всё равно улыбнулся. Уж слишком радостной физиономия у бывшего сержанта сделалась. — Сиди, сиди. Сам подойду.

— Знаешь, да? — вервольф слегка посмурнел, глянув под обшарпанный стол, которому на свалке наверняка уже прогулы ставили.

Скорее всего, на культи, от ног оставшиеся, смотрел.

— Ну, я там был.

Алекс подошёл к конторке, хотел руку протянуть, но передумал. Обнял оборотня, хлопнув его по спине. От такого панибратства Три, кажется, опешил и будто даже меньше в размерах стал. Облапить в ответ бывшего командира бугай не решился. Только разрубленным носом сопел.

— Извини, что раньше не зашёл, — покаялся Алекс, оставив оборотня в покое и присаживаясь на страдальчески скрипнувший колченогий стул. — Но...

— Да что я, не понимаю, что ли? — махнул лапицей Три. — Никаких обид. Мастерс вот заскакивает время от времени. Так что, в курсе, какие дела творятся. Но я вправду рад вашу лощёную рожу видеть, командир. Может, по такому случаю чайку? Или чего покрепче?

Вервольф заговорщицки подмигнул.

— Да нет, спасибо, — усмехнулся Росс. — Не думаю, что в твоей берлоге есть что-то, хотя бы отдалённо похожее на чай. А от пойла, которое ты пьёшь, я к праотцам отправлюсь. Так что оставь свою заначку до следующей встречи с Роном.

Вообще-то, выпить альву действительно захотелось и даже очень. Хотя такие желания его посещали не слишком часто. Но, во-первых, перед Три действительно было совестно. Во-вторых, обида на Мастерса царапала — не спешил сыщик сообщать, что сослуживца навещает. А, в-третьих, хоть и знал прекрасно: выжил вервольф в той мясорубке чудом и от прежнего красавца только воспоминания и остались, но вживую его видеть всё одно... неприятно. Или, опять-таки, стыдно?

— Ну, нет, так нет, — жизнерадостно отозвался сержант, хлопбыстнув дверцей тумбочки, в которую зачем-то залезал. — Рассказывайте тогда, что вам потребовалось от старшего секретаря общества ветеранов и инвалидов?

Алекс помолчал, поглядывая на оборотня. Побарабанил ногтями по облезшему лаку. Три спокойно смотрел на бывшего командира, развалившись в кресле и сложив на необъятном пузе руки. Что-что, а мозги свои вервольф явно не пропил и со временем не растерял.

— Мне нужно узнать, кем, когда и где служил некий господин. Хорошо бы получить его послужной список. Награды, взыскания, повышения, — решился альв. — Понимаю, что поимённо ты всех не помнишь. Но если есть возможность покопаться в архивах...

— Фамилию-то скажи, капитан, — буркнул оборотень.

— Айрэн Олэан, фат.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, этого-то я помню, — кривовато ухмыльнулся Три. — Удачно для тебя, да? Но никаких секретов тут нет. Просто бывшая интендантская^[4] служба — это бо-ольшая наша головная боль.

— То есть, он всё-таки воевал?

— А кто не воевал? — проворчал сержант. — Если не воевал, так служил. А тот, кто не служил, то прислуживал. Слушать-то будешь или тебе просто с дела копию снять?

— Говори, говори, — кивнул Росс. — И копию снять не забудь. Чем же этот фат так запомнился?

— Не он, — скривился Три. Шрамированная физиономия оборотня пошла такими складками, что Алекс едва удержался, но всё же не отвернулся. — Говорю же, вся бывшая интендантская служба до печёнок достала. Потому я их поимённо и помню. Другие-то как? Сами за пенсией приходят. А то и не по разу в месяц. А вдруг что обломится? За этими же

хмырями набегаешься, пока они соизволят денежки забрать. Хотя, конечно, для них это и не деньги вовсе. Но у нас-то отчётность! Сложно раз в месяц зад от креслица оторвать и сюда явиться? Ну, хоть пропустишь на ту пенсию стаканчик-другой за милость Её Императорского Величества. Так ведь нет, лениво им! А мне по шее, по шее!

Вервольф с чувством похлопал себя по могучему загривку.

— Погоди, я ничего не понял, — нахмурился Росс. — Точнее, понял, что тех, кто в интендантском подразделении служили, пенсия не интересует.

— Не понял почему, да? — хмыкнул Три. — Да они на Островах столько наворовали, что им на пять жизней хватит!

— А ты уверен? — Росс почесал ногтём бровь, поглядывая из-под ладони на оборотня. — Если мне память не изменяет, за мародёрство, да и просто вывоз ценностей, карали расстрелом без суда.

— Не изменяет тебе ничего, — недовольно проворчал сержант. — И не пори чуши. А то моё мнение о вас, лорд-капитан, упадёт ниже задницы. Точно знаю, что говорю. Я по этим «ветеранам» набегался. А с твоим Олэаном вообще чуть не сцепился. Он пообещал е следующий раз, когда со своими грошами и бумажками сунусь, с лестницы спустить, представляешь? Шибздик такой, а туда же — кулаками махать. Эх, я бы его точно прибил. Да дочку его постеснялся. Уж больно ей за папашку стыдно стало.

— То есть, ты абсолютно уверен, что ноги его богатства с Островов растут?

— Ха! — хохотнул Три, шлёпнув ладонью по столу. — А с чего б мне неуверенным быть? Знаешь, до кого твой фат в конце дослужился? Он эвакуацией командовал! Ну там, архивы, госпиталя, склады и всё такое. Я не удивлюсь, если этот хмырёныш императорскую казну целиком вывез. Да ещё трон из-под солнцеликого зада прихватил. Ну, понятно, что в этом деле он не один был, — подумав, добавил вервольф.

— Да, ты говорил. Вся служба...

— Не о том, — опять скривился оборотень. — Кто-то их сверху прикрывал. На са-амой верхушечке. Ищи между своих, лордов. А ещё бы я на твоём месте пошукал по коллекционерам да агентам, которые для богатеньких тётенок и дяденок раритеты находят. Сейчас даже блюдце, на Островах сделанное, на вес золота стоит. А то и поболе.

— Расспрошу, спасибо за подсказку, — кивнул Алекс.

Хвостик вроде тоненький, но хорошо, что хоть такой показался. Незаконная торговля редкостями и драгоценностями — это, конечно, бизнес грязный. Правда, причём тут дочери Олэан, альв пока не придумал. Вот если бы их похитили или даже просто убили... Не отравление? Странно это всё.

* * *

Встретиться с оборотнем в конторе Каро не довелось. Не явился Мастерс. Пришлось перед Алексом самой отчитываться. Да, собственно, что тут скажешь? Всех достижений: сыщик на охоту за головами пошёл, мстить за обиженных дам. Росса успехи детективов не взволновали, не восхитили и не возбудили. Кивнул только да опять в какие-то свои бумажки зарылся. И — странно, конечно — но никакого индивидуального задания у него для теурга не нашлось. Делать нечего, пришлось опять заняться унылым переключиванием папок в шкафу.

Да, Рон так и не вернулся. Хотя тега, конечно же, его и не ждала. Просто волновалась за сослуживца. Уж больно странным хобби Мастерс обладал — пули зубами ловить. Ни одну ещё не поймал. Клыками, в смысле. Они всё больше в другие части тела попадали. Не недаром говорили, что оборотни отличались завидным упрямством.

Так или иначе, а в конторе кошка не появился и никаких вестей о себе не присылал. Да и плевать на него. Только настроение ещё гаже стало. Хотя оно изначально радугой не переливалось. А когда девушка у подъезда знакомый экипаж увидела, то и вовсе тихонько зарычала.

— Говорю первый, последний и единственный раз! — рявкнула Курой на негромкое: «Добрый вечер, госпожа Каро!». — Отстаньте от меня и не смейте ближе, чем на километр подходить! Засуньте свои желания в... Куда-нибудь поглубже! Тут вам ничего не светит, ясно?

— Вполне, — спокойно подтвердил наличие сообразительности фат. — Могу я только узнать, что вызвало ваш гнев?

— Вы! — рявкнула теург.

— Ну это вряд ли, — кажется, вопли Курой волновали фата не больше, чем тихо падающий снежок. — В прошлый раз расстались мы вполне мирно. И с тех пор я ничего предосудительного не совершил.

— А не думаете, что мне просто не нравятся все эти...

Теург махнула рукой, подыскивая подходящий эпитет.

— Ухаживания? — подсказал красавчик.

— Плевать! Вы весьма непрозрачно намекнули, что хотите...

Этим вечером у теги явно наблюдались проблемы со словарным запасом.

— Стать вашим любовником?

Вот у фата с определениями трудностей не было.

— Так вот, мне это не интересно! — вконец озверела Каро. — Ищите других! Более подходящих! А я себя не на помойке отрыла, чтобы всякие потом об меня!..

Под внимательным взглядом Алоа Курой осеклась, захлопнув рот. Пожалуй, с объёмом лишней информации она переборщила.

— Я уже говорил: решать, соглашаться или нет на предложение, только вам, — убедившись, что новых воплей не последует, вкрадчиво сообщил фат. — И навязываться не в моих привычках. Прошу лишь уделить мне час, всего лишь час. Мне необходимо кое-что показать. Это касается дела.

Тега с силой выдохнула, сжав кулаки так, что ногти в ладони впились.

— А никому другому вы это показать не можете?

— Скажем, не хочу, — улыбка красавчика блеснула в тени цилиндра, — мой каприз. Но клянусь: это действительно займёт всего лишь час. И если вы потребуете, то я исчезну и не стану докучать.

— Н-ну, хорошо, — согласилась теург, раздражённо покусывая губу. — И где это... То, что мне надо видеть?

Фат молча указал тростью на карету и предупредительно придержал дверцу.

Что полезного для дела можно найти в Городской Общественной Оранжерее, да ещё и в восемь часов вечера, когда для посетителей она закрыта, Каро понятия не имела. Но возмущаться не стала — вышла, когда экипаж остановился, и последовала за Алоа. В конце концов, сооружение хоть и поражало свои размерами, но всё-таки ни на тёмный лес, ни на

подворотни не слишком смахивало. Задумай красавчик дурное, выбрал бы более подходящее место.

Иельон, кажется, не только ничего не задумывал, но и вообще не думал. Шёл себе впереди, чуть заметно помахивая тростью и едва не пританцовывая. Ненадолго исчез в полосатой будочке сторожа, которая днём билетной кассой служила. Но появился буквально через пару минут, махнув Каро, зовя за собой.

В Оранжеее теургу бывать приходилось, но давно — пансионских воспитанниц сюда пару раз на экскурсии водили. И воспоминаний об этой достопримечательности Элизия у теги не осталось никаких — ни хороших, ни плохих. Поэтому, очутившись внутри, теге пришлось резко пересмотреть своё мнение о лесе и закоулках.

Ночью Оранжеея выглядела загадочно и, пожалуй, пугающе. Негромко шипели водные распылители над головой, совсем по-летнему стрекотали цикады. Зарево городских огней подсвечивало стеклянный купол, рождая странные, живые, движущиеся и даже, кажется, дышащие тени. Заросли экзотических растений походили на настоящие джунгли. Того и гляди, какой-нибудь монстр выскочит.

Курой нестерпимо захотелось немедленно нацепить пробковый шлем и взять в руки мачете.

Идти пришлось довольно долго — теург окончательно потерялась в дорожках и указателях. Но, в конце концов, фат остановился перед стеной лиан, кажущихся почти чёрными. И напоминающих занавес из спутанных змей.

— Вам известно это растение, госпожа Каро? — как ни в чём не бывало, поинтересовался красавчик.

— Я похожа на ботаника?

Тега опять начала злиться и не собиралась это скрывать.

— Вы похожи на девушку, получившую хорошее образование, — невозмутимо ответил фат. — А эти лианы называют Спящей Красавицей. Точнее, это не лианы, а орхидеи, но не суть. Дело в том, что цветут они всего лишь одну ночь в году. И только при определённых условиях: влажность, температура. Даже, говорят, расположение звёзд влияет.

— И сегодня как раз такая ночь! — фыркнула Курой.

— К сожалению, нет. Это происходит весной. Но...

Алоа неспешно расстегнул пальто, сбросив его на гравий дорожки. Сверху легли трость и цилиндр. Фат провёл ладонью по хвосту голубоватых волос, отбрасывая их за спину. Повёл плечами, будто разминаясь, и подошёл к шпалере.

— И что вы собираетесь делать? — подозрительно поинтересовалась тега, отходя — на всякий случай.

— Тш-ш, — красавчик приложил палец к губам, заговорщицки подмигнув, — смотрите.

Иельон провёл ладонью над лианами — близко, но не касаясь стеблей, словно погладил живой занавес. Рука фата замерла, чуть подрагивая. И засветилась. Сначала теург решила, что ей примерещилось. Но зеленоватое сияние становилось плотнее, ярче. В нём, как пылинки в солнечном луче, танцевали крохотные золотистые искорки.

И вдруг стебли раздвинулись, заставив тегу вздрогнуть. Разлапистый мясистый лист приподнялся, показав бутон, размером с палец. Почка на глазах начала толстеть, разбухать, словно её распирало изнутри. Тёмная чашечка разошлась, будто треснула, обнажая бледную изнанку. И лопнула, раскрылась цветком. Острые тёмно-фиолетовые лепестки вздрогнули потягиваясь. Пушистые тычинки выпрямились, ласкаясь к ладони Алоа. А фат уже не просто

держал пальцы над цветком — поглаживал вокруг него, помогая расправиться.

Глаза Ильна поблёскивали, отражая зеленоватое свечение.

— Никто не может угадать — зацветёт она сама или нет, — тихо, нараспев проговорил фат. — Но если знать, что ей нужно, любить её — красавица проснётся. Всё просто, да? Только не каждый на это способен. И не каждый разглядит красоту за скучными стеблями. А большинство и разглядывать не захотят. Им хватает того, что на виду, — Алоа поймал цветок, упавший в ладонь, как созревший плод, и протянул его Курой. — Знаете, уничтожить то, что кажется непривлекательным, гораздо проще, чем убедить распусться. Тем более заставлять бесполезно. Нужно уговаривать, а иногда и умолять... Ну же, держите.

Девушка не слишком уверенно протянула руку, берясь за короткий стебелёк. Теге показалось, будто он тёплый и слегка пульсирует. Впрочем, вполне возможно, теург просто потоки фата почувствовала.

— Я не очень понимаю...

— Говорят, эти орхидеи подарил матушке нынешней императрицы владыка Восточных островов. Давно, больше пятидесяти лет назад. Если это правда, то теперь Спящую Красавицу можно увидеть только в Элизии.

После этих слов притворяться, будто не понимаешь, что тут фат объяснить пытается, было уже даже и стыдно.

Не так страшно быть душевно больным, как душевно мертвым.

Каро машинально переворачивала пожелтевшие хрупкие от времени листы, чуть подольше задерживаясь на рисованных иллюстрациях и дагерротипах. Их было много — «Утренняя газета» могла себе позволить нанимать и художников, и фотографов. Только вот от этого содержание интереснее не становилось. Политика, экономика, опять политика. «Парламент решил, лорды постановили...». Немножко войны. Бравые имперские герои, подлые теги...

Что тут найдёшь?

Алекс велел искать «что-нибудь». Не абстрактное что-нибудь, а конкретное, связанное с контрабандой. Скандалы, интриги, расследования. И чтоб обязательно с участием альвов. Двадцатилетней давности. В общем, самое осмысленное, чётко сформулированное и выполнимое задание на свете.

Каро зевнула, перевернула очередную страницу, потёрла лоб. Вокруг стояла такая тишина, что шорох бумаги казался жестяным грохотом. По странному стечению обстоятельств, Общественная Библиотека Элизия была местом непопулярным и малопосещаемым. Ну примерно как склеп. Кстати, найти тут библиотекарей оказалось не проще, чем живых в этом самом склепе. А уж уговорить подобрать нужные издания и вовсе не реально. Пришлось копаться самостоятельно.

Оборотень так и не объявился.

А цветок лежал на тумбочке рядом с кроватью, не собираясь вянуть.

Алоа обещал ждать вечером у конторы. Даже если тега не захочет его видеть, он подъедет к восьми.

И голова болела, будто под черепом завелась маленькая мышка, пытающаяся прогрызть выход через височную кость.

Взгляд скользнул по очередному рисунку, иголочка кольнула под бровью. Каро не сразу и поняла, что её насторожило — перевернула страницу. И тут же поспешно вернулась, едва не порвав бумагу.

Статья большая — на разворот. Мелькающие слова всё те же: «приняли», «осудили», «объявили решение», «законодательный акт». Дело точно не в буквах. Теург провела пальцем по выцветшим колонкам, ноготь остановился на иллюстрации.

Картинка была нарисовано быстрыми, короткими штрихами. Но художника Семеро явно талантом наделили. Зал заседания Сената с полукруглыми — амфитеатром — трибунами, лепился из хаоса чёрточек, выглядя почти объёмным. Фигуры на заднем плане зарисовщик и вовсе только обозначил. Но возбуждение заседающих всё же сумел передать: альвы вскакивали, кричали, кто-то даже кипой бумаги потрясал.

А вот Алекса Росса узнать никакого труда не составляло. Тем более что художник именно на нём внимание и сосредоточил. Лорд спокойно спускался по лестнице между трибун, на ходу подтягивая перчатку, смотрел на зрителей эдак уверенно, решительно.

Кстати, форма шла ему гораздо больше, чем обычная одежда. И впрямь, герой-воин, девичья мечта. Хотя с длинными волосами он теге нравился больше. Уж слишком жёсткое лицо у альва на картинке. Отталкивающее даже.

«Лорд Александр публично назвал компанию на Восточных островах геноцидом!» — гласила подпись под рисунком. Заголовок статьи верстальщики набрали крупно — каждая буква размером с полпальца: «Лорд признался, что у него есть совесть». Подзаголовок выглядел чуть скромнее, но тоже впечатлял: «Если честь лорда состоит в том, чтобы убивать мирных жителей и детей, то я отказываюсь и от своей расы, и от привилегий, дарованных мне по праву рождения. И от звания офицера. Для моей совести такой долг слишком велик».

Каро усмехнулась, перегибая газету пополам. Что-то вроде этого она и ожидала — высказывание вполне в духе Алекса. Теург даже его голос почти слышала. По крайней мере, стало понятно, как лорд Александр мутировал в господина Росса.

А вот то, что управляющего «Следом» называли ещё и «героем Гэрунхаса» оказалось новостью. Хотя такое и стоило знать — новейшую историю в пансионате преподавали. Да и живых орденосцев «Чистого Света» в Элизии не так много.

Правда, по глубокому убеждению теги, за такие заслуги следовало именовать «резником из Гэрунхаса». Но сам подвиг впечатлял. Всё же не легко, наверное, перебить не только всю охрану императора... В смысле, самозванца. Но и его ближайших советников, а также родственников, включая побочные и младшие ветви рода. И все за одну ночь. Но группа под командованием лорда Александра справилась.

Только самое интересное не это. Оказывается, на том судьбоносном заседании лорды обсуждали, что делать с Островами. Между прочим, большинство сенаторов голосовали за их полное уничтожение. А меньшинство такое мизерное, что его и в расчёт не принимали, за блокаду. Естественно, возглавлял это самое меньшинство его светлейшиство лорд Александр. Вот на обсуждении альв и сделал своё сенсационное заявление. Судя по кокетливым намёкам журналиста, случился там потом большой шум и лай. Имели место и неприличные сцены.

Но в результате сенаторы таки решили эвакуировать с островов детей в возрасте от четырёх до семи лет. И воспитать из них верноподданных граждан. За счёт казны. К слову, идея-то не с потолка свалилась. Её, ещё на стадии слушанья, Императрица высказала. Но в обсуждаемый проект предложение даже не внесли. А тут всплыло...

Получалось, что Каро вместе с Яте и остальными тегами буквально жизнью Алексу обязаны?

Теург перевернула газету, снова разглядывая рисунок. Навалилась грудью на стол, едва носом по штрихам не ведя. Всё казалось, что вот этого лорда в белой форме она уже видела. Именно с короткой стрижкой и в мундире...

Мышь за виском активизировалась, добавила к резцам ещё и когти. Девушка выпрямилась, отодвинула газету, потёрла переносицу. Белое... Именно белое...

Все вокруг белое. И все теги в белом. От этой белизны, в которой отражается солнечный свет, болят глаза. Хочется щуриться, но нельзя. Нужно держать лицо.

Курой откинулась на спинку жёсткого, неудобного стула. Но свет никуда не делся. Только подёрнулся сероватой дымкой проснувшейся памяти. Даже кисть заломило. Это потому что...

... мама вцепилась в руку, сжала пальцы так, что ладошка затекла. Неудобно, даже больно, но надо молчать. Все молчат. И держат лицо.

Впереди — всего три шага сделать — прямоугольный серый камень с красными кляксами букв. Обелиска почти не видно под странными, мохнатыми и тоже белыми цветами. Противными, неприятно пахнущими. Их тут положили, потому что отец куда-то

ушёл и никогда больше не вернётся. А это неправильно и нечестно. Он всегда возвращается, подарки привозит.

Фигура заслонила камень — огромная, как дом. Даже закинув голову лица не рассмотреть. Черты растворились в ярком солнечном свете. Мужчина опустился на корточки. И все равно остался очень большим, больше всех тегов. Его одежда тоже белая, но странная, непривычная. Хоть и красивая: с золотыми шнурами и ярко блестящими кругляшками, нашитыми в ряд.

Этот тег точно как его одежда — странный, но красивый. Кожа бледная, как будто он долго болел. А глаза просто огромные. И синие-синие, как мамины любимые орхидеи.

— Прости нас, малышка, — сказал белый тег.

Смешно. Такой большой, а просит у маленькой прощения...

Каро закрыла глаза, сжав пальцами переносицу. Честное слово, без воспоминаний как-то проще.

* * *

Больше всего оборотень напоминал старый башмак. Такой заслуженный, носимый и в дождь, и в зной, и зимой, и летом. Ни разу не чищенный и каждый вечер любовно швыряемый в стену. Правда, шкура Мастерса на этот раз вроде бы цела осталась. Но выглядел он изрядно помятым. Причём как во вполне прямом, так и в переносном смысле. Одежда изжёвана, сидит вкривь и вкось: жилет не на те пуговицы застёгнут и воротничок рубашки серый. А у самого Рона под глазами мешки, на щеках щетина, даром что светлая, всё равно заметно. И не тени улыбки.

Детектив вошёл в кабинет управляющего «Следом». Даже куртки не сняв, уселся на диван, таращась на собственные руки, которые, сам, кажется, того не замечая, то сжимал в кулаки, то выпрямлял пальцы.

— Ты вчера пил, что ли? — помолчав, негромко поинтересовался Алекс.

— Только воду, — хрипловато ответил оборотень.

— Тогда лучше б пил, — хмыкнул альв, отодвигая от себя папку. — И что случилось?

— Ничего, — неохотно отозвался Мастерс. — Вот именно, что ничего. Нет нигде этого грёбанного фата! Ни у себя в конторе не появлялся, ни дома, ни в клубе. Как сквозь землю провалился.

— В бега подался? — задумчиво предположил Росс. — Из-за того, что проститутку избил?

Сыщик в ответ только криво ухмыльнулся. Видимо, ему такая версия тоже убедительной не показалась.

— Есть ещё новости?

— Да примерно как у тебя, — почему-то и Алекс довольным не выглядел. — Яте ничего не накопал. У них там прислуга успела четыре раза полностью смениться. Видимо, слишком крутой у Олэана характер. Правда, вроде появилась ниточка. Отец нашей клиентки может быть с контрабандой антиквариата и драгоценностей связан. Но тут я даже не знаю, с какой стороны подступиться. Если мои догадки верны, то покровители у него такие, что и соваться не стоит. Вот, от отчаянья госпожу Каро в библиотеку отослал...

— Ну ведь... — Мастерс запустил обе пятерни в волосы, как будто дёрнуть собрался, но

передумал. — Иной раз не знаешь, за что и хвататься. А тут как щенки — тычемся носом в разные стороны.

— Ну, это верный признак того, что тыкаться никуда и не надо. Может, наша клиентка всё и вправду просто надумала. Или мы совсем не туда смотрим, — предположил Алекс, откинувшись в кресле. — Но что-то подсказывает: не это тебя заботит. Или разумнее придержать любопытство?

Рон не отвечал долго. Снова свесил руки между колен, сжимая-разжимая пудовые кулаки.

— Да в общем-то, это действительно не твоё дело, — буркнул, в конце концов.

— Но? Тут явно напрашивается какое-то «но», — Росс замолчал, предоставляя оборотню шанс объяснить. Но Мастерс решил им не пользоваться. Управляющий вздохнул. — Хорошо, я её уволю.

— Кого? — вскинулся сыщик.

Но в ответ лишь заработал взгляд из разряда: «Не делай из меня идиота».

— Только посмей, — рыкнул оборотень, сжав кулаки. Но разжать, видимо, забыл. Так и сидел, гневно сверкая на начальство прищуренными очами. — Ты меня знаешь, Ал! Вот только рискни здоровьем!..

— А есть другие предложения? — ответил Росс спокойно, даже с ленцой. — Она, конечно, неплохой специалист. Да и теургами разбрасываться не стоит в любом случае. Но, прости, первоклассный сыщик как-то важнее. Жили мы без неё сколько лет. И, думаю, проживём не меньше. А то, что сейчас между вами творится, ни в какие ворота не лезет. Так и агентство развалить недолго.

— Я тебя предупредил, — Мастерс уже не рычал, а урчал угрожающе. — И она тут вообще ни причём. Это моя вина. Сам кретин и разгребать это только...

— Понимаешь ли, — Алекс подцепил с бумаг «вечное» перо. Крутанул его по столу. — Мне, собственно, без разницы, кто из вас виноват. Расклад очень простой. Конфликт мешает работать. И если устранить причину не в моих силах, то надо убрать одну из сторон. Какую, уже решено.

— Да погоди ты! — оборотень вскочил, сунул руки в карманы и принялся расхаживать из угла в угол — эдакий громадный маятник. — Ну, уволишь ты её — и что? Куда она пойдёт?

— А это уже не мои сложности, — пожал плечами альв. — Правда, есть ещё один способ уладить дело.

— Какой, ради Семерых?! И так всю голову сломал, как это расхлебать! Не могу я просто ручкой помахать. «Всё было классно, детка!», да? А работать потом как? И ты не знаешь всего. Там такого понаверчено, что...

Рон остановился посередь кабинета, рыкнул сквозь зубы. И выдал длинную, прочувственную и очень красочную тираду. Алекс даже крякнул в особо душевном месте — то ли и его проняло, то ли подобранные эпитеты восхитили.

— Я понял только одно, — заключил Росс, когда детектив исчерпал запас особо сложных, а порой и физически невозможных способов занятия любовью с Седьмым и его демонами. — Всё крайне запутано. Твой, как ты изящно изволил выразиться, идиотизм, сдобренный желанием блага для девушки, помноженный на патологическое неумение держать ширинку застёгнутой, лёг на природный темперамент тегов, избалованность госпожи Каро и глубокую душевную травму в прошлом. Не ошибся?

— Не задохнулся? — мрачно поинтересовался Мастерс. — Таковую-то тираду выдать.

— Значит, не ошибся, — удовлетворённо кивнул Алекс. — А искусство ораторства у меня в крови. Но, как было сказано выше, из сложившейся ситуации существует только два выхода. Или мы увольняем теурга. Или ты женишься.

— Прости... что? — подавился несчастный оборотень.

Оборотень так вытаращился на управляющего, что ещё немного — и его глаза выкатились бы двумя шариками. Альву даже жутковато стало.

— Женишься, — обстоятельно пояснил Росс. И почесал кончик носа, пряча за ладонью улыбку. — Ну, знаешь, это когда двое идут в мэрию и при свидетелях заверяют свои отношения юридически. Совместное имущество, права и обязанности... Честно говоря, в подробностях я не силён. Сам женился по древним традициям...

— Ты издеваешься? — догадался прозорливый детектив.

— Вовсе нет, — посерьёзней Алекс и даже ручку в покое оставил. — И если хорошенько подумаешь, сам придёшь к такому же выводу. А ещё лучше посоветуйся с метрессой Мастерс. Твоя мать умнейшая женщина. И уж точно плохого не посоветует.

— Бре-ед... — потрянул головой Рон. — Да бред же! Ты меня не знаешь? Что я с женой делать стану? И девочки... Не сумею, говорю же! Даже... Нет, точно бред! К тому же место занято. Там этот фат вокруг увивается. После того, что в борделе случилось, к кому она кинется? А этот недорослик своего не упустит.

— Борделе? — удивлённо приподнял брови альв. — Так и подмывает потребовать подробного рассказа. Но не буду. А здоровая конкуренция ещё никому никогда не вредила.

— Знаешь, что мне хочется сейчас больше всего? — рявкнул Мастерс.

— Знаю, — не стал отпираться управляющий. — Но набитая рожа начальства дурно сказывается на карьере.

На это оборотень не нашёл достойного ответа. Поэтому просто вылетел из кабинета, едва не сорвав дверь с петель.

* * *

Алексу было... неправильно. Не то что бы страшно или некомфортно. Конечно, ни о каком удобстве в лишённом света, загаженном переулке позади публичного дома речи и не шло. Но вроде и видимых поводов нервничать не имелось. Собственно, альв и не нервничал. Просто, наверное, именно про такое состояние и говорят: «Не в своей тарелке». Пожалуй, в душе господина управляющего царствовал стыд. А ещё опасения, что его тут застукают. Всё-таки негоже приличному мужчине по таким заведениям околачиваться. Рядом с чёрной дверью ошиваться не стоит тем более — в два раза двусмысленнее.

Альв переступил с ноги на ногу — лакированные начищенные поистине до зеркального блеска ботинки укоризненно скрипнули. Они явно осуждали хозяина и считали, что им тут не место.

— Давно ли ты стал таким благодетельным, господин Росс? — буркнул себе под нос Алекс.

Вышло смущённо — точь-в-точь институтка, согласившаяся на тайное свидание в городском парке с развратником-первокурсником из кадетского училища. Спрашивается, с чего? Вспомнить хотя бы вечеринки, которые устраивала после партийных собраний Ольга.

Любая местная работница покраснеет от смущения...

В стене, за которой приглушённо тренькал рояль, тянул что-то жалостливо-романтическое слабенький женский голосок, а ещё дальше — самым фоном — сурово погоготывали клиенты, прорезалась щель света.

— Господин сыщик, тут вы? Или вас здесь нету? — зашипели по-гусиному.

— Я здесь, — негромко отозвался Алекс, поборов горячее желание ответить, что его здесь нет.

— Так заходите, чего там стоите? — щель было открылась пошире, но тут же сузилась до волоска. — Ой, забыла совсем! Шпанская мушка!^[5]

— Что? — оторопел Росс.

— Ну, пароль! — зашипели за дверью. — Рони велел сказать пароль. Я и говорю: «Шпанская мушка»! А вы должны...

— Идиот! — прошипел альв.

— Не, иначе! Вы должны мне ответить...

— Даже знать не хочу, что я должен ответить. Послушайте, девушка...

— Да какая ж я девушка? — кокетливо хихикнули за полоской света.

— Ну, хорошо, — от нахлынувшего раздражения у Алекса даже ладони под перчатками вспотели. — Женщина, бабушка, госпожа, метресса, леди, в конце концов!

— Ну, вы загнули... — озадаченно протянули за дверью.

— Вы меня впустите или нет? — шёпотом, но всё-таки рыкнул Росс.

— Да входите! Кто вас не пускает? — обиделась — чтобы долго не думать — особь женского пола с так и неопределённым возрастом и социальным статусом. Но дверь, наконец, открылась на всю ширину. — Только потише, а то мадам вас пускать не велела. И если бы не Рони... Ой!

Алекс оказался проворнее — успел-таки сунуть трость между поспешно захлопнувшейся створкой и косяком.

— Вам сюда никак нельзя, достопочтимый лорд, — испуганно пискнуло за филёнкой. На дверь поднажали, трость скрипнула. — Извиняйте, но пустить никак не могу.

— Да почему, ради всех Семерых?!

— У нас... не прибрано!

Росс скрипнул зубами. Кажется все, ну буквально все кругом в последнее время решили проверить его нервы на прочность. Управляющий рванул треклятую дверь, едва не сняв её с петель. Желтоватый жиденский свет залил убогий переулок, на миг ослепив детектива.

— Ой, мамочка-родименя-обратно, — оттарабанил кто-то невидимый, но успевший довести альва до белого каления. — И вправду лорд...

— Милое дитя, — придушенным шёпотом очень, ну просто крайне вежливо попросил Росс. — Отведите меня к своей подруге. Иначе, видит Седьмой, я разнесу всё ваше благословенное заведение по кирпичику.

Нет, рычать всё-таки не стоило. Но сказанного не воротись. Алекс нервно крутанул шей и одёрнул манжеты.

— Э-э... Извольте следовать туда, вашество.

Фигура, на фоне света выглядящая вырезанным из бумаги силуэтом, изобразила нечто среднее между книксеном и судорогой. Что могло означать загадочное обращение «вашество» Росс уточнять не стал. Он и без того чувствовал себя героем комедии абсурда. Причём постановка явно была низкопробной.

Мастерс предупредил, что девушку сильно избили. Но одно дело это «сильно избили» представлять, даже если и даёшь себе труд пнуть фантазию. И совсем другое воочию лицезреть. Чувствительностью Рона альв не обладал и при виде насилия над женщинами и детьми в буйство не впадал. Но зрелище и его проняло, заставило передёрнуть плечами в ознобе.

Стараясь ступать потише, зашёл в комнату, освещённую только тусклым ночником на прикроватной тумбочке. Подумал и дверь за собой закрывать не стал — пусть несчастная видит, что не заперта с незнакомым мужчиной, незачем ещё больше пугать. Присел на самый краешек кровати, аккуратно взяв её руку.

Нимфа дёрнулась и попыталась открыть глаза. Но под жуткими отёками прорезались только две щёлочки.

— Тихо-тихо, — прошептал Алекс, поглаживая пальцы девушки. — Сейчас всё пройдёт. Будет не так больно, не так страшно. Ты успокоишься... Тихо. Видишь? Уже и проходит.

Действительно, дыхание нимфы стало тише и ровнее, синяки потускнели, а опухлости словно сдулись немного. Хотя, вполне возможно, что это были только шутки тусклого освещения и густых теней, отбрасываемых мебелью.

— Вы кто? — едва слышно прошелестела девушка.

— Мне нужно знать, что с тобой случилось, — негромко ответил альв. Избитая дёрнулась, но Росс её руки не отпустил, продолжая поглаживать. — Это совсем не страшно, поверь мне. Ты же всё будто со стороны наблюдала, правда? А, может, и вовсе просто в кошмаре привиделось. Вот так. Скажи, это был он, Олэан?

Несчастливая чуть заметно кивнула.

— Он... огромный...

— Огромный? — нахмурился Алекс, продолжая наглаживать пальцы, как кошку. — В смысле большой, высокий?

Она снова кивнула.

Нимф, конечно, великаншами сложно назвать, но не настолько они и маленькие, чтобы спутать фата с гигантом. Хотя, страх с паникой и не такое волшебство сотворить могут.

— Ты видела его лицо?

— Нет, — голова с растрёпанными волосами метнулась по подушке. — Шляпа. И шарф.

— Но ты поняла, что это именно он? Как?

— Одежда и... кольцо. Кольцо на большом пальце...

Ну, всё-таки, значит, не такой и огромный, раз одежда фата налезла. Хотя девица вряд ли наперечёт знала содержимое далеко не маленького гардероба своего клиента. Но, вероятно, были какие-то характерные детали. Да ещё и кольцо на большом пальце — это нужно запомнить.

— Что он хотел от тебя? Почему разозлился?

— Спрашивал... где деньги. Драгоценности. Сокровища. Нет, не надо! Я не знаю клянусь! Пожалуйста!

Нимфа заметалась на постели, заскулила тоненько, как щенок. Альв наклонился, обхватил голову обеими ладонями, заставляя смотреть в глаза.

— Тихо, это тебе приснилось, просто кошмар. Ты сейчас заснёшь и всё забудешь. А завтра будет уже не так больно, верно?

Девушка покорно кивнула расслабляясь. Алекс подождал, убедился, что она уснула. Поправил одеяло и только потом вышел.

Картинка выходила всё более и более странной. Фат требовал, чтобы проститутка сказала, где находятся некие деньги и драгоценности? С чего бы такие вопросы задавать? Наверное, он о своих сокровищах осведомлён лучше, чем любовница, пусть даже и постоянная. Или речь о каких-то чужих деньгах? А, может, нимфа просто обокрала Олэана? И не попыталась скрыться? Хотела отвести от себя подозрения?

Так или иначе, а заново её допросить удастся не раньше чем через пару дней. У девушки и так уже ум за разум заходит. Надо дать время оклематься.

* * *

Вой толпы перестал быть просто звуком, превратившись в нечто вполне материальное. Он накатывал волнами, обрушивался с силой камнепада, вымывая из тела вес, оставляя пустоту, эйфорию и опиумную лёгкость. От криков: «Бей, бей, бей!» — кулаки наливались свинцом, а мышцы кровью, силой, которых в них отродясь не водилось. В голове пульсировала чистая, ничем не замутнённая ярость.

Но когда зрители единым монстром взревели: «Убей!» — пропала любая тяжесть. И даже земля больше не держала, будто Яте вмиг стал призраком. Вполне материальным, просто веса не имеющим.

Встать сил вряд ли хватило бы, да он и не собирался. Курой вполне устраивало то, что есть. Когда тег прыгнул на рухнувшего, словно подкошенное дерево, противника, коленями вбив его рёбра в его же лёгкие, всё стало просто великолепно. Этот урод вымахал под два метра и когда он стоял, до кирпичной рожи низкорослому тегу добраться было непросто. Сейчас же ничто не мешало исправлять так небрежно сляпанную Семерыми морду. Яте не поручился бы, что после его трудов громила станет симпатичнее. Но лучше — это точно. Оп-ре-де-лён-но, вашу мать!

Что милее Небесам, как не только что испутившее дух мясо?

— Тег, стой, хватит! — проорали где-то над ухом. А, может, и с другого конца Элизия. — Хватит, твою...

Курой обхватили поперёк груди, поволокли назад. Он отмахнулся, но волшебство продолжало действовать, развивалось. Лёгкость испарилась эфиром, а вот свинец остался, разлившись по всему телу. И силы не больше, чем у младенца. Врезать бы озабоченной лысой харе, маячившей перед глазами. Но даже и отпихнуть её уже подвиг.

— Тег, ты как, в норме?

Вопль: «Убей, убей, убей!» — всё ещё грохотал в голове, даже становился громче. Только звуки сливались друг с другом, превращаясь в монолитный гул.

— Тег?

— В норме, — выхаркнул Яте вместе с кровью.

Хотя, может, он ничего и не сказал. Вот сгустки выплюнул — это точно. Интересно, это сейчас желудок кровью наливается, будто в нём маленький краник открыли, лёгкие или просто губы в очередной раз по клямкам размазали? Состояние диагностике не поддавалось. У свинца ничего не болит. Ну и хрен с ним.

Курой мотнул головой, пытаюсь стряхнуть с глаз красноватую муть. Ничего путного у него не получилось — пелена оставалась на месте. Да ещё и по носу текло — или кровь, или пот. А, скорее всего, и то, и другое вместе. Зато он сел, да не на пол, а на низенькую

табуреточку, что уже неплохо. Вопрос, когда он это успел?

— Как он? — Яте кивнул, смутно надеясь, что в сторону ринга.

— Трупы не потеют, — хохотнул кто-то.

Кому в рот смешинка попала, Курой определять даже и не пытался. У него дела поважнее имелись. Например, нужно сообразить, как поднять руку, чтобы хоть зубами снять с костяшек бинты. Где эти самые костяшки находятся, тег понятия не имел. Но они чесались.

— Смешно, — оценил с запозданием.

Кажется, совсем недавно он слышал нечто подобное.

— Эй, Тег, тебе помощь не нужна?

— Да пошёл ты, — вяло отозвался Яте.

— Так не я и предлагаю, — снова гоготнул весельчак, — глянь, какая цыпочка.

В данный момент все цыпочки мира интересовали тега меньше всего на свете. Но зачем-то поднял голову. Правда, усилия того не стоили. Через кровавую муть он всё равно видел только размытые силуэты.

— Сейчас, у вас лоб рассечён, — мурлыкнул ангел.

Нет, ну понятно, что никаких ангелов в природе не существует. А даже если байки про них и правдивы, то вряд ли они будут мурлыкать. Но этот, конкретный, не иначе как по воле Семерых материализовавшийся в воняющем гнилой капустой сарае, издавал именно такие звуки. И кто его в этом упрекнёт? Особенно после того, как влажная ткань прошлась по лбу и глазам, стирая муть и разлепляя склеившиеся ресницы.

— Скажи ещё что-нибудь, — потребовал Курой.

— Вашу ж мать!.. — с шипением выдало виденье.

Тег рассчитывал услышать нечто иное. Правда, проморгавшись, Яте и сам нестерпимо захотел выдать что-нибудь эдакое — позабористей. Конечно, девушка предусмотрительно и широкую накидку с капюшоном надела, и полумаску нацепила. Только вот зеленоватую-то кожу никуда не спрячешь. Всё-таки дриады по Элизию табунами не бегали. Или чем там они бегают? Стайками? Да хоть гусиными клиньями!

— Ты что здесь делаешь? — рыкнул Курой.

— Примерно то же, что и ты, — улыбнулось дивное виденье, демонстрируя мелкие ровные зубки.

— Прости? — кажется, голове Яте досталось гораздо сильнее, чем он предполагал.

— Нет, — звякнул хрустальными-серебряными-бриллиантовыми колокольцами тихий смех. — Я тут в качестве зрителя.

— А разве приличные девочки должны на такое смотреть?

Самое поганое, что Курой не иронизировал и не пытался пошло заигрывать. Эти «приличные девочки» вылетели сами. И тег имел в виду именно то, что сказал: приличные, благовоспитанные, трепетные, любящие своих пап девочки.

Яте очень захотелось долбануться затылком о стенку. От этого, несомненно, опрометчивого поступка его спасло только одно: как бы потом чего похлеще не ляпнуть.

— Может, и не должны, — дриада протянула руку, погладив Курой по скуле, — но им это очень нравится.

Девушка убрала ладонь и... слизнула с пальцев кровь тега. При этом мило-застенчиво улыбаясь.

— Так, — прохрипел медик, облакачиваясь о колени и утыкаясь лбом в собственные

кулаки.

Собственно, больше сказать ему и нечего было. А что положено говорить, когда твоё сумасшествие достигает апогея и начинаются галлюцинации? Маму звать?

— Эй, Тег, твой гонорар. Даже больше вышло, чем мы рассчитывали.

Увесистая пачка мятых купюр шлёпнулась рядом с медиком дохлой жабой, а сверху приземлился, сыто звякнув, мешочек с монетами. В принципе, это нисколько не доказывало реальность происходящего. А вот запах дварфийской сигары мог и послужить подтверждением материальности мира. Вряд ли даже самый глубокий бред способен вонять так гадостно.

Яте глянул из-под чёлки — дриада никуда не делась, смотрела сквозь прорези маски загадочно.

— Это кто? — негромко спросил тег у распорядителя.

Пузан глянул через плечо, пыхнул, как раскопчегаренный паровоз и, не без труда перевалившись через собственный живот, наклонился к Курой.

— Занятная дамочка, — сладко зашептал дварф. — Горячая штучка, скажу тебе. Постоянно тут отирается. И всегда ставит на победителя. Словно нюхом чует. Я уж к ней и так, и эдак, но...

— Ясно, свободен!

— Слышь, парень, говорю...

— Это у меня проблемы с дикцией? — поинтересовался Яте, не без труда выпрямляясь. — Или у тебя со слухом?

— Всё-всё, никаких проблем, — выставил перед собой пухлые ладошки распорядитель, — доброго дяди уже нет.

— Я тоже свободна? — спросила дивное виденье, проводив взглядом поспешно удаляющегося дварфа. — Или ты всё-таки позволишь помочь?

Курой подумал. Крепко подумал. Но решил, что уточнения о типах и видах помощи, а также о глубине милосердия, в данный момент будут неуместны. Поэтому просто кивнул. Пусть уж она сама разбирается, на что тег согласен.

Есть два способа переспорить женщину: заплакать первым или притвориться мёртвым.

С утра в агентстве было скучно, грустно и некуда себя приткнуть. Господин Росс рассеянно поздоровался с Каро, даже головы от своих вечных бумаг поднять не удосужившись. А Яте с Роном отсутствовали. Мастерс наверняка всё ещё выпасал обидчика сырых и убогих, а медик... Да только Седьмой знал, где тега шлялся. Собственно, не слишком сильно это теурга и интересовало.

Своих проблем хватало. Например, очень хотелось к альву с вопросами пристать. Ну и не хотелось этого столь же сильно. «Ой, а вы знаете, кто я такая?!» — звучит чересчур мелодраматично и до убогого глупо. «Конечно, милая, ты дочь императора и его третьей — любимой, между прочим — жены, которую в младенчестве выкрали орки и подбросили нищенке! И твоё родимое пятно — это тагуировка, показывающая путь к династическим сокровищам!» — угу, именно на такой ответ стоит рассчитывать. Ну а потом нужно немножечко пострадать, обдумывая, как со Страшной Тайной жить дальше. И, естественно, дожидаться прибытия Героя, чтобы вместе с ним отыскать какой-нибудь Сапфир Богини и уйти, держась за руки, в закат.

«Госпожа Каро, я понятия не имею, о чём вы говорите» — вот что, скорее всего, она услышит в реальности. А дальше? Да ничего.

Кстати, о Героях. С фатом теург так вчера и не увиделась. Из библиотеки сразу домой поехала, где и просидела весь вечер перед печкой. Интересно, попытается Алоа встретиться с ней ещё раз или решит, будто и без того слишком много чести оказал? А увидеть его хотелось. И не хотелось тоже.

Курой глянула на свои ладони — на кожу словно сантиметровой слой пыли налип. Но оказалось: грязь тут не при чём. Под горестные размышления тега почти целиком успела ошкурить ствол тихо загибающейся в углу пальмы. Бедное растение! И роняли его, и сверху падали, кипятком поливали, чаем удобряли, а теперь и ободрали. А оно всё равно пытается выжить...

Каро раздражённо отряхнула руки, вытерла их о юбку. Надо бы и работой какой-нибудь заняться. Ну, хотя бы, разобрать всё-таки шкаф с папками. Или...

Дверь в приёмную распахнулась, шарахнувшись о стену — в кабинете управляющего аж оконное стекло испуганно звякнуло. И на пороге появился... Нет, совсем не абордажная команда, как теургу с испугу примерещилось. Всего лишь скромный эксперт-криминалист агентства «След». Зато в каком виде! Без котелка. Волосы всклокочены — длинная чёлка едва не дыбом стоит. Пальто и пиджак распахнуты, узел галстука где-то под ухом. А левая штанина и вовсе в носок заправлена, точнее, за подвязки. Кстати, оказывается господин Яте, не смотря на скромность своих костюмов, предпочитал шёлковые носки и батистовое бельё^[6].

Без такого знания Каро могла бы обойтись.

Заметив-таки теурга, Курой притормозил и откашлялся.

— Кажется, я опоздал...

Тега глянула на часы, висящие между типографскими картинками на стене.

— Да практически нет, — пожалала плечами Каро, — всего полдвенадцатого.

— Н-да, хорошо... — не слишком внятно пробормотал криминалист, стягивая с себя пальто — вывернув при этом рукав на изнанку — и вешая его мимо крючка. — Я был... эм... занят. У меня были... кхм!.. дела.

— Понимаю, — кивнула Курой, ничего не понимая.

Девушка и сама бы не взялась сказать, что её поразило больше: опоздание эксперта на полтора часа, который в конторе, кажется, жил. Его внешний вид или то, что Яте взялся оправдываться.

— У нас всё нормально? — светским тоном поинтересовался медик, попытавшись ладонью привести причёску в порядок.

В смысле, прочесал пятернёй волосы ото лба к затылку. От чего чёлка встала по стойке «смирно!»).

— Смотря, что ты относишь к категории нормального, — негромко заметил альв, бесшумно материализовавшись в дверном проёме. — Цунами с утра, вроде не случилось. Об урагане тоже не сообщали. А ты ничего странного не заметил?

— Нет, определённо, всё в полном порядке, — отчеканил тег.

Конечно, это если не считать рассечённого лба, вздувшейся подушкой скулы и разбитых в мясо костяшек эксперта. Впрочем, в ссадинах и синяках как раз ничего ни нового, ни странного не было. Они и раньше таинственным образом появлялись на физиономии тега, а в последние несколько месяцев и вовсе проходить не успевали, обновлялись практически мгновенно. Каро уже и внимание перестала обращать.

— Да, всё как обычно, — подытожил Яте, оттянув пальцем накрахмаленный воротничок рубашки, словно он криминалиста душил.

— Погоди, — Каро шагнула вперёд и даже руку протянула. Правда, во время очнулась и тега трогать всё-таки не стала. — Это что у тебя? Вон там, на шее, сбоку. Укус, что ли?

— Где? — равнодушно поинтересовался Курой, натягивая воротничок едва не до ушей. — Нет, тебе показалось. Просто синяк.

— Да что я, синяка от укуса не отличу? — возмутилась теург. — И вон ещё сзади, тоже на шее царапины.

— Ничего там нет.

— Да ты в зеркало посмотри!

— Там ничего нет! — злобно прошипел Яте, наконец, становясь самим собой. — Это ясно или по буквам повторить?

— Я, конечно, не склонен вмешиваться в личные дела своих сотрудников, но...

— Вот и дальше не вмешивайтесь, учитель!

Всё-таки хлопающие двери определённо негативно действуют на нервы. А уж если они — нервы — и без того расшатаны, то дуэтом долбанувшие створки заставят взвизгнуть даже существо выдержанное. Что уж говорить про теурга, которая и без того взвинчена без меры? Вот когда лабораторная филёнка бабахнула в унисон со входной дверью, в очередной раз врезавшейся в стену, Каро и вскрикнула, и подпрыгнула. И даже, кажется, рот ладонью зажала. Впрочем, виной тому мог стать и не испуг, а накатившее чувство дежавю.

Определённо, Рона с окровавленной девушкой на руках, тега уже где-то видела. Ну, может, оборотень и не на руках тогда несчастную держал. Но вот выражение лица у него было точь-в-точь такое же.

— Яте! — рывкнул Мастерс.

— Ты зачем её сюда принёс? — абсолютно спокойно, словно опять погодой интересовался, спросил Росс.

— А куда я её должен деть?! — рыкнул сыщик, аккуратно, будто она из хрустала сделана, укладывая свою ношу на пыльный секретарский стол, — В муниципальный госпиталь для бедных вести? Яте, Седьмой тебя задери, где ты?

— У них есть семейный врач.

— Это её отец постарался!

— Откуда ты знаешь?

— Она сама сказала. Яте!

— Да здесь я, не вопи. Лучше...

Что там лучше, Каро уже и не слышала. Какое лучше, если с каждым часом становилось всё только хуже? Даже и не с часом, а с минутой. Девушка на столе застонала, и волей-неволей пришлось на неё посмотреть.

Определённо, в последнее время количество избитых на душу населения в Элизии зашкаливало. Может, эпидемия какая началась? Только у кого же в здравом уме поднимется рука на такое вот: розовое, в рюшечках, с тонкими запястьями и золотыми — там, где не слиплись от крови в сосульки — локонами? Просто...

Хорошо, что стул подвернулся как нельзя вовремя. А то тега и на пол бы села. Не до удобств, когда в стонущей отбивной узнаёшь собственную заказчицу.

* * *

— ... нигде он не появлялся. Какие варианты? Продолжил за домом следить. Мне только сегодня утром в голову втемяшилось: у них вообще из квартиры третьи сутки никто не выходит! Ни горничные, ни служанки — ну, никто. Я к консьержу. Говорит, действительно вроде не появляются. А у них вся прислуга приходящая.

Рон и сам не замечал, что нервно трёт ладонями колени, словно руки у него зудели. А, может, и замечал. Потому что время от времени оборотень бросал увлекательное занятие и принимался кулаки сжимать-разжимать. И снова тереть. Каро это раздражало.

Хотя, может, навязчивые жесты тут и ни при чём были. А бесилась теург из-за тона сыщика — растерянного и беспомощно-злого — нехорошего. Фее Курой тоже сочувствовала, да ещё как. Но Мастерс мог бы поменьше убиваться и себя казнить.

— Ну, поднялся. Долго слушал — за дверью тишина. А потом показалось, будто застонал кто-то. Что делать? Полицию вызывать? Так меня бы первого за преследование загребли. Госпожа Олэан же несовершеннолетняя, а её опекун нам разрешения на слежку не давал. Я замок и вскрыл тихонечко.

И вот зачем, скажите на милость? Вечно его тянет геройствовать. А если бы оборотня за таким благим делом застал кто? Тогда бы уже не за преследование — за взлом загребли. Вытаскивай его потом из застенков...

Курой отвернулась к заляпанному грязью окну кэба — только б на сыщика не смотреть. Уж слишком сильно ей хотелось вслух высказать всё, что она думает о его благородных поступках. Но, во-первых, при Россе устраивать склоку — не самое разумное решение. Действительно выгнать может. А, во-вторых, действовал-то Рон вроде как из благих побуждений. Перечить, значит, признаваться в недостатке сочувствия. Некрасиво это. И не

подобаёт. Хватит уже, нужно вспомнить, что она — теург и воспитанная девушка. А то и вправду в последнее время ведёт себя, как хабалка. Видел бы Алоа её драку с феечкой. Вряд ли тогда ему на ум пришло сравнение с цветком. Нет уж, увольте, разумнее придержать мнение при себе.

— ... она прямо в холе и лежала. Там весь пол кровищей заляпан, брызги... Я поднимать, а она отбиваться начала. Потом, видать узнала и говорит, мол: «Папа это. За то, что к вам за помощью обратилась!».

— Как ты её вынес? — поинтересовался Алекс.

Альв, пока оборотень рассказывал, чертил узоры тростью на полу кэба. Тоже, что ли, на сыщика смотреть не хотел, не одобрял? Но голос у него ровный был, без раздражения.

— Да так и вынес, на руках. Денег консьержу сунул. Тот пообещал слепым и глухим прикинуться. Хотя, может, полицию уже и вызвал.

— Ну, это вряд ли, — отозвался альв. — У них жильцы приличные. Скандалы, даже у соседей, не к чему. А мы приехали.

— Ал, а можно... — почти жалобно протянул Мастерс.

— Нельзя, — отчеканил Росс, не дав даже договорить. — В агентство Олэан вряд ли вламываться станет, а за клиенткой Яте присмотрит. Ты же слышал, что он сказал: ничего страшного. Завтра уже на ноги встанет, а через неделю и синяков не останется.

— Ну что мы там искать будем? Уже всю квартиру перерыли!

Каро не выдержала-таки — фыркнула. Рон на неё глянул косо, злобно. Ишь как испереживался!

— Может, что-то упустили, — спокойно ответил альв. — А, может, с прошлого раза что-то пропало. Всё равно более удачных идей нет. Выходим.

С последнего посещения сыщиками дом, в котором проживало семейство фей, нисколько не изменился. Тот же скверик, те же благополучные детишки с няньками. Только надменный консьерж на этот раз не встречал. Наверное, отлучился с поста. Или — что вероятнее — при виде посетителей предпочёл смыться. Вот и мальчишка лифтёр поглядывал на них странно, с опаской.

Второй раз вскрывать квартиру не пришлось — Рон дверь и не запирает, спешил, бедолага. А холл и впрямь выглядел... не слишком прилично. И кровью тут пахло, как на скотобойне — приторно, вьедливо. Каро сочла за благо платок достать и дышать через него. Всё-таки с этим запахом ничто не сравнится, даже вонь кожаных чанов и ассенизаторских отстойников.

— Госпожа Каро, вы не могли бы ещё раз осмотреть рабочий кабинет хозяина? — попросил Росс.

— С удовольствием, — согласилась Курой.

Нет, что не говори, а управляющий в «Следе» — золото. Только сотрудников подбирать не умеет.

Как ни странно, но дверь в логово фата тоже оказалась незапертой — даже Росса на подмогу звать не пришлось. И на первый взгляд внутри всё осталось в том же порядке: ровные ряды гроссбухов на полках, пачка писчей бумаги на столе. Тонкий слой пыли нетронут, будто сюда никто несколько дней не заходил. Теург провела пальцем по столешнице, стряхнула с перчатки грязь. Подвинула рамку с дагерротипным портретом — нет, тут точно никто как минимум дня три не убирался.

Тега ещё раз глянула на рамку. Вроде бы, что странного: ну, держит отец в кабинете

портреты дочерей. Точнее, одно изображение, на котором умершие и живая девушки вместе засняты. Может, он не слишком сентиментален? Хотя, само присутствие дагерротипа свидетельствует об обратном. А ведь больше нигде в квартире нет ни изображения феечек, ни их матери.

Курой взяла рамку, проведя ладонью над стеклом. Нет, ни следа магии. И изображение вполне обычное: три девушки в строгих платьях пансионатских воспитанниц на фоне какого-то здания. Того самого пансионата, наверное. Сёстры почти неотличимы друг от друга, как горошины в стручке. Почти, да не совсем. У той, что слева стоит — старшей, наверное, — выражение лица, как у хронически испуганного кролика. А вот у младшей дебиловатое, даже рот приоткрыт. Видимо, с тех времён она поумнела. Хотя и не сильно. Самая симпатичная средняя и взгляд хороший, уверенный. Тега перевернула портрет. Так и есть: «Эния, Эрия и Элия Олэан» — и дата. Снято было три года назад.

Интересно, чего так боялась старшая? Конечно, улика так себе.

— Госпожа Каро, вы что-нибудь обнаружили?

Кроме понимания, что привычка начальства бесшумно возникать за спиной подчинённых невероятно нервирует?

— Нет, господин Росс, — ответила тега, ставя портрет на место. — Мне ещё в прошлый раз показался странным один момент, но я не знаю, насколько он важен. Зачем хранить рабочие документы у себя дома? — Каро кивнула на полки с гроссбухами. — Там закладные, векселя и прочая бухгалтерия — я не очень разбираюсь. Просто, наверное, логичнее оставлять их в лавке?

— Вероятно, потому что наш подозреваемый вёл двойную, а то и тройную бухгалтерию, — пожал плечами альв. — А почему вы не сказали об этом после прошлого осмотра?

— Забыла, — промямлила тега.

И заработала от Алекса очень, ну просто очень выразительный взгляд.

* * *

Алекс отбыл в родную контору, прихватив с собой все гроссбухи папаши Олэан. И видимо не слишком заботясь о законности такого действия. Указывать же управляющему на вопиющие нарушения уголовного законодательства Каро не решилась. Он начальник — ему виднее. А то ещё какие проступки вспомнит, с него станется.

Курой же с Мастерсом пока в квартире остались. Оборотень всё пытался найти какие-то несуществующие следы. Ну а теург так, за компанию. И по приказу Росса. Опять же: он начальство, которому виднее. Правда, бесцельно бродить по жилищу — дело не самое весёлое. Особенно по такому, где весь холл кровью залит, а две комнаты словно эпитафия по покойницам. Да и вообще, жильё склеп напоминало.

Поэтому теург решила ещё разок заглянуть на кухню да в кладовые. Там хоть какие-то намёки на жизнь присутствовали. Вот, например, веник, посередь коридорчика брошенный — всё как у нормальных. Каро наклонилась, поднимая метлу... И не увидела, как дверь открывается — почувствовала на щеке и руках сквозняк. Там уж и голову подняла. Но только для того, чтобы убедиться: вошедший через чёрный ход, очень ловко замаскированный под шкаф с посудой, огромен, тёмн и очень опасен. Нет, страшных рож он не корчил и тесака у

него в руках не было. Пока. Но всё равно жутью веяло.

Теург — то ли от неожиданности, то ли от банального страха — швырнула в фигуру веником. Да сама на ногах не удержалась, потеряла равновесие, плюхаясь на задницу. Ну и завизжала, конечно. Точнее, взвыла баньши.

Вошедший, наверное, и сам очень удивился — попятился даже, явно намереваясь смяться. Может, его веник, из-за стола прилетевший, так напугал. А, может, вопль впечатлил, но тесака он так и не достал, зато странно шкаф повернул. Видимо, закрывалась дверь так. Тут Каро наддала. Даже, кажется, пятками по полу засучила.

Впрочем, старалась тега зря, Мастерс, дико озирающийся по сторонам, уже стоял посередь кухни. Осматривался он недолго — такого громилу, даже одетого во всё тёмное, даже на фоне черноты лестницы, пропустить сложно. Правда вот чего Курой так и не заметила: влетел ли Рон уже с револьвером в руках, или потом выхватил.

— Стоять, ладони на стену! — рявкнул Мастерс — у Каро аж в ушах закололо.

Теги всегда было интересно: хоть когда-нибудь, хоть один злоумышленник делал то, что ему велели? Судя по её не слишком богатому опыту, все эти крики: «Стоять!» — лишь прибавляли преступникам прыти. Но как ни странно, этот громила не только остановился, но даже и выглянул из-за почти ставшего на место шкафа.

— Заяц? — удивлённо протянул тёмный.

Теургу, сумевшей-таки сгрести под себя ноги и даже почти принявшей вертикальное положение, наконец, удалось рассмотреть вломившегося. Парень и вправду был огромным — не примерещилось с перепугу. Даже, пожалуй, повыше Мастерса, может, только в плечах поуже. Явно оборотень, но ипостась, конечно, не разобрать. И, наверное, когда-то его вполне симпатичным считали. Правда, теперь ожог во всю левую щёку мордашку портил. Так что, на любителя.

Да и обалдевшее выражение ему красоты не добавляло. Впрочем, Мастерс выглядел не лучше: пучил глаза, будто приведение увидел.

— Призрак? — проблеял Рон, опуская револьвер.

А, заодно, и подтверждая догадку Каро о заблудившихся душах.

— Ты как тут...

— Ты откуда здесь...

Выпалили они дуэтом и снова замолчали, таращась друг на друга.

— Это всё замечательно, — теургу неловко было нарушать момент, но третьей лишней себя чувствовать ещё некомфортнее. — Но мне, может, кто-нибудь объяснит, что тут...

Она и договорить не успела, как тот, что со шрамом, отмер и проворно закрыл за собой дверь-шкаф — только каблуки по лестнице за стеной застучали дробью. Мастерс выругался, сунул револьвер почему-то за брючный ремень и чуть ли не распластался по стеллажу, по-настоящему обнюхивая щели. Выглядело это жутковато.

— Не суйся! — рявкнул оборотень на Каро, хотя она никуда и не совалась.

Но тега в ответ даже пискнуть побоялась. Кажется, Мастерсу в первый раз удалось её напугать только одним своим видом.

С дверью сыщик справился быстро: что-то нажал, крутанул — шкаф не то чтобы отъехал в сторону, но будто отлип от стены. Мастерс поднажал, открывая провал на лестницу.

— Оставайся здесь! — рыкнул Рон, снова хватая свой револьвер.

Ну и, конечно, ломанулся вниз. Каро долго думать не стала, да и медлить тоже. Всё

равно ногастый оборотень фору ей даст и даже не запыхается. Поэтому тега просто подхватила юбки, с чувством прокляв женскую моду, и побежала следом.

Правда, с бегом пришлось притормозить. Лестница — старая и, между прочим, жутко скрипучая — освещалась через дверной проём, ведущий на кухню. Да и оттуда пробивался лишь жиденький дневной свет. И, конечно, когда тега в переулок вывалилась, громилы и след простыл. В узкой щели, с двух сторон зажатой домами, только Рон матерился — нудно и без фантазии. Оно и понятно. Обоими концами проулок опирался в улицы — даже отсюда были видны экипажи и толпы народа на тротуарах. Наверняка Мастерс успел сбегать, проверить. Но и без проверки ясно: днём в самом центре Элизия, да на торговых улицах и тролль затеряется.

— Это кто был? — поинтересовалась Каро, покачивая дверь.

— Призрак, — буркнул Рон, убирая, наконец, свою пушку.

— Информативно, — оценила теург. — А это звание, имя или фамилия?

— Прозвище, — огрызнулся Мастерс, сплёвывая на брусчатку. Кстати, тщательно очищенную от снега. Видимо, дворники не забывали и тут убирать. — Кликуха.

— Кли-ку-ха... — протянула Курой. — А ты, значит, Заяц? Как много имён. Одно лучше другого.

— Знаешь, что?.. — выверился сыщик, явно собираясь спустить на напарницу всех собак.

— Не знаю, — покачала головой тега. — Вот ты мне и скажи. Откуда у вас такие... кликухи я догадываюсь. А вот что тут делал этот твой Призрак?

— Понятия не имею! — вдруг заорал Мастерс, бешено пнув невесть откуда залетевший обрывок обёрточной бумаги. — Не знаю, мать вашу, что он тут делал! Младший сержант Реввис погиб при исполнении служебных обязанностей семнадцать лет назад. И я, вашу мать, видел это собственными глазами!

— Младший сержант Реввис — это, надо понимать, и есть Призрак? — уточнила Курой.

И чуть не шарахнулась. Рон на неё так глянул, что теургу примерещилось — сейчас действительно ударит. Но оборотень махать руками не стал. Ещё разок сплюнул, и, широко шагая, будто гвозди вбивал, скрылся на лестнице, едва плечом девушку не пихнув.

Каро снова покачала рукой дверь, словно петли проверяла — они, в отличие от ступенек, не скрипели совсем. Глянула зачем-то направо, потом налево. Но ничего нового не увидела. Даже бумажный обрывок успел улететь куда-то. И следов, конечно, никаких.

— Не похож твой приятель на маленькое дружелюбное приведение, — буркнула тега себе под нос.

И аккуратно закрыла за собой дверь, задвинула щеколду. Кроме замка, ключом запирающегося, тут и запор имелся. Но только с внутренней стороны.

* * *

Иногда что-то просто случается. Ну, вот так: взяло — и произошло, звёзды сошлись, пятница на тринадцатое число выпала, а чёрная ворона с белым пером в левом крыле пролетела-таки над елью, под которой спал седой ёжик. И уж коли это «что-то» случилось, от живых и их желаний-нежеланий ничего не зависит.

Конечно, Каро было любопытно увидеть «берлогу» Рона. Но ехать туда она не

собиралась. А если и собиралась, то уж точно не в сопровождении малоадекватного Мастерса. Или, по крайней мере, не полупьяного — с адекватностью-то у него всегда проблемы наблюдались. Ну и уж точно не с ею же самой выгащенным из кабака оборотнем. И нет, ещё одну литровую бутылку виноградной водки тега покупать не собиралась. Да ей бы в дурном сне не приснилось просить кебмена помочь дотащить безвольно повисшего оборотня до обшарпанной двери в грязном подъезде. И да, женщина, волочащая практически бессознательного приятеля, а, заодно, ту самую пресловутую бутылку, у теурга не вызвала бы ничего, кроме презрительной улыбки.

Вот только сейчас теурга улыбаться не тянуло совершенно.

— Куда его, дамочка? — пропыхтел усатый кебмен.

Курой растерянно огляделась. Действительно, куда сгрузить бессознательное тело, если из всей мебели в квартире только стол да два табурета? Не считая двух куч одежды — одной маленькой и невнятной, другой размером с гору.

— Ну, давайте сюда, что ли, — тега показала на обшарпанный стол. — Да вы его посадите, а там я сама...

Усадить оборотня, пусть и слабо, но всё-таки сопротивляющегося, оказалось делом непростым. Но вдвоём кое-как справились. Каро рассыпалась перед кебменом в благодарностях, сунув ему впопыхах целый серебряный эльзар. Наверное, именно поэтому мужик от комментариев решил воздержаться, ушёл, посмеиваясь в усы.

Заперев дверь и утерев трудовой пот, Курой ещё раз обошла квартиру. И ничего нового, кроме туалета, совмещённого с ванной, больше смахивающей на таз для стирки, не обнаружила. Стол, табуреты, кривенький посудный ящик из которого на тегу злобно глянул паук, и две кучи одежды. При ближайшем рассмотрении горка поменьше, была чистой. Побольше, соответственно, грязной. Ну а постель оборотню заменял матрас, прямо на пол и брошенный. Правда, хороший матрас, качественный и дорогой — на каркасе. Но бельё на нём тоже стоило бы поменять. Полгода назад.

— Ты что тут делаешь?

Рон смог-таки собраться и осознать себя в пространстве. Правда, для этого ему пришлось голову обеими руками придерживать, но взгляд сумел сфокусировать.

— Живу я здесь, — буркнула Каро.

— Давно?! — кажется, Мастерс испугался — откинулся назад, едва не свалившись с табурета.

— Тебя одного оставить можно? — вместо ответа огрызнулась тега. — Больше никому лица бить не станешь?

— А кому я уже набил?

Оборотень, осознав, что пассаж про «живу» оказался очередным проявлением странноватого тегского юмора, моментально успокоился и заинтересовался бутылкой.

— Никому. Не успел. Я тебя увела.

— Ты за мной следишь, что ли? — подозрительно прищурился Мастерс.

Хотя вполне возможно, что шурился он не от избытка подозрительности — просто с фокусировкой всё-таки проблемы были.

— Да ты и не скрывался, — пожалала плечами Курой, — что за тобой следить? Вылетел, как ошаренный. И прямой наводкой помчался в ближайший кабак погрязнее.

— И ты за мной пошла?

Тева опять неопределённо пожалала плечами. Ну, пошла. Между прочим, за напарника

беспокоилась. Но потом-то честно уехать хотела. Три раза кеб ловила. И три раза возвращалась обратно. Правда, зайти в забегаловку решила только когда внутри грохотать начало. Вот как чувствовала — найдёт оборотень приключений себе под хвост. И водку эту дрянную купила, что б он, если душа так просит, тихонечко дома нализался, не лез больше никуда.

— Выпьешь?

— Да нет, спасибо, — покачала головой теург.

— А я с твоего позволения...

— Да ты и без моего позволения.

Мастерс с ней даже спорить не стал. Выудил откуда-то грязноватый стакан, набулькал половину и выдул, только крикнув и шеей крутанув. Не с первого раза, но всё же выудил мятую папиросную пачку, закурил глубокомысленно.

— Рон, может, скажешь, что с тобой происходит, а? — решила-таки Каро.

Даже на грязную табуретку села, руки на коленях сложила, всем своим видом пытаюсь выразить участие и готовность слушать.

— А что со мной? — ухмыльнулся Мастерс. — Со мной всё просто отлично. В смысле, в норме. Слышала когда-нибудь про солдатский синдром? Ну, что у тех, кто воевал, крыша едет? Во-от, еде-ет.

Сыщик развёл руками.

— И с чего она у тебя... поехала?

— Да с тебя, — брякнул Мастерс, щурясь теперь на дым.

— Ну, конечно, я во всём виновата. Кто бы сомневался, — вздохнула Каро. — Ладно, ты тут напивайся, а я пойду. А то ещё посередь Элизия вулкан рванёт. Тоже окажется, что по моей милости.

— Ну, естественно, — пьяно обиделся Рон, булькая бутылкой. — На кой тебе такое счастье, да? Бабник, истерик, да ещё и пьяница.

— Мы с тобой завтра поговорим, ладно? — ласково попросила Курой.

— Да нет, ты права, — у оборотня внезапно прорезался выборочный слух. — Я такой и другим быть не собираюсь. Ну это всё к Седьмому! Так вот встретишь кого-нибудь, душой прикипишь. Женишься там, хозяйство, дом. Детей нарожаешь. А потом придёт кто-нибудь... правильный — и привет! Дом на угли, детей в окошко, тебя ножичком по горлу. И жену... ну, тоже ножичком. Только потом.

— Ну да, точно, — фыркнула Курой. — Как раз такого и бояться. Уж ты не защитишь!

— А от меня защитили?

Оборотень совсем один глаз закрыл, прищурившись. И физиономия у него стала неприятная. Не то, чтобы угрожающая, но какая-то такая, что Курой моментально вспомнила, чем прославилось подразделение Росса. И за что сам альв медали получал. Наверняка ведь за душой милого парня Мастерса и дома сожжённые есть, и плотки вскрытые, и женщины... Ну, тоже мёртвые. Потом. А детей в окошко?

— Да что ты чушь городишь? — упрямо мотнула головой тега. — Тебя же вон, корёжит всего, и там, в борделе, и с этой феечкой. И не забыл, я знаю, как ты к приютским мальчишкам бегаешь, опекаешь их? Ну и чего сейчас пугалки рассказывать взялся?

— А есть две крайности, детка, — ухмыльнулся Рон. — Или становится так всё равно, что уже разницы между мусором, собакой и каким-нибудь тегом не видишь. Или каяться начинаешь, искупать. Я, видишь, из раскаявшихся. Только что это меняет? Да ни-че-го! Так

что, держись-ка ты от меня подальше. Найдёшь ещё себе...

— Мужа богатого, детишек с ним нарожаешь! — огрызнулась Каро. — Да ты просто трус, Мастерс. Вот уж не ожидала!

— Интересный вывод, — хмыкнул оборотень, вливая в глотку новую порцию пойла. — Но пусть будет так. Меня всё устраивает.

— Ну а меня тем более! Встретимся в конторе. Только учти, что от господина Алекса я тебя прикрывать не собираюсь.

Курой очень понадеялась, что удар дверью, едва не сорвавший створку с петель, оборотень расценит как доказательство решительности намерений теурга. А не как подтверждение обиды брошенной дамочки.

Деньги никого не делают счастливым. Но они очень стараются.

Погода не подкачала. словно сама природа с Курой полностью солидарна была. С утра зарядил снег с дождём. И непонятно, чего в сыплющей с неба каше больше: воды или льда. Небо набрякло тяжёлыми ватными тучами. Под ногами — болото хлюпающее. И как не прыгала, как не выбирала тега местечко по суше, а ботинки всё равно промокли насквозь и подол тоже, став раза в два тяжелее.

Но когда и на душе, и на улице одинаковая хмарь, становится даже и легче.

Всё ведь наперекосяк идёт, всё неладно. Как будто ей мало проблем с Мастерсом, так ещё и фат в покое не оставляет. Точнее, как раз оставляет, но это только сильнее раздражает. Что ему стоило не быть таким уж понимающим? Развернулся бы да ушёл. Так нет же, вчера вечером дождался тегу у её дома. И на невнятное лепетание, что, мол: сейчас всё сложно, проблемы накопились и работы много, только поинтересовался, чем помочь в силах. Да не с облегчением это сказал, а будто бы сожалел. Но смиренно принимая её решение сделать перерыв в свиданиях. Вроде того, что готов ждать, когда обратно позовут.

Насколько всё-таки проще жить, когда окружающие понимают твоё желание расскандалиться всласть и решить хоть одну проблему! Вот даже Мастерс не дуется и не злится. Медиком быть не нужно, чтобы понять: плохо ему и тошно. Голова, наверное, раскалывается. Оборотень её даже руками придерживал, будто боялся, что она укатится. И всё равно поздоровался вежливо. Хоть и отстранённо, как с чужой.

Это тоже настроения не улучшало. А уж слабенькое чириканье феечки за стенкой — в ятевой лаборатории — густо сдобренное страдальческими стонами, и вовсе понижало стремление жить до горячего желания повеситься. Ну, или придушить кого.

Да нет, жалко её, очень жалко! Но раздражает.

— Госпожа Каро, вы записали? — поинтересовался Росс.

Ну, вот что такое, а?

— Простите, господин Алекс, я задумалась, — покачалась теург.

А что остаётся, если чистый лист без единой строчки и от стола видно прекрасно, как его не прячь.

— Просто эпидемия какая-то, — посетовал альв, откидываясь на спинку кресла. Иди речь не об управляющем «Следом», а о другом существе, то Каро бы сказала: посетовал он раздражённо. А с ним и не поймёшь, что с тоном не так. — В последнее время все исключительно задумчивы. И что-то мне подсказывает: не по делу.

— Простите, — пролепетала теург, зачем-то суетливо переставляя чернильницу с одного подлокотника на другой и вырывая из блокнота совершенно чистый лист, — я сейчас всё...

— Речь не только о вас, госпожа Каро, — отмахнулся Росс. — С вами как раз всё понятно. Хотя меня и так и подмывает поговорить об этике. Например, о допустимости личных отношений с женихом заказчицы. Всё-таки у нас тут детективное агентство а не..., — альв прицокнул языком, — ... дом свиданий. Но ведь вы не одиноки в своей задумчивости. Рон!

Оборотень поднял голову, глянув на альва не слишком дружелюбно.

— Я могу понять твоё состояние. И даже разделить его за бутылочкой коньяка. Но не в рабочее время. Давай отложим плач по погибшим и неожиданно непогибшим друзьям на вечер. Это невероятно мужественно и очень в духе... — Росс снова цыкнул. Словарный запас у него резко сократился, что ли? Или просто временные трудности с подбором эпитетов начались? — ... настоящих ветеранов. Только несвоевременно.

Каро принялась складывать из вырванного листа лягушку. Только бы не смотреть на судорожно сжатые кулаки Рона и его же побелевшую физиономию с перекатывающимися камешками желваков. Лучше отвлечься, иначе желание запустить в Алекса чернильницей может пересилить доводы разума.

— Яте, — продолжал препарировать Росс, не обращая ни малейшего внимания на душевные страдания сотрудников. — Могу я надеяться, что блаженная улыбка, время от времени появляющаяся на твоём лице, связана со слишком сильным ударом по голове? Или это всё же влияние близкой весны?

Кажется, желающих объяснить альву, что душевная чёрствость негативно сказывается на репутации начальства, в кабинете прибавилось.

— Отлично, — удовлетворённо заключил Алекс, — теперь вижу, что смог привлечь ваше внимание. Тогда приступим к делу. Серьёзно изучить документы, которые мы изъяли у отца нашей клиентки, я ещё не успел...

— Хорошее слово «изъяли» — буркнул Мастерс, размеренно сжимая и разжимая кулак.

— ... но кое-что выяснить удалось, — благополучно проигнорировав замечание, продолжил Росс. — Если говорить конкретно, то господин Олэан ежемесячно получал довольно крупные суммы. И тут же их списывал в расход. А спустя десять дней — везде стоит именно эта дата — к нему снова поступали деньги. Закономерность прослеживается ясно. Вторая сумма всегда превышает первую ровно на двадцать пять процентов.

Альв обвёл подчинённых взглядом. Каро оставалось надеяться, что выражение её лица более осмысленное, чем у Рона с Яте. Те выглядели как школяры, которым учитель пытается растолковать особо сложную задачу.

— Никто ничего не поняли, да? — вздохнул альв. — Ну, давайте попробуем попроще. Десятого числа каждого месяца фату передают немалую сумму. Он её тут же отправляет третьему лицу — скорее всего, крупному ростовщику или не слишком чистому на руку работнику банка. Деньги в течение десяти дней «прокручиваются», то есть, на них накапливается процент. И вклад, вместе с заработанными процентами, возвращается обратно Олэану. Он же, в свою очередь, отдаёт их владельцу. Естественно, за вычетом своей посреднической доли.

— Ну и что? — подал мрачный голос Рон. — Может, это, конечно, и не законно — я в этом не понимаю ничего. Но нам-то до его махинаций какое дело?

— А ты посмотри, как он записывал приход, — Алекс перевернул гроссбух, подтолкнув его в сторону Мастерса. — В первом столбике сумма, которую он получил. Во втором тоже сумма, но только гораздо меньшая. В третьем, число. И вот эти маленькие суммы не меняются. Их всего три: пятнадцать серебряных эльзаров, одиннадцать серебряных и семь медных, восемь серебром и девять медью. Ничего тебе не напоминает?

— Одиннадцать серебряных и семь медных... — медленно повторил оборотень, пялясь остекленевшими глазами куда-то в стену. — Так это же пенсия сержанта!

— Правильно, — кивнул альв, — ежемесячная пенсионная выплата сержанта и рядового, а пятнадцать — это повышенная, за особые заслуги. И вот, например, в прошлом

месяце он получил триста с лишним сержантских ставок, две с половиной тысячи рядовых и так далее...

— Да я всё равно ничего не понял! — раздражённо рыкнул Мастерс.

— Всё просто, — обречённо вздохнул Алекс, видимо отчаявшись заставить сотрудников самостоятельно мозгами шевелить. — Кто-то имеющий доступ к солдатским пенсиям, прежде чем передать их владельцам, пускал деньги в рост и неплохо на этом наживался. А наш Олэан был посредником. И вот вся эта махинация, — альв постучал ногтём по гроссбуху, — уже тянет лет так на десять каторги. Жонглировать деньгами государства имеет право только Министерство финансов и Казначейство императрицы.

С этой истиной спорить было сложно. Свои монополии корона всегда охраняла особенно тщательно.

Никто и не спорил.

* * *

Куда они едут, Мастерс просвещать теурга не спешил, а Каро и не спрашивала — покусает ещё. Между прочим, оборотень и вправду так и выглядел. На морде большими буквами написано: «Кого бы загрызть?!». Хотя его настроения понятны и объяснимы. Даже иронизировать по этому поводу не хочется. Мало того, похмелье; мало того, что Алекс хорошенечко по столу личиком повозил, так ещё и феечка на прощание Рону настоящую истерику закатила с рефреном: «Не оставляй меня с этим чудовищем, я его боюсь!». Даже силы нашлись доковылять, трагически хватаясь за косяки и мебель, из лаборатории до приёмной.

Впрочем, чудовище — в смысле Яте — действительно смахивал на маньяка. Но ведь у него тот же набор, что и у Мастерса, может, только похмелья нет. Но это же не повод вопить и виснуть на малознакомом сыщике, верно?

Одно радует, блондин отцепил от себя девицу с плохо скрываемым раздражением. А не бросился её на ручках качать и колыбельные петь. Но зато молчал всю дорогу, будто воды в рот набрал. Только гавкнул кебмену адрес, который Курой ни о чём не говорил. Но, видимо, там они будут искать этого Призрака. По крайней мере, Алекс отдал именно такое распоряжение.

— Эй, господа хорошие! Вытряхайте побыстрее, — рывкнул кучер, стоило экипажу остановиться. — Мне тут торчать не с руки вовсе.

Каро, открыв дверь кареты, совсем не удивилась. Видимо, судьба её такая — по трущобам лазать. И можно почитать за счастье, если сыщицкая доля заведёт хотя бы в более-менее приличный квартал. Но счастье заблудилось по дороге и этот район на приличный никак не тянул. Дома — не дома, лабазы — не лабазы, сараи — не сараи. Так, низкие, но безумно длинные строения, сколоченные из дурно пригнанных друг к другу досок. Откуда-то тянуло гнилой рыбой и солью. Даже, кажется, плеск слышался. Видимо, порт был совсем рядом. Но в узких щелях между складами ни души. Жутковато.

Теург, сама того не желая, вцепилась в рукав оборотня.

— Ты чего? — без особого интереса буркнул Рон. — Испугалась, что ли? Так сейчас боятся как раз нечего. Белый день на дворе. Вот вечером тут да...

— И ничего я не боюсь, — проворчала Каро, но рукава не отпустила. — Просто

поскользнулась.

— Ну, держись тогда, — хмыкнул Мастерс и кивнул на ближайший лабаз. — Нам туда.

— На склад?

— Почти. Часть ангара сдаётся под кабачок. А держит его наш бывший ротный капеллан, — неохотно пояснил оборотень. — Просто Призрак был очень набожным и со жрецом дружил. Может, Свет что-нибудь о нём и знает.

— Бывший капеллан и нынешний владелец кабака в припортовой зоне. Мило и вполне в духе времени, — оценила Курой, вслед за сыщиком прыгая по подмёрзшим кочкам и едва на пятки ему не наступая.

Но руки Мастерса всё-таки не отпустила. Потому и врезалась носом в спину Рона, когда он резко остановился.

— Я тебя очень прошу, — процедил сыщик. — Придержи свой язык, ладно? Я Света тоже уважаю. Он хороший человек.

— Человек? — переспросила Курой, решив пока не обижаться.

Да и сколько можно? И так от напарничества одни лохмотья остались. Мастерс, кажется, даже просто её присутствие с трудом терпел. Вот и сейчас предпочёл даже не отвечать. Молча толкнул низенькую дверку, удачно мимикрирующую под напластование лишайника на стенах. И вошёл, едва не сложившись вдвое. Пришлось следом тащиться.

Заведение полностью оправдало ожидание теги: темно, тесно, грязно. Но хотя бы пусто. То есть, вообще никого.

— Эй, Свет! — негромко окликнул Рон, без страха опираясь на стойку.

Каро бы на такой смелый поступок не решилась. И не только потому, что мебель даже на вид была липкой. Она и держалась-то исключительно на честном слове. А, может, это грязь склеивала давно рассохшиеся швы?

— Заяц, я сколько раз просил: не называй ты меня так, — прогудело откуда-то из-за стеллажей, уставленных пустыми и, естественно, грязными бутылками. — Я — мэтр Кирен. Неужто трудно запомнить?

Вышеупомянутый мэтр, вынырнул из темноты, как кашалот из морских пучин, протянув Мастерсу руку, смахивающую на бычью ножку. Пока мужчины обменивались странными рукопожатиями с суставоломным переплетением пальцев, Каро просто-таки любовалась кабатчиком. Его внешность начисто опровергала теорию модных учёных, утверждавших, будто происхождение легко определить по характерным чертам и даже форме черепа. У этого гуманоида те самые черты присутствовали. И судя по ним, произошёл он от случайной связи орка с троллем. А вот люди там и рядом не ночевали.

Пока парни обменивались брутальными: «Как сам?» — «В норме. А сам как?», теурт тихонечко достала линзу, прогулочным шагом обошла помещение. И, понятно, ничего, кроме таракана, да и того давно сдохшего, не обнаружила.

А за стойкой тем временем мирное бурчание сменилось лёгким напряжением.

— ... лет пять никого из наших не видел, — гудел чудо-человек. — И Призрак, будь он жив, ко мне бы не пришёл. Он лучше всех знает, что от служения я отрёкся. Видишь, теперь по-другому души врачую. Стопочку могу налить, а от разговоров уволь.

Мастерс мрачно кивнул. Оборотень явно кабатчику не поверил, но и спорить, а уж тем боле давить на него, не собирался. Буркнул что-то похожее на благодарность, да и пошёл к выходу. Даже побрёл, ссутулившись. У Каро аж челюсть отвисла.

— Рон, — позвала теург, — это что, всё?

— А чего ты ещё хочешь? — проворчал Мастерс. — Действительно, что ли, стопочку опрокинуть?

— Нет, ну погоди, — горячо зашептала тега, взяв оборотня за пуговицу, — он же явно что-то знает. И врёт. Неужели ты не видишь?

— Вижу, — равнодушно пожал плечами Рон. — И что ты предлагаешь? Морду ему бить я не буду. Улыбочками тоже не купишь — Свет меня как облупленного знает. Да и...

Сыщик фразу не закончил, косясь куда-то в сторону.

— Да и свой он, — серьёзно кивнула Каро, — как его по настоящему-то допрашивать?

— Вот ты знаешь, сейчас бы я обошёлся без твоих подначек, — огрызнулся оборотень.

— Даже и не собиралась. Я серьёзно говорю — сама справлюсь. И не потому, что себя самой умной считаю. Просто, тоже кое-что понимаю, не совсем уж дура.

— Что ты... — начал сыщик, но опоздал.

Тега нырнула ему под локоть и, чеканя шаг, направилась к стойке.

— Слушай сюда, гора мяса, — рыкнула теург, набычившись, уперев кулаки в бока. — Я не Рон. Это он трепетный, а мне на ваше воинское братство — или как оно там зовётся? — плевать с крыши храма. Если ты сейчас же не выложишь всё, что про этого Седьмым драного Призрака знаешь, то через пятнадцать минут тут будет не протолкнуться от полицейских. Инспектора Гиккори знаешь? Ну вот и познакомишься.

— Каро! — рявкнул отмерший Рон.

— А что? — удивилась тега. — Думаешь, хорёк тут ничего не найдёт? Сильно сомневаюсь, что твой приятель ведёт дела честно. Ну что, бугай, говорить станем или применить санкции?

* * *

Свет молчал, буравя Каро крохотными медвежьими глазками. Теург даже поёжилась: конечно, идея была вполне удачной. Только вот насколько? Для того чтобы не отступить и на Мастерса не оглянуться, теге потребовалось сгрести в кулак все душевные силы. Хотя, чего оглядываться? Оборотня она затылком чужала. Спиной тоже. И даже окрестностями. Давил сзади мрачной, совсем недружелюбной, а, может, и угрожающей громадиной.

По крайней мере, Курой вынесла новый опыт. Теперь она знала, как чувствует себя кусок ветчины, зажатый между ломтями хлеба. Такой маленький кусочек между двумя здоровенными ломтями — такие бутерброды в дешёвых едальнях подают.

— А если я прямо сейчас тебя и прихлопу? — мрачно поинтересовался чудо-человек. — Не боишься?

— Ну, вообще-то, нет, — соврала Курой.

— Да ну? — подивился Свет.

Перегнулся через стойку, сгрёб теурга поперёк талии и усадил перед собой. Точнее, осмыслить происходящее тега не успела. Она просто стояла, потом вроде ветерком повеяло, и вдруг стала сидеть, едва не упёршись носом в брюхо гиганта.

— Думаешь, Заяц тебя защитит? — пробасил громила.

— Ну, думаю, что защитит, если придётся, — кивнула Каро, сглатывая слюну, ставшую почему-то вязкой, как клей. — Но вообще-то я на другое рассчитываю.

— Интересно б послушать, — усмехнулся кабатчик. Ухмылочка у него была вполне

дружелюбная и совсем не злобная. — Потому что твои вопли про полицию меня не впечатлили. Ни один инспектор, если он с головой дружит, сюда не сунется. Даже днём. Но это так, на будущее. Ещё доводы остались, пигалица?

— Остались, — покусав губу, призналась тега.

Поманила кабатчика пальцем, заставляя его нагнуться. Конечно, жест не слишком вежливый и даже развязный, но чтобы самой дотянуться до уха человека теургу бы пришлось встать на стойку. А она и так шаталась.

— Нам действительно очень нужно найти этого Призрака, — зашептала Каро, — он может быть замешан в деле... В общем, двух девушек уже едва не забили до смерти. И если вы действительно так хорошо разбираетесь в душах, как Рон говорит, то должны были понять: с ним что-то не так.

— С Зайцем? — хмыкнул «душевед».

— Да с вашим Призраком! — досадливо отмахнулась Курой и снова перешла на горячий шёпот. — Станный он, злой какой-то...

— Да все мы недобрые, — буркнул Свет.

— Дайте мне договорить! — теург шлёпнула ладонью по липкой столешнице — хотела было чудо за рубашку дёрнуть, но всё же не решилась. — Даже если вам на этих девушек плевать, подумайте о Роне. Он же... Как у вас там говорится? — тега нахмурилась, припоминая. — Хороший парень? Ну, вот такой и есть. Переживает же. Хотите, чтобы сорвался? У вас совесть как, выдержит?

— А тебе что за дело до него, девонька? — лукаво улыбнулся кабатчик — маленькие глазки совсем спрятались в складках век.

— Он мой напарник!

— Ну-ну... А ещё полицией грозила, — непонятно протянул человек и добавил уже в полный голос. — Только я и вправду его не видел. И даже не знал, что он жив. В смысле, он приходил сюда лет пять назад. Но потом снова слухи пошли, будто его прикончили. Так что если б и хотел, не могу помочь.

У Курой кулаки сами собой сжались. Кажется, тега даже рыкнула тихонько.

— Спасибо, Свет, мы поняли, — буркнул Мастерс. — Пойдём, Каро. Думаю, что ты все аргументы исчерпала.

— Да погоди ты идти, — остановил оборотня громила. — Про него я ничего не знаю. Но тут не так давно — тому месяца три — его какая-то бабёнка искала. Вроде жена или я уж не знаю кто. Она адресок свой чиркнула. Мол, если Призрак объявится, то я б ей весточку послал. Сходите, поспрошайте её. Может, чего и знает. Сейчас, найду, где-то тут у меня валялся. Да вот он. На, смелая, держи.

Теург, стараясь улыбаться не слишком широко, сжала в кулаке грязный обрывок бумаги и спрыгнула со стойки.

— Спасибо, Свет, — от души поблагодарила тега.

— Да не на чем, — щеки кабатчика опять расползлись в добродушной улыбке. — Ты про слух-то оборотней не забыла, девонька? — шепнул человек, заговорщицки подмигнув.

— Это вы о чём?

До Курой не сразу дошло: Мастерс прекрасно слышал весь их разговор. Весь! Не так уж далеко он и стоял — тут шепчи, не шепчи. Но дошло-таки. Желание улыбаться мигом пропало.

— Бывай здоров, Свет!

Рон поднял руку, прощаясь, и не обращая внимания на теурга, вышел. И снова пришлось семенить за ним, как собачке на поводке! И вот как, спрашивается, тут сохранить собственное достоинство?

На улице оборотень притормозил, прикуривая. Зачем-то посмотрел на небо, что-то тихо пробурчав, сплюнул.

— Ты о чём думала? — спросил хмуро.

— В какой именно момент? — уточнила Каро, очень стараясь выглядеть независимо.

— Когда ему угрожала?

Тега глянула из-под полей шляпки на оборотня — мрачнее самой мрачности. Даже Яте даст сто очков форы. Не торопясь развязала шнурки ридикюля, убирая бумажку с адресом. Поправила воротник пальто. Тоже полюбовалась небом. Мастерс её не торопил, но ответа явно ждал.

— О твоих словах и думала, — неохотно пояснила Курой.

— Это о каких?

— Что вы делитесь на две категории: мерзавцев и кающихся грешников, — теург пожал плечами. — Он на мерзавца никак не тянет. А, значит, ничего бы мне не сделал.

Рон аж дымом подавился.

— С чего ты такие выводы сделала? — прохрипел оборотень прокашлявшись.

— А, скажешь, неверные они? Твой Свет от служения отказался. Ну, это понятно — е Семерых разочаровался. Но души врачевать не бросил, сам так и сказал. В шутку, конечно. Только это больше на правду похоже. Торчит в таком месте, — Каро кивнула на лабаз за своей спиной. — Очень смахивает на наказание, которое сам назначил. Ну а ещё ты признался, что очень уважаешь этого человека. К скотине или уроду какому так бы относиться не стал, верно? По всему и получается, что он порядочный. И что мне грозило? Наорал бы только. Но, видишь, и этого не сделал.

Мастерс устало потёр лоб, а потом и всё лицо растёр. Одной длинной затяжкой вытянул папиросу до бумажного мундштука. Бросил окурочок в грязь, раздавив каблук.

— Каро, порядочный ещё не значит безопасный, — сказал тихо.

Выглядел Рон абсолютно вымотавшимся, будто двое суток кряду мешки с камнями грузил.

— Да, в общем-то, знаю, — так же негромко отозвалась теург. — Но я ещё и женщина, к тому же невысокая, а значит, беззащитная. Да ещё и тега. И у вас, по-моему, на этом пунктик.

Оборотень глянул искоса, но комментировать не стал. Уж лучше бы раскричался, в дурости обвинил, чем так. Но, с другой стороны, никто ведь никогда и не говорил, что Мастерс с ней нянчится, оценив её редкостные душевные качества или неземную красоту, верно?

— Ну что, пойдём? Навестим эту то ли жену, то ли боевую подругу? — улыбнулась Каро.

Рон в ответ только кивнул.

* * *

Адрес перепроверили аж два раза. Даже три. Сначала Мастерс отобрал у Каро бумажку

и сверил название улицы, номер дома. Потом теург решила, что Рон опять что-то напутал, тщательно — разве что лупой не пользуясь — изучила написанное на указателе и нацарапанное на клочке. А напарники вместе, едва не столкнувшись лбами, долго вчитывались в неровные, будто когтём нацарапанные строчки, ища ошибку.

Но пришлось признать: всё верно, прибыли туда, куда и требовалось. Ну, или женщина, разыскивающая Призрака, зачем-то наврала Свету.

Просто получалось, что то ли жена, то ли не жена погибшего-непогибшего ветерана обитает в более чем приличном квартале, застроенном аккуратненькими, не слишком роскошными, но уютными особнячками. Стоимость недвижимости в этом районе определяли не сами дома, а сады, которые окружали каждое строение. То есть, особняки-то гигантоманией не страдали. А вот участки при них были не меньше поля для конного поло: и детишкам на собственном пони есть где поскакать, и на цветник кусочек найдётся, и гравийные дорожки поместятся. Пара гектар для уютной беседки в зарослях кустовых роз и полянки под пикник тоже останется.

Но, в целом, вполне демократично. Вот и калитку открыть из дома дворецкий вышел. В ливрее, правда, но зато никаких тебе привратников.

— Эм... — озадачился Рон на вопрос, чем брылястый господин может помочь. — Передайте хозяину, что мы от Арнэ Ларала.

— Передам, — усомнился дворецкий, скроив кислую физиономию.

Что именно вызвало у него такую нерешительность, Каро так и не поняла: то ли не поверил, будто они действительно имеют отношение к неизвестному Ларалу. То ли колебался: передавать послание или не стоит. Только в своих дальнейших действиях толстяк был явно не уверен. Но удалился гордо. Естественно, даже и не подумав калитку открыть.

— Значит, этого Призрака Арнэ зовут? — протянула теург, отколупывая с решётки чёрную краску. — Ни за чтобы не подумала. Не подходит ему имя.

Развить тему соответствия имён и внешности — а что? Повод для разговора ничуть не хуже, чем обсуждение погоды — тега не успела. Дверь в дом распахнулась, будто в неё изнутри тараном вдарили, и на дорожку вылетела женщины. Между прочим, даже без шали, не говоря уже о пальто.

— Где он?! — истерично выкрикнула госпожа, не успев до калитки добежать. — Где Арнэ? Ну? Что же вы молчите?

Курой покосилась на оборотня, но Мастерс в диалог вступать не собирался.

— Собственно, мы как раз это и хотели у вас узнать, — смущённо пояснила Каро, нервно теребя ридикюль.

Женщина погасла, будто в ней фитиль до упора завернули. Из тёмных глаз ушёл лихорадочный блеск, лицо в мгновение ока осунулось и постарело. Только побледнело ещё больше — почти до зелени. Зато теперь она безумной не выглядела. Вполне симпатичная, хоть и не первой свежести, благополучная дама.

— Проходите, — сказала хозяйка устало и будто нехотя открыла калитку. — Правда, толку вам от меня немного будет. Арнэ в последний раз здесь появлялся полгода назад. Вы ведь господин Мастерс, верно? Я много о вас слышала.

Рон такой новости явно не ожидал.

— Приз... Э-э-э... Арнэ обо мне рассказывал?

— Да. И говорил, что рано или поздно, но ваши дороги снова пересекутся, — равнодушно ответила женщина. — Кстати, можете называть меня госпожа Тирен. Проходите

вот сюда, налево, в гостиную. Не желаете ли чаю?

— Нет, — помотал головой оборотень.

— Да, — с улыбкой согласилась Каро.

Впрочем, хозяйка, кажется, благополучно не услышала оба ответа. Опустилась в кресло, сложила руки на коленях — почему-то ладонями вверх — больше всего походя на марионетку.

Детективы переглянулись.

— Госпожа Тирен, — неуверенно позвала тега.

— Да, я слушаю вас, — тут же отозвалась женщина, головы не поднимая. — Впрочем, это вы же меня слушаете. Прошу прощения. Просто это очень сложно. Я знаю, что ничего уже не изменишь. Но когда появляется надежда, а потом снова исчезает — так трудно.

Курой пихнула напарника локтём в бок, мотнув головой в сторону хозяйки. Оборотень удивлённо поднял брови.

— Включи своё обаяние! — прошипела теург.

Мастерс нахмурился и отвернулся, разглядывая картину на стене.

Кажется, кто-то решил самоустраниться от расследования. И это ещё женщин обвиняют в излишне тонкой душевной организации!

— Госпожа Тирен, — снова начала Каро, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не выругаться. — Мы бы хотели знать...

— Да-да, да-да... — пробормотала хозяйка, по-прежнему рассматривая собственные руки. — Я в курсе. И Арэн мне велел рассказать всё, как только появитесь. Правда, и рассказывать особенно нечего. О том, что приключилось на Островах, он не распространялся. Могу только догадываться: его вовлекли в махинации. Финансовые, должно быть. И, видимо, это грозило серьёзными неприятностями. Поэтому Арэн и устроил эту мистификацию.

Слова «вовлекли», «неприятности» и «мистификация» Курой очень не понравились. Под неприятностями, по всей видимости, подразумевалось устранение свидетелей. Мистификация, вероятно, означала собственную героическую гибель, которая изрядно потрепала нервы Мастерсу. Ну а термин «вовлекли» не желал стыковаться с громилой, напугавшим тегу. Никак не походил он на невинную овечку!

Но домыслы свои Каро не озвучила. Оставила до лучших времён.

— Вернувшись в Элизий, Арэн решил зажить мирной и тихой жизнью. Разыскал меня с сыном. Мы ведь были знакомы ещё с юности. Правда, потом дороги разошлись, — «Он меня бросил с ребёнком на руках и смотался в армию» — мысленно перевела теург с малахольного на элизийский. — Но он такой благородный. Как только средства позволили, Арэн сразу же вернулся, чтобы обеспечить нам достойное существование. Правда, беспокоясь о нашей безопасности, здесь он не жил. — «Сунул в зубы деньги и снова смылся». — Но появлялся часто. Иногда даже по несколько раз в месяц.

— И надолго задерживался? — не выдержала Курой.

— Понимаете, он боролся. По-настоящему боролся. Но это такое искушение. Кто не сталкивался, тому не понять, — не слишком внятно забормотала Тирен. — Опиумный дурман очень завлекателен.

Тут уж даже Мастерс обернулся. И не просто обернулся, а шагнул к женщине, приподняв за подбородок, заставил на себя смотреть. Глаза у неё снова лихорадочно блестели, а на белом, как бумага лице алыми пятнами горели скулы.

— Где вы покупаете... лекарство? — мягко поинтересовался Рон, присаживаясь на корточки.

— Там же, где и Арэн, — послушно ответила хозяйка, рассеянно улыбаясь. — Но вы не думайте, что я злоупотребляю. В малых дозах он действительно помогает. Я не одержима, как мой любимый. Просто порой бывает так больно, так невыносимо.

— Понимаю, — кивнул Мастерс. — Так, где именно вы берёте его? Кто вам продаёт снадобье.

Тирен что-то пробормотала — Каро не расслышала. Да не особенно и прислушивалась. Может быть, оборотень эту чокнутую и понимал, а вот теург точно нет.

Но в данный момент тегу больше другое интересовало: это с какими же такими средствами господин Призрак с войны вернулся, если его «не жена» до сих пор могла позволить себе дом, вполне модные туалеты, а, главное, слуг, которые ухаживали за ненормальной? И ведь себе на жизнь и «лекарство» господин Арэн тоже что-нибудь наверняка оставил?

Истина в вине, а в бране сермяжная правда жизни.

Здание Главного Управления Полиции Элизия вызывало муки совести и у абсолютно законопослушных граждан. Даже, наверное, у законопослушных граждан судороги были особо сильны. Недаром же лорд-казначей под Новый Год разразился речью, смысл которой сводился к одному: «Давая взятки, вы стимулируете буйное цветение коррупции!». А оплот правопорядка и торжества справедливости просто-таки голосил: «Взятничество правит балом!». Налоги рядовые жители Элизия платили немалые. Не драконовские, конечно, но мастодонт бы подавился. И куда уходили деньги? Явно не на облагораживание фасада управления.

Собственно, здание мало чем отличалось от стоящих рядышком тюрьмы временного задержания и следственного изолятора: страшное, обшарпанное, с узкими зарешеченными окнами-бойницами. Лишь сплетающиеся в агонии мраморные черви, призванные олицетворять пламя борьбы с преступностью, намекали... Ну, если не на роскошь, то хоть на цивилизованность.

Внутри Управление выглядело ничуть не лучше: голые вышарканные полы, стены, замазанные тошнотворной зелёной краской. И когда-то побеленные, а нынче покрытые неаккуратными пятнами потёков, вызывающих стойкие ассоциации с общественными уборными, потолки.

Почему во всех приёмных местах стены обязательно болотно-зелёные, а на перекрытиях следы протечек? Причём протечки эти никак не зависят от этажа — есть они и на первом, и на самом последнем. Учёные мужи вот уже какое десятилетие бились над тайной артефакта, некогда уничтожающего всех истинных вампиров. Лучше б разгадали стенно-потолочный секрет, всё толку больше.

Алекс поморщился и перчатки снимать передумал — вежливость спасовала перед брезгливостью. Но цилиндр всё-таки снял, держа вместе с тростью на излёте, чтоб не — дай Седьмой! — ничего не коснулись. Альв постоял у пустой конторки, за которой должен был сидеть охранник. Вытянув шею, заглянул в пустой коридор, побарабанил пальцами по столешнице. Управление будто вымерло — ни души. Лишь сквозняк игрался с паутиной, густо затянувшей угол.

Наверное, на этом процедуру регистрации посетителей можно было считать оконченной. Росс искренне хотел стать учтённым, но не сложилось. А нужный кабинет управляющий «Следом» и без посторонней помощи найти способен. Поэтому спокойно и пошёл к лестнице, не испытывая никаких мук совести.

На великое сыщицкое счастье инспектор Гиккори оказался на месте и даже готовым к приёму посетителей. По крайней мере, на вежливый стук рывкнул простуженно: «Не заперто!».

— Надеюсь, это предложение войти, а не просто констатация факта? — поинтересовался альв, всё-таки входя.

— Господин Росс?! Что вы здесь... — договорить фразу полицейский не сумел.

Всё же не каждый способен одновременно демонстрировать вежливость и пытаться не свалиться со стула, на котором спокойно раскачивался, предаваясь думам, пока всякие

наглые не ввалились.

— Добрый день, инспектор, — доброжелательно поздоровался Алекс, без приглашения устраиваясь в том, что здесь ошибочно именовали «креслом для посетителей». — Я тоже рад вас видеть.

— А я-то как... рад! — желчно признался Гиккори, справившись со стулом и нервно поправляя галстук, традиционно съехавший куда-то к уху оборотня. — Почему меня не предупредили о вашем приходе?

— Вероятно потому, что никто о нём не знал? — невозмутимо предположил альв.

— Опять дежурные где-то шлятуются? — раздражённо рыкнул следователь, зачем-то нырнув под стол. — Я сейчас им!..

— Не стоит так беспокоиться, — посоветовал Росс. — Тем более что мой визит носит сугубо частный характер. И нам обоим будет удобнее, если о нём не узнают. Во избежание кривотолков.

— Каких ещё толков? — инспектор приподнялся, подозрительно выглядывая из-за столешницы, как из бруствера.

— Кривых, — пояснил вежливый Росс. — Мне необходима ваша помощь.

— И с чего вы решили, лорд Александр, что я стану вам помогать? Вроде бы мы представляем конкурирующие организации.

Гиккори вернулся на свой стул, откинулся на спинку, даже пальцы на животе сплёл. Видимо, под столом он искал потерянную уверенность в себе. А, может, даже и амбиции. По крайней мере «лорд Александр» оборотень произнёс, истекая ядом и сарказмом.

— Полноте, — тонко улыбнулся альв. — Какие мы конкуренты? Так, крохотная сыскная конторка, в которой даже сотрудники не способны друг с другом договориться. Знаете, ссорятся постоянно. Едва до драк не доходят. Это у вас дисциплина и строгая отчётность.

— И при чём тут я? — настороженно спросил Гиккори.

— Вы? — изумился Алекс. — Абсолютно не при чём. Просто я хотел подчеркнуть разницу в нашем положении. Вот, допустим, мои сотрудники даже отчитываться не обязаны. Ведь я понятия не имею, где они и что делают. У вас же всё подконтрольно! Даже лишний амулет из Управления не вынесешь без бумажки. И уж, конечно, не используешь его, не согласовав с начальством — всё оприходовано, запротоколировано, учтено. Не так ли?

— Так, — крикнул полицейский, потёр шею, словно затекла она. — Так какого рода помощь вы хотели бы от меня получить?

— Для начала совет. Дело в том, что мне в руки — совершенно случайно, понятно — попали некоторые записи, свидетельствующие о махинациях с ветеранскими пенсиями...

Пока Росс, несколько монотонно, но толково, без лишних подробностей, излагал своё дело, оборотень слушал его внимательно — вперёд подался, облокотившись о стол, глаз не сводил, не перебивал и надменных рож не корчил. Но стоило альву замолчать, ухмыльнулся ехидненько.

— Вы желали получить совет? — поинтересовался сладко. — Ну, так вот он, мой совет, господин Росс: оставьте эти книги себе на память. Впрочем, можете пустить их на растопку камина или на пыжи к охотничьему ружью. Использовать их в клозете не советую, бумага слишком плотная.

Алекс молчал, глядя на следователя. Инспектор ещё разок хмыкнул, повозился, пальцы шалашиком сплёл.

— Тут в чём дело-то, — неохотно заговорил Гиккори. — Сами знаете, господин Росс, в

нашем деле главное улики и обоснование. Понимаю, что вы желаете, чтобы я дело завёл...

— Не вы лично. Насколько мне известно, такими вещами занимается другое управление.

— Ну, передал бы в следственный отдел казначейства, неважно, — отмахнулся оборотень. — Но на основании чего я это сделаю? Откуда взялись записи, кто их вёл? Эти ваши гроссбухи даже в качестве доказательства предъявить не могу. Изъяты-то бумаги у владельца незаконно. Ну, положим, обстряпать так, чтоб всё по правилам было, не сложно. А дальше-то что? Кстати, не желаете коньяку? Конечно, моему далеко до вашего, но тоже вполне приличный напиток.

— Благодарю, не стоит, — нетерпеливо отмахнулся альв. — Продолжайте.

— Да, собственно, всё уже сказал, — пожал плечами Гиккори. — Что в этих книгах? Циферки, суммы? Даже и свяжем мы их с ростовщиков, докажем, что именно этот ваш... Кстати, кто он? Клиент? Не суть важно. Что он давал деньги в рост. Ну, заплатят они штрафы. Может, лицензий лишатся. Только на этом всё. Кто сказал, будто они проворачивали махинации с пенсионным фондом? Это лишь ваши догадки, дорогой вы мой господин Росс. А догадки в папку не подошьёшь.

— Это я и сам знаю, — слегка раздражённо отозвался Алекс. — Но надеялся: посоветуете, с какой стороны к этой проблеме подойти.

— Да ни с какой, — развёл руками инспектор. — Это надо инициировать проверку в самой комиссии. Только кому ж она нужна, кроме нас с вами? Если только задействуете свои связи.

— Вы что-то говорили про коньяк? — помолчав, спросил альв.

— А вот это дело! — воспрянув духом, одобрил Гиккори и полез в сейф.

Всем известно, что особенно ценные вещи стоит хранить под семью замками. А то, не ровён час, сопрут.

* * *

Рецепт душевного комфорта в ситуации, когда вопрос: «Что делать?» — встал слишком остро, а ответ: «Да Седьмой знает!» — не устраивает, составлен много-много лет назад. Но с тех пор ни грамма актуальности не утратил.

Для дам — чаепитие с особо языкастыми и любящими потрепаться подружками. Вечер на бурное обсуждение проблемы, спокойный утомлённый сон ночью. И на следующий день беда отступает на десятый план. Потому что появляется новая и гораздо более актуальная трудность: о твоих бедах судачит уже весь Элизий. Неприятно, конечно, но, главное, первая проблема уже так остро не стоит.

Для мужчин, конечно, этот способ не подходит. Им не нужна большая сочувствующая компания. Требуется всего один, но понимающий собеседник и бутылочка-другая чего-нибудь горячительного. Злословы абсолютно зря называют такую реабилитацию банальной пьянкой. Может быть, найденные под рюмку коньяка выходы и покажутся с утра не слишком разумными. Но зато мозговой штурм, щедро простимулированный алкоголем, будит желание бороться с трудностями и, конечно, побеждать.

Правда, с поисками возможных решений дело у Росса с Гиккори не заладилось. Необходимая атмосфера была найдена довольно быстро — как раз со второй бутылкой.

Правда, не коньяка, а крепкой настойки неопознанного происхождения. Кабинет свой инспектор запер, дабы никто не помешал. Верхний свет потушили — для создания необходимой ауры конфиденциальности решили оставить только настольную лампу. Алекс, потакая своей врождённой демократичности и нелюбви к условностям, расстегнул сюртук и даже галстук развязал. А вот разговор не клеился.

Точнее, обсуждаемая тема ускользала, как только что пойманный угорь из рук. Беседа плавно переползла на несовершенство следственной системы в целом и бюрократизм с канцелярщиной в частности. А потом и вовсе скатилась к банальному: «Насколько ж раньше проще жить было!».

— Ты вот что думаешь, я простая канцелярская крыса? Ничего не умеющая и не понимающая в сыске? — навалившись на стол грудью, вкрадчиво спросил инспектор. — Ошибаешься! У меня подготовка, между прочим, лучше твоей будет! Но раньше как? Получил задание и с тебя только результат спрашивают. А как там, что, чего ты делал — никого не интересует. Не засветись, главное, и всю сеть не засвети.

— Там — это где? — таинственно поблёскивая глазами в полумраке, уточнил Алекс.

Альв сидел, откинувшись на спинку своего недокресла и в круг тёплого света, отбрасываемого лампой на столешницу, почему-то старался не попадать.

— Да какая разница, где! — отмахнулся полицейский. — Я тебе про другое толкую. Сейчас же совсем всё иначе. Скажем, там мешал мне кто-то, палки в колёса совал. Ну и где проблема? Вжик! — Гиккори черкнул большим пальцем по горлу, — и нету её. А то и просто, придёшь, поговоришь: так, мол, и так, мил друг. Не суйся, куда не просят! Вот тебе денежек и чтоб я больше тут не видел. Ну а здесь? Я его за жабры, доказухи — на каторгу смотается, вернётся и ещё раз поедет. А меня в высокий кабинет вызывают: «Ты что ж это такое делаешь? Уважаемого члена общества позоришь! А ну, сворачивай своё расследование в другую сторону. Ищи настоящего злодея!». Я им: «Так вот же он, настоящий-то!». И мне: «Не-ет, не может такого быть. Не там роешь!». А ты толкуешь, денежки прокручивают!

— Я не толкую, — чуть замедленно, на распев, ответил альв. — Так оно и есть. Да и не спорю с тобой. Там и вправду всё проще казалось. Есть враг, есть друг. Врага устрани, друга защити...

— Да знаю я, — ухмыльнулся Гиккори, позвякивая бутылкой о не слишком чистый стакан. — И плевать, что друг объявлен короной врагом. А враг, может, и вовсе у нас в соратниках числится.

— Это ты о чём сейчас?

— Да ни о чём. Так, к слову пришлось, досье твоё вспомнил. Ну, давай, что ли, выпьем. За справедливость!

— Это где же ты служил, что к моему досью доступ имел? — протянул Алекс, не спеша брать стакан.

— Где служил, там больше нету, — буркнул оборотень, прикуривая папиросу. — В главном ты прав: всё было ясно, всё по полочкам разложено. Что самое обидное: от меня дело зависело, — инспектор с энтузиазмом постучал себя кулаком по груди. — Вот как я решу, как сумею — так и станет. А теперь? Бумажки, приказы, отписки, приписки. Отчёты! Нет, вот за это точно надо выпить! Чтоб всем отчётам сгореть в синем пламени у Седьмого!

— Согласен, — кивнул Росс, потянулся, взял стакан со стола, — тост хорош! — выпили, помолчали. Гиккори глубокомысленно пускал колечки дыма, шурясь на лампу. — Только вот я всё чаще думаю: может, дело не в том, что тогда лучше было? Может, во мне дело?

Старею, хватку теряю?

— Ну, насмешил, — хмыкнул оборотень. — Тебе сколько сейчас? По лордским меркам щенок совсем. Или я чего-то не понимаю? Да нет, просто жизнь стала такая... навозная. И бабы дуры!

— Жена, что ли, бросила? — сочувственно спросил Росс.

— А, да ну их! — махнул рукой инспектор. — Про баб надо после третьей говорить, а мы ещё вторую не прикончили. Давай, лорд Александр, за твоё агентство. Вы хоть не так по рукам-ногам связаны. Иногда что толкового нарыть можете.

— Нарыли, — взгрустнул управляющий «Следом», протягивая пустой стакан — а толку? Сам же на пальцах объяснил, что недоказуемо и никому не нужно. Я теперь и не знаю, с какой стороны к этому фату подлезть.

— Доказательства нужны, доказательства! — оборотень ткнул тлеющей папиросой в альва. — Ищи доказательства. В самом комиссии пошукай. У них тоже наверняка какие-нибудь бумажки имеются.

— Да кто ж мне их даст? Есть у меня, конечно, там знакомец. Так ведь не знаю, может, он тоже по уши в этом замазан?

— Тогда сам рой, — пожал плечами Гиккори, разливая остатки из бутылки. — Пойди, да возьми. В первый раз, что ли? Тебя за что орденами награждали, капитан? В императорский дворец просочиться сумел, а какой-то вшивый фонд не взломаешь? Вот и найди, что требуется. А потом меня позови. Мы всё запре... запарта... запрок... Протокол составим, короче. И делу официальный ход дадим.

— В принципе, в твоих словах здоровое зерно есть, — задумчиво согласился Росс. — Только долго это, а мне срочно надо. Давай так сделаем. Пойдём туда сейчас. Ты меня где-нибудь в переулке подождёшь, а я внутри поищу. Если что найду, покажу тебе. Подойдёт, то тихонько отнесу обратно, а ты своих вызовешь. Согласен?

— А что? — кивнул оборотень, туша папиросу об стол — мимо пепельницы промахнулся. Впрочем, это не смутило ни инспектора, ни столешницу — судя по внешнему виду, она и не такие надругательства терпела. — Хороший план. Только ждать я нигде не буду, с тобой пойду. Так ещё быстрее получится. Ну, давай! За успех!

Под такой тост не выпить — грех великий. Выпили.

* * *

Когда-то улица Тридцати страждущих причислялась к элитной застройке — двух- и трёхэтажные особнячки, уважаемые и пузатенькие, как довольные жизнью бургеры, стоили немало. Но потом какому-то шутнику пришло в голову: название улочки очень уж говорящее. Как нельзя лучше подходит для мелких административных контор: комиссий, инспекций и бюро. Вот и выкупила казна особнячки.

Времени с тех пор прошло немало, дома заметно обветшали, на оплату фонарей и дворников денег не нашлось, поэтому по вечерам здесь царила жутковатая атмосфера. Правда, случайному прохожему, невесть зачем сюда забредшему, ничего не грозило. Злоумышленники, готовые убедительно уговорить любого прохожего расстаться с кошельком и часами, сюда никогда не заходили.

Здание, в котором располагалась Императорская Комиссия по делам Инвалидов и

Ветеранов, ведающая, в том числе, и выплатами пенсий, было темным и мрачным. Эдакий бюрократический дом с привидениями, пугающими гораздо сильнее настоящих умертвий. Живые мертвецы-то что? Разве что горло порвут. Другое дело пауки-чиновники, на ночь уползшие в свои тайные норы. Эти кровь по капле выщедят, мозг высосут, печенью закусят — и всё ради твоего же блага.

Тёплый одинокий огонёк в крохотном окошке привратницкой лил на разбитую брусчатку дорожки ручеёк жидкого света, выразительно выделяя горбыли замёрзшей грязи — к вечеру снова похолодало.

Алекс в последний раз окинул тёмную улицу орлиным взором, от которого не укрылась ни одна мелочь, и сам себе кивнул. Обернулся к негаданному напарнику, прячущемуся в тених. И что-то изобразил руками: сложное, многозначительное. Гиккори в ответ тоже кивнул и... растворился в полумраке, будто его вообще тут не было. Вот только шевельнулся, да и пропал!

Росс почесал ногтём бровь, хмыкнул и, не таясь по углам, направился к зданию комиссии. Не прятался альв не потому, что свидетелей не боялся. Не увидел бы ничего случайный свидетель, даже если б знал, куда смотреть. «Отводящий полог» — штука сложная, отжирающая кучу энергии вместе с собственными силами. И воплотить его могли далеко не все альвы. Но капитану Александру заклятие особо удавалось. Бывало, целый отряд накрывал.

Правда, в этот раз немного перестарался. Потoki искажали свет так, чтобы управляющий стал просто тенью. Но и над дорогой под ногами потрудились. Поэтому Россу казалось, что идёт он по кромешной Тьме, над Бездной. Ощущение не из приятных, а в купе с несколько затуманенными вечерними возлияниями мозгом и вовсе пугающее. Но где наша не пропадала?

Ох, где только не пропадала! Алексу чудилось, что мышцы налились молодой, бурлящей энергией — точь-в-точь как много лет назад. Сила просто распирала тело. Примерещилось даже, будто стылый воздух пахнет расцветающей вишней, а крыша здания вдруг изогнулась конусом, став похожей на шляпу тегского крестьянина.

Альв притормозил у самых дверей, тряхнул головой, которая, кажется, решила с хозяином в другую реальность поиграть. Вытянул руку в сторону — ладонью к брусчатке — сбросил энергию. Просто так, чистым Потокom, чтобы не распирала изнутри.

Перестарался. Наверное, чиновники очень удивятся, не найдя по утру здорового куска дорожки, которая просто растворилась, как масло на солнце. И нет, полог, закрывающий альва, тут не при чём — камни действительно исчезли. Нехорошо получилось. Да ещё энергии не убавилось, а будто прибыло.

Дверь тихонечко скрипнула. Прямо перед Россом — и руку протягивать не нужно — появилась жутко довольная рожа Гиккори. Инспектор повертел головой, отыскивая альва. И, естественно, не нашёл. Впрочем, дыры в дорожке тоже не заметил.

— Псс! — зашипел полицейский. — Пст!

— Ты что, свистеть не умеешь? — удивился Алекс, несколько картинно, даже театрально, сбрасывая полог.

Такое позёрство тоже стоило немало, сосало силы. Зато появился эффектно, постепенно проявляясь от макушки к пяткам. И желаемого достиг — оборотень шатнулся назад, выпуская створку, гулко бахнувшую о стену дома. Едва на задницу не сел, поскользнувшись в ярко-алой луже. Чтобы не упасть, а, заодно, и лицо не потерять, пришлось инспектору

выполнить странный и технически сложный кульбит, больше всего смахивающий на пляску укушенного тарантулом.

— Ну и зачем? — укоризненно спросил Росс, грустно кивнув на подтекающую лужу.

Гиккори, сумевший-таки принять вертикальное положение, обернулся, уставился на пол, будто впервые такое чудо видел. Почесал в затылке, соображая. И расплылся в улыбке.

— Да это компот, вишнёвый! — обрадованно зашептал инспектор. — Там охранник его пил. Ну, я и задел. Ну что, пошли?

Росс окинул лестницу взглядом — весьма презрительным. Гордо вскинул подбородок.

— У меня свои пути! — заявил надменно.

Ну и взлетел. Нет, крылья у него не появились. Просто как стоял, гордо выпрямившись, так и поднялся — следовательно только взглядом подошвы начищенных до блеска ботинок проводил. Хотя развевающаяся пелерина пальто и концы белого шарфа выглядели весьма впечатляюще — ничуть не хуже любых крыльев.

— А зачем я замок ломал? — неведомо у кого растерянно поинтересовался Гиккори.

— Понятия не имею, — донеслось сверху.

Послышался скрежещущий звук, будто чем-то твёрдым и острым по стеклу царапают. Полицейский, сообразив, что управляющий «Следом» без него с окном разбирается, абсолютно бесшумно рванул вверх по лестнице. Видал он уже такие штучки. При нём один маг отрастил алмазный коготь, да и прорезал в стекле дырку, чтобы достать до шпингалета. Вот и торопился Гиккори, не желая, чтобы напарник добрался до заветных бумаг первым.

Потому и не увидел, как сверху рухнула рама — целиком, вместе со стёклами, шпингалетами и даже карнизом. Как ни странно, но окно не разбилось, вошло в сугроб, будто нож. Только неприкрытая форточка обиженно тренькнула.

И всё-таки следователь опоздал. Пока возился, замок вскрывал, Росс уже во всю с архивом разбирался. Быстро, в буквальном смысле молниеносно, просматривал карточки. Ну а не пригодившиеся, недолго думая, сваливал на пол. Рядом с альбомом, печально обугливаясь, прозрачным зелёным пламенем полыхал стол. Действительно, без дополнительных источников освещения в помещении даже и для оборотня было темновато.

— Пожар не устроишь? — деловито спросил инспектор, подходя к стеллажу, до которого чересчур шустрые лапы Алекса ещё не добрались.

— Нет, — рассеянно отозвался Росс, — пока огонь контролирую, всё в порядке.

— Это хорошо, — кивнул оборотень, — а то мы тут и так изрядно наследили.

Детектив задумчиво глянул на Гиккори, потом на пустой оконный проём, жадно засосавший штору, на карточки, раскиданные по полу.

— Ну, значит, потом перестану контролировать, — пожал плечами альв.

— Согласен. Главное, чтоб всё было тихо.

— А разве мы шумим? — изумился Росс, вываливая на пол новую грудку бумаги. — Уж не меня учить скрытому проникновению.

— Пардон, милостивый лорд, я тоже умею быть незаметным, — ухмыльнулся оборотень, едва не опрокинув стул, не вовремя подвернувшийся под ноги. — И, кстати, главное — следов не оставлять, вот что я вам скажу, господин зазнайка!

— Не оставим, — солидно кивнул Росс.

Идти на этот вечер Каро не хотелось смертельно. Не только и не столько потому, что тега сама идея не нравилась. Нормальная задумка: детишки веселят взрослых, а, главное, богатых дядь и тётъ песенками, немудрёнными танцами и выразительным прочтением модной лирики. А дяди и тётъ, делая вид, что веселятся и, умиляясь до сахарных соплей, отстёгивают денежки. Называется сие действо «Благотворительный Вечер». И в приюте практиковалось.

Правда, Курой в них участвовала исключительно в качестве уборщицы. Танцевать не умела — оттаптывала ноги не только всем окружающим, но и самой себе. По словам преподавательницы изящной словесности, любовные сонеты в её исполнении звучали призывами к атаке и героической смерти. От пения теги начинали завывать разом все окрестные коты — только бы заглушить. А печенье, сляпанное её руками, отказывались есть даже вечно голодные бездомные собаки. Но Каро себя обездоленной ничуть не чувствовала. Наоборот радовалась, что не принимает участия в этой показухе.

Но так или иначе, а в благотворительном вечере теург ничего предосудительного не видела. Другое дело, что туда предстояло с Мастерсом идти. И отказаться нельзя. Штатному врачу приюта для мальчиков, язвительной Рахим [\[7\]](#), с которой тега приятельствовала, Курой ещё месяц назад твёрдо обещала быть на празднестве. Ну и, конечно, помочь по мере сил. А предложить Рону заняться чем-нибудь другим не с руки. Мальчишки без обожаемого Кис-Киса скисли бы.

В общем, пришлось идти.

Но реальность оказалась не столь страшна, как воображалось. Никто Каро по углам не зажимал, разговоров «за жизнь» не требовал, отношений не выяснял. Мастер — о, диво! — даже не рычал. Пребывал в самом радужном настроении, подбадривал-утешал-высмеивал. Разом устранял сотню нерешаемых и грозящих полным провалом проблем, которые имели свойство браться из неоткуда. Ну а с Курой... Тегу оборотень вообще не замечал!

Это задевало.

Но вечер прошёл — и пёс с ним. Между прочим, неплохо прошёл. Каро даже успела заразиться от мальчишек нервным, но, в целом, приятным азартом. Да и настроение выправилось.

— Куда собираешься? — вполне дружелюбно поинтересовался Мастерс, подавая теургу пальто.

— Неужели? — изумилась тега. — На меня решили обратить внимание? А я сомневаться начала, не стала ли призраком, сама того не заметив.

Честно, Курой огрызнуться хотела. Но вместо этого тон вышел таким заигрывающе-кокетливым. Аж самой противно. Ну, почти противно.

— Ты же видела, что тут творилось, — усмехнулся оборотень. — Дурдом на выгуле!

— Да уж, я оценила, — хихикнула Каро. — Особенно мгновенное преображение швабры в копьё. Хотя нет! Вот это твоё: «Рикки, ты же мужчина! Ну, подумаешь, слова забыл! Просто представь, что объясняешься в любви самой прекрасной женщине на свете!».

— Сработало же, — оборотень поскрёб когтём бровь.

Надо же, смутился! И умудрился при этом выглядеть вовсе не глупо, а очень даже мило.

— Что и странно, — веселилась Каро. — Не думаю, что шестилетний пацан часто признавался в любви прекрасным девам.

— Мужчина всегда остаётся мужчиной: и в шесть лет, и в шестьсот, — буркнул Мастерс. — И я не виноват, что копьё они догадались из картона вырезать. Понятно, что оно

не дожило до выступления.

— Какой изящный уход от темы! — восхитилась тега. — Просто образец уклончивости.

— И опять же, сработало! — Рон поиграл бровями, как опереточный злодей, перехватив руку теурга и сунув её себе под локоть. — Так, куда ты направляешься?

— Домой. Куда я ещё могу идти? — проворчала Курой. — Поздно уже. Да и, честно говоря, с ног валюсь.

Ворчать её не раздражение заставило, а горячее желание дурашливым тоном протянуть что-нибудь вроде: «А что? Кавалер желает проводить даму?». Ну, или другой идиотизм в таком же — абсолютно дурацком — духе.

— А я хотел предложить пройтись. Погода замечательная, подморозило. Чувствуешь, воздух свежим снегом пахнет?

Мастерс притормозил, глубоко вздохнул. Даже глаза прикрыл от удовольствия.

— Ничего я не чувствую, кроме печного дыма, — призналась Каро, очень стараясь на Рона не смотреть. — Да и откуда в Элизии свежий снег? Его и в начале зимы днём с огнём не найдёшь.

— Нет в тебе романтики, госпожа Курой, — разочаровался сыщик, поднимая воротник куртки. И тоже почему-то глядя в сторону. — Неужели фат не научил? А сам из себя вроде романтичный-романтичный. Прямо принц.

Приподнятое настроение мигом испарилось. Но и привычная досада почему-то не вернулась. Так, эдакая лёгкая грустинка с, в общем-то, сладковатым послевкусием. Но возмущаться ни малейшего желания не было.

— Рон, давай мы просто не станем это обсуждать, а? — негромко попросила тега. — Ну, зачем друг другу нервы трепать?

Мастерс искоса глянул на неё своим новоприобретённым задумчивым-задумчивым, неправильно-серьёзным взглядом. И накрыл руку теурга, лежащую у него на сгибе локтя, ладонью. Даже пальцы пожал легонько. Но опять-таки совсем не романтично, а, скорее, соглашательски.

— Ты права. Ну так как? Пешком или попробуем кеб найти?

Решили идти. Благо до дома Каро от приюта и вправду всего-ничего. Да и вечер хорош: фонари горели мягко приглушённо. Грязь под ногами не чавкала. Народу совсем нет, только иногда поцокает копытами лошадь, да и то далеко. Морозная туманная дымка стелилась по земле, прикрывая уличное убожество. Зато изморозь на стенах домов вспыхивала искорками, словно ёлочная канитель.

Молчали. Тем для разговора не нашлось, да они и не искали. И так хорошо. Оказывается, молчать с кем-то рядом, прислушиваясь к эху собственных шагов, тоже приятно. А чувствовать рядом большого, тёплого, надёжного, по прежнему греющего руку своей почти жаркой, не смотря на отсутствие перчатки, ладонью ещё приятнее. Ну и пусть в этом тоже и на грош романтики не наберётся. Зато так проще и спокойнее.

Правда, когда детективы к дому Курой подошли, мечтательная созерцательность моментально сдулась. А появилась огромная, никак не меньше тролля, неловкость. Каро остановилась возле подъездной двери, аккуратно, будто повредить боясь, вытащила из-под локтя оборотня руку. Зачем-то пальто одёрнула, как шинель перед парадом.

А что делать? На чашку чая звать? Помахать ручкой? Поцелуй воздушный послать? Раньше-то они просто заходили, без всяких обсуждений. Но то раньше.

И Мастерс ей помогать не собирался. Снова стоял, вперившись в стену дома, как

истукан.

— Спасибо, что проводил, — промямлила тега. — А то я бы...

Угу, точно! И что без него сделать не смогла? Дойти? Найти дорогу? Отбиться от толп разбойников?

Рон, ни слова не говоря, кивнул.

— Да, в общем, ещё раз большое тебе спасибо, — чувствуя себя полной дурой, повторила Курой. И пояснила: — Спасибо за то, что... проводил.

Оборотень, чтоб ему у Седьмого хорошо стало, опять кивнул.

— Э-эм, в общем, до завтра, да?

О чудо! Мастерс... кивнул.

— Пока, увидимся в конторе, — изнемогая, протарахтела Каро.

И нырнула за дверь с такой поспешностью, словно за ней-таки гнались те самые толпы разбойников. Но ведь не гнались же. К сожалению.

Глава одиннадцатая

Счастливая неудача: тилишь сук, на котором сидишь, и вдруг ломается ножовка.

По-настоящему тяжёлое утро бывает разным. Например, оно может начаться с приезда любимой тёщи или появления ещё более любимого налогового инспектора. Пробуждение от роты барабанщиков, решивших промаршировать прямо под окнами, тоже комфортным не назовёшь. Да и просто проснуться от того, что на голову кот прыгнул, не слишком приятно. Но самое кошмар — утро, когда в голове колотится всего одна, зато назойливая, а, главное, крайне актуальная мысль: «Что было вчера?».

Кстати, чаще всего колотится она на пару с дикой головной болью и желудком, решившим на белый свет посмотреть.

Не сказать, что такие пробуждения господину Россу были совсем уж чужды. Всякое в жизни случалось. Но подобных ощущений ему не доводилось испытывать уже лет так... много. Алкогольные приключения Алекс оставил в далёкой молодости, и возвращаться к ним в ближайшее время не собирался.

Вот только как-то само получилось.

— Ну вот, — голос Гиккори буравчиков впивался в воспалённый мозг. И от этого под черепом что-то лопалось, как будто туда пузыряей напихали. Наполненных водой из сточной канавы пополам с конским навозом. — Решили мы, что надо территорию зачистить. Ты что-то там колданул, и всё здание факелом вспыхнуло. Пф! — и, считай, одни угли остались.

Вот ведь странность: вечером оборотень на ногах едва держался, отбивался аки лев от устроивших заговор косяков и мебели. Но сегодня провалами в памяти не страдал и выглядел довольно свежим. Брился, перед осколком зеркала, только иногда морщась, будто и у него в голове постреливало. Ну, рука у полицейского слегка дрожала. Оттого левая — уже побритая — щека украсилась царапинами, словно следователь пытался к кошке с неприличными предложениями пристать.

— А сторож? — утомлённо поинтересовался Алекс, измождённо растёкшийся по стулу.

Мокрая тряпка на лбу управляющего то и дело норовила съехать, поэтому альву приходилось её рукой придерживать. Оттого Росс напоминал трагического героя, страдающего от сердечных мук. Хотя как раз сердце, кажется, было единственным органом, решившим работать без перебоев.

— Честно говоря, про сторожа-то я и забыл, — покаялся инспектор, оттягивая сизоватую щеку — качество бритья проверял. — Но ты вспомнил. Вытащили мы его. И даже компот спасли.

— Какой компот?

Росс выглянул из-под полотенца — только одним глазом. Смотреть на Гиккори двумя никаких сил не хватало.

— Вишнёвый, — пояснил полицейский. — В общем, старикана мы там неподалёку в переулке усадили. Вместе с бутылкой. А сами сюда, в Управление убрались. Ты опять в окошко влетел, благо оно у меня только прикрыто. Ну а я так, ножками. Прихожу, смотрю — ты на полу валяешься, будто по башке получил, — собственно, у Росса складывалось точно такое же ощущение. Но упоминать об этом было лишним. — Я теряться не стал и влил в тебя

полбутылки малиновой настойки.

— Зачем?! — простонал альв.

— Да просто видел уже такое же. Там, конечно, не лорд был — полукровка какой-то. Но вот точно как ты вырубился, когда энергию до доньшка вычерпал. Медик тогда и сказал, мол, сладкого ему дать надо. А у меня из сладкого только эта настойка. Прости, варенья с джемами не держим.

— Зато имеешь в наличие неиссякаемые запасы дрянного алкоголя, — отгрызнулся Росс.

— Ну, почему же неиссякаемы? — удивился инспектор, разглядывая бритву. — Вот, иссякли. Почти.

— Ладно, — Алекс попытался встать, но сумел только вытянутые ноги под стул сгрести. Тело пока отказывалось принимать вертикальное положение. — Всё это, конечно, хорошо. Но мне пора.

— Куда это ты собрался? — удивился Гиккори, обернувшись.

Лучше бы он этого не делал. Пока Росс только отражение полицейского видел, да и то часть — осколок зеркала всего с ладонь размером — выглядел оборотень неплохо. В живую куда как хуже. Глаза кровью налиты, словно у быка, под ними мешки, в которых вполне можно монеты хранить, физиономия жёлтая.

— Сдаваться, — коротко ответил Росс.

И всё-таки встал. Правда, пришлось за спинку стула держаться, покачивало альва заметно.

— Куда сдаваться? — не понял следователь.

— Правильно, — согласился Алекс, с облегчением садясь на стул. — Никуда идти не надо. Я уже тут.

— А если по элезийски объяснить, куда это ты рвёшься?

— Сдаваться, — с несвойственной ему бараньей упёртостью повторил альв. — Я же там нафонил как... Даже Каро меня найдёт с закрытыми глазами!

— А что, госпожа Курой такой плохой теург? — заинтересовался Гиккори.

— Теург она хороший, просто...

Росс стянул со стола мокрое полотенце, которое сам же и бросил, собираясь сдаваться идти. И утёр лицо, будто лишние слова пытаясь стереть.

— Ну, вот просто или сложно — я не знаю, — одарив мающего альва долгим взглядом, оборотень вернулся к шкрябанью заросшей за ночь щеки. — Да только ты забываешь, что у полиции-то теурги ещё хуже. А то стали бы мы с вами вязаться? К примеру: есть у нас в Управление старикан, недавно перевели. Так он собственное имя не всегда помнит. И не факт, что на пожарище вообще нас вызовут. Скорее уж пожарные инспектора сами дело закроют.

— Там фон магический такой, что... — начал злиться Росс.

— И чего? — меланхолично перебил его Гиккори. — Ну, хорошо. Заметят они этот фон. Дальше? Уничтожено госучреждение с помощью магии. Это дело какое? Правильно, это дело государственной безопасности. То есть, гбэшники этим и должны заниматься. Пойдут в госдэп пожарники и?..

— И? — послушно переспросил Алекс.

— И дадут им там по шапке за то, что они подлогод занимаются и пытаются спихнуть на серьёзных дядей свою работу. Потому как учреждение государственное, конечно, но всего лишь занюханная комиссия. Кому это в голову придёт против неё магические диверсии

устраивать? Здание старое, сторож тоже. А, может, он и не компот вовсе пил. Кто знает, чего у них там загорелось? Ты вот лучше возьми бумажку, да напиши. Так, мол, и так. Я, Алекс Росс, случайно прогуливающийся по улице Тридцати страждущих, приложил все данные мне Семью силы, дабы огонь не перекинулся на соседние здания. Пожарной команды дожидаться не стал, ибо не фиг.

— Вот так всё просто? — усомнился альв.

— А зачем усложнять? — криво усмехнулся Гиккори. — Пиши, давай. Это вы у нас чистенькие и правильные, на страже закона не стоите. А нам, этот самый закон охраняющий, привычно истину в самых неожиданных местах отрывать. На то она и истина!

— Не поспоришь, — покачал головой Росс.

— А ты и не спорь, — снисходительно посоветовал инспектор. — Лучше подумай, как теперь нам это барахло пристроить по-умному, — оборотень пихнул ногой учётную книгу, валяющуюся на полу. Валялась она не в одиночестве — под столом ещё штуки три лежало, да пара папок с сиротливыми тесёмочными завязочками. — Я их, конечно, только так, мельком глянул. Но, по-моему, интересное найти можно. Но это уж по твоей части. Меня от бухгалтерии тошнит.

— Ну, теперь понятно, почему у тебя физиономия зелёная, — хмыкнул альв, которому снисходительный тон следователя явно не понравился. — Куда я их пристрою? Бумаги фата ты в качестве доказательства отверг. А эти чем лучше? Тем более что они должны находиться в дотла сгоревшем здании?

— Эти лучше, потому что они с печатями и подписями, — делая ударение на последний слог, растолковал Гиккори, с менторского тона съезжать не собирающийся. — Думай-думай, ты лорд или не лорд? У вас от природы голова большая.

С этим бы Алекс и мог поспорить. В данный момент его голова не по воли природы пухла. Но подумать действительно стоило.

* * *

Яте аккуратно прикрыл за собой дверь лаборатории — не из любви к тишине. Просто боялся раздолбать её вместе с косяком, стеной и половиной конторы. Фея страдала. И от её тихих и жутко жалобных всхлипов деваться некуда, даже в кабинете у Алекса это щенячье поскуливание слышно. Разве что на улицу сбежать. А нельзя. Росс чётко сказал: «Остаёшься здесь и приглядываешь за ней!». И так перед боссом проштрафился — дальше некуда. Вот и будь любезен сидеть и сопли подтирать.

Потому что, собственно, тегу больше делать и нечего было. Побои, конечно, выглядели жутко. Но именно что выглядели. Никаких действительно серьёзных повреждение Курой не обнаружил. А синяки с ушибами заживали на нежной феечке, как на орке.

Но — видят Семеро! — лучше б уж она в коме валялась! Стенания заказчицы действовали на нервы, выматывали душу, капали на мозги. И доводили Яте до состояния невменяемости. Он вообще рыдания, особенно женские, с трудом переносил. А тут же даже не рывкнешь: больная, да ещё клиентка. Но, прежде всего, больная. На всю голову. Отравленная жестокой судьбой, трагической гибелью сестёр, отцом-тираном, равнодушным женихом и общей неустроенностью жизни.

Оставалось только сбежать. Но далеко ли убежишь в конторе?

Входная дверь распахнулась, привычно и довольно равнодушно ботнув в стену. Ворвавшийся вихрь из меха и зелени повис у тега на шее.

— Я соскучилась! — прошелестело на ухо.

На эксперта пахнуло весной, свежестью, талой водой и ещё чем-то таким и эдаким.

— Ты что здесь делаешь? — ошалело просипел Яте.

Впрочем, в том, что фразу ему удалось целиком выговорить, медик был не уверен. Как и в том, реальна ли дриада, нежно к нему прильнувшая, или это галлюцинации на почве нервного переутомления начались.

— В том симпатичном кабинетике кто-то есть? — мурлыкнуло дивное виденье.

Курой неуверенно оглянулся, убедившись, что «кабинетик» Алекса действительно выглядит довольно мило. И пусто. Эксперт кивнул. А потом и головой помотал — для уверенности.

— Очень своевременно, — улыбнулась девушка.

Ну а следом грянуло цунами.

Яте понятия не имел, сколько прошло времени: может быть, полчаса, может, полсуток, а, возможно, и вечность. Но цунами схлынуло, уползло обратно в океан, оставив на берегу обломки и искорёженный труп тега. Кажется, носившего фамилию Курой — в этом медик клясться бы не стал, ибо уверенность отсутствовала. Сообразить бы, где ноги с руками. А голова с киселём, мозгами называемым, повременит — не до неё.

Дивное виденье уселась на край стола, оперлась обеими руками, задумчиво глядя в окно и меланхолично болтая голыми ногами.

— Что там? — разбойничьим голосом просипел тег.

— Снег снова пошёл, — элегически ответила дриада. — Слушай, я забыла, зачем к тебе пришла...

— А-а... — поражённый до глубины души, о наличии которой и не подозревал, Яте даже нашёл силы, чтобы соскрести себя со столешницы. В смысле, голову эксперт поднять сумел. — Я думал... Да. Так зачем ты пришла?

Курой очень не любил чувствовать себя дураком. Ненавидел просто. От чрезмерно болезненного самолюбия все теги страдали, но некоторые мучились особенно остро. Так вот, Яте входил в категорию «лучше даже не трогать». Сейчас же то самое самолюбие корчилось в агональных судорогах, истерически попискивая.

Ну а что может быть глупее, чем мужик со спущенными штанами, медузой распластавшийся по столу? Да ещё только что узнавший: юная прекрасная дева навестила его не из горячего желания видеть, а по делу? Взрыв же страсти, по всей видимости, шёл приятным бонусом.

Кровь предков требовала немедленного ритуального самоубийства. Приобретённая практичность велела принять вид, будто всё идёт по плану. Ну, ещё штаны подтянуть.

Курой решил, что самоубиться никогда не поздно. Но одежду в порядок привёл.

— Вспомнила! — радостно воскликнула дивное виденье и даже в ладоши хлопнула от избытка эмоций.

— Ты бы оделась, — мрачно посоветовал Яте, старательно косясь в сторону. — Холодно, простудишься.

— Дриады простудой не болеют, а ты ханжа! — надула губки... как же её звали? Лали? Лулу? Отец-доктор точно как-то называл и именно такой дурацкой собачьей кличкой. Всё не досуг как-то спросить. — Я тебе, между прочим, помочь хотела.

— Ты и помогла... — Курой осёкся, нервно причесав пятернёй чёлку. — В смысле... Там, в приёмной доктора... — по всей видимости, когда за шиворот за порог вытащила? — Я имею в виду...

— Как же мне это нравится... — мурлыкнула дриада, оказавшаяся вдруг близко-близко — тег и не заметил, как она на его стороне стола очутилась. Только что дулась, болтая ножками, а уже стоит на четвереньках: тёмно-зелёные, словно дымкой подёрнутые глаза — огромные. Губы припухшие. А дальше... одежды нет. Ну, совсем ни лоскута. — Как ты мне нравишься! Бешеный воин, на куски рвущий, в крови купающийся. И такой робкий... Правда, не всегда робкий, и порой совсем не застенчивый. Те-ег...

Прозвище, которым его на ринге называли, томно растянутое и сказанное так, будто красавица его по языку перекатила, как карамель, прозвучало неприлично. Совсем неприлично. Так, что Яте подавился желанием уточнить: кого это он на куски рвёт и в чём робеет.

— Но времени мало, — абсолютно деловым тоном закончила дивное виденье, встав на колени, сладко потянувшись. — Папенька уже, наверное, заждался. Я же только на два часа отлучилась, — теперь Курой точно знал, что чувствуют во время инсульта. Неприятное ощущение, даже если причина удара... привлекательная. — Ты моего корсета не видел?

— А-а... Э-э... — ну а что такого? Нарушение речи при мозговых кровоизлияниях дело обычное. — Это не он?

Тёмно-зелёные, ставшие отчего-то почти чёрными глаза опять замаячили прямо перед носом тега.

— Ты его порвал! — восхищённый вздох заставил все волоски на коже эксперта дыбом встать. — Седьмой, как же ты мне нравишься!

И глаза куда-то делись.

Чтобы взгляд сфокусировать, Курой пришлось приложить немало усилий. А вот дриада на противоположном конце стола преспокойно чулочки натягивала. Фокус снова подёрнулся дымкой.

— Так о чём я? — откуда-то издалека рассуждала дивное виденье. — А, точно! Про фей. Просто хотела тебе сказать, что их старшая сестра — я тело помогала к похоронам готовить, после того, как бедняжку папенька осмотрел. Так вот, выглядела она очень измождённой, будто её голодом морили. А ещё на столике флаконы с лекарствами стояли. Этот господин фат сказал, что она от бессонницы страдала. Но маковое молоко в такой концентрации при расстройствах сна не принимают.

— Чего?

Яте тряхнул головой, пытаясь сосредоточиться.

— Настойка опия, — дриада оглянулась через плечо. — Когда её для дам прописывают, снадобье едва ли не прозрачное. А у той феи оно почти как настоящее молоко было. И от другого флакона чесноком тянуло.

— Мышьяк? — тупо переспросил эксперт.

— Ну, я же не пробовала, — беспечно откликнулась красавица, спрыгивая со стола.

— А почему ты раньше не сказала?

— Когда бы? — девушка прогнулась, застёгивая платье. Тег сухо сглотнул. — При папеньке? Так он велел тебе только записи отдать. И с чего бы мне помогать? Я же не знала, что мы встретаться станем.

— Мы встречаемся?

— А ты до сих пор не заметил?

После улыбки, которой Курой дева одарила, эксперт и слона бы не заметил, вздумай он в контору вломиться. Кажется, у Яте по-прежнему наблюдались серьёзные трудности с восстановлением мыслительных способностей.

* * *

О своей почётной роли няньки Яте вспомнил только, когда за дриадой дверь закрыл. Честно говоря, тег о возложенных на него обязанностях и вовсе бы позабыл, не появись эти самые обязанности — в смысле, опекаемая — на пороге лаборатории. Вид при этом у феи был... Наверное, именно с таким лицом заслуженная жена встречает загулявшего супруга: скорбь, обида и сдержанное, но праведное негодование.

— Господин Курой, что вы себе позволяете? — голосок заказчицы заметно подрагивал. То ли от негодования, то ли от того, что её всё-таки собственный папаша душить пытался и гортань помял — не разобрать. — Как вы можете заниматься такими... Такими непотребствами, зная, что за стеной нахожусь я?

Курой мрачно оглядел клиентку от идеально уложенных золотистых кудрей — и как она только умудряется причесаться в помещении, где из удобств имеется только старый диван, местами ржавый умывальник и мутное зеркало? — до мысков тувфелек, выглядывающих из-под потрёпанного, хоть и чистого лабораторного халата.

— А что, присоединиться захотелось? — хмуро поинтересовался тег, никогда не стеснявшийся хамить даже прекрасным и невинным девам.

Впрочем, как раз прекрасным и невинным он хамил с особым удовольствием. А всё ещё поскуливающее самоуважение требовало реабилитации.

— Да как вы можете? — возмущённо ахнула феечка.

И тут же охнула, коснувшись ободранными пальчиками щеки, которую от виска до подбородка украшал роскошный синяк, уже вылинявший до желтизны с краю. Зато переливающийся всеми цветами радуги в серёдке.

— Тебе рассказать, как я могу, или лучше показать?

Курой охлопал себя в поисках папирос. Курева не обнаружил, зато вытащил из кармана подвязку, пахнущую весной, свежестью, талым снегом. Никакого дамского белья эксперт себе в пиджак не пихал — это точно. Но настроение тега резко до небес взлетело. И в душе зародилось что-то, подозрительно похожее на любовь ко всему миру.

— Не смейте меня оскорблять! — от возмущения фея даже ножкой топнула. — Я приличная чистая девушка и...

— Переигрываешь, — заметил Яте, копаясь в секретарском столе, оккупированный Каро. Странно, но и там папирос он не обнаружил. — Если ты такая приличная и чистая, то откуда бы понять, что за стеной происходит... непотребное?

— Но у меня же есть уши!

— Тем более, — непонятно буркнул эксперт, направляясь к кабинету Алекса.

— Перестаньте мне тыкать! — выкрикнула клиентка, наливаясь густым багрянцем. — Вы... Вы... Мужлан! Хам! Настоящий тег!

— Достала! — глянув исподлобья, сообщил «настоящий тег».

Неизвестно, чем бы всё закончилось, так как Курой ничего против применения силы к

истерящим дамочкам не имел. А вот предубеждения в плане насилия над клиентами присутствовали. Да и фею Яте, кажется, успел допечь основательно. И, как показывала практика, заказчица тоже не чуралась отстаивать свою точку зрения кулаками. Но в этот напряжённый момент, естественно, распахнулась дверь.

Сначала эксперту примерещилось, что в конторе свет погас. Но лампы исправно продолжали гореть. Просто вошедший уж слишком велик был. А чёрная одежда только прибавляла объёмов. Да ещё и рожа, с одной стороны обожженная — келоидные рубцы^[8] стягивали кожу, от чего казалось, что нос у парня свёрнут на сторону и губы растянуты в ухмылке — смотрелась весьма угрожающе. Впрочем, такие ребята и без дополнительных «украшений» безобидными не выглядели.

Громила шагнул вперёд и тут же в сторону. Огляделся, ворочая бревном шеи, тега не замечая вовсе.

Следом на пороге нарисовался ещё один. Этот габаритами не поражал, скорее наоборот. Судя по абсолютно седой щетине, обрюзгшему подбородку и оплывшей фигуре, фат был немолод, что, видимо, не мешало ему одеваться модно и даже франтовато. К сожалению, лица посетителя Курой не разглядел — тень от низко надвинутого цилиндра мешала.

— Господин Курой! — заверезжала феечка. — Не отдавайте меня ему! Не отдавайте меня отцу! Убьёт!

— Это мы ещё посмотрим, — заверил Яте, крутя головой, разминая шею и плечи. — А ты — в лабораторию!

— Серьёзно? — ухмыльнулся бугай, глядя сверху вниз на тега, который ему и в прыжке бы макушкой до уха не достал.

Морда у него при этом ещё пакостнее стала. И так до конца не опускающаяся губа, дёрнулась, в уголке рта вспух пузырёк слюны.

На ринге таких уродов любили.

— Малыш, отойди в сторону, — миролюбиво посоветовал громила, — не путайся под ногами, а то ведь придавлю ненароком.

Отвечать Курой не посчитал нужным. И чего с ним разговаривать? Большой шкаф громче падает, да и противников своего роста тег давненько уже не встречал. А у таких вот великанов колени — место слабое.

О своих слабостях шрамомордый знал прекрасно, вовремя убирать конечности научился и с тегами явно не в первый раз встречался. Поэтому эксперту пришлось проявлять чудеса ловкости и скорости. Не поспешишь — останешься украшать стены «Следа». На это бы и одного удара бугая хватило.

Ну а дальше пошло весело и прытко. Наверное, со стороны бой зайца с медведем выглядит забавно. Но ни тому, ни другому не до смеха было. Яте схлопотал-таки — хорошо стулом и вскользь. Правда, и громила целым не остался. Почему то мужчины не ожидают от противников своего же пола особо подлых ударов. И зря — снизу бить очень удобно.

Мебели не жалели. Особенно усердствовал гигант, решивший, видимо, что прихлопнуть назойливого «малыша» проще, чем гоняться за ним. Жаль только, что стулья и стеллажи агентства на такое применение рассчитаны не были — щепки и обломки досок летели во все стороны. Папки, так и не систематизированные Каро, разлетались чайками, осыпая дерущихся белым листопадом.

Ни удовольствия от боя, ни упоения, ни экстаза Курой не ощущал. Не до собственных чувств, когда нужно ещё и за визжавшей, так и не убравшейся в лабораторию, феечкой краем

глаза следить. Да и на фата, в дверях стоять оставшегося, посматривать. А дело затягивалось и принимало нежелательный оборот. Парень, явно учившийся драться не в элизийских подворотнях, начал наседать всерьёз, норовя зажать тега в угол. Пора было появиться и приятной неожиданности.

И удача не преминула улыбнуться. На рассыпанной бумаге гигант и поскользнулся, а Курой ему ещё и помог упасть. Здание содрогнулось, кажется, аж до подвала. Эхо от грохота гулко прокатилось по коридору. Тег невольно поёжился — если эдакая туша на тебя рухнет... Но долго рефлексировать не стал, оседлал громилу — видят Семеро, как на слона залез! Такого умаешься по роже колотить, дожидаясь, пока вырубится. И так затылком приложился неслабо, а уже шевелится. Тут...

Тут-то потолок на Курой и рухнул. А, может, это контора, не перенеся эпического падения громилы, развалилась. Так или иначе, а тьма Яте накрыла.

* * *

Всё-таки умные идеи нужно реализовывать своевременно. Вот решил, что необходимо ритуальное самоубийство — и сделал. Не страдал бы теперь ни физически, ни морально. А то голова разламывается, будто её раскололи, потом осколки собрали с помощью дрянного рыбного клея, да ещё и внутрь воды налили. Совесть в муках руки заламывает, самолюбие поглядывает на хозяина с укоризной, мол: «Я, такое замечательное — и кому досталось?». Да ещё и от голоса Рона, тошнит. Понятно, что на самом деле мягкий баритон оборотня не при чём. Но кажется, будто желудок именно из-за него недовольно ворочается. А ещё болотная зелень маячит.

— Побывали мы у аптекаря, у которого мадам зелье берёт. Естественно, он никакого Призрака в глаза не видел и ничего о нём не слышал, — продолжал бубнить Мастерс, словно с листа начитывал. — Даже любезно предложил предоставить все рецепты, по которым опиумные настойки и пилюли делал. Если мы судебское разрешение покажем. Но, вообще, это крысучихин труд. Во-первых, купить можно по любому рецепту, хоть по тому, что этой женщине выписали. Главное, о дозировках с аптекарем договориться. Во-вторых, никакого рецепта у Приз... у подозреваемого, понятное дело, не было. Просто так ему продавали, по дружбе. А, в-третьих, в аптеке он действительно наверняка давным-давно не появлялся. Надо по опиумным курильням искать. Да разве же их все обойдёшь?

Яте сдвинул на темя пузырь со льдом, глянул на Росса. Начальство изволило пребывать в меланхолии. Нынче альв отличался особо аристократичной бледностью. Скулы заострились, под глазами, которые он прикрытыми держал, будто не в силах на подчинённых смотреть, синева. Говорил мало и скупно.

Да, собственно, атмосфера, царившая в агентстве, к веселью не располагала. Все сотрудники были хмурны, мрачны и насуплены. А чему радоваться? О своих успехах Алекс не распространялся, но видно, что до особых высот и он не добрался. Остальные же могли только о сплошных «не» отчитаться: не нашли, не обнаружили, не узнали. Хотя нет, имелся один момент без «не»: заказчицу они про... пролюбили. Вот этот факт и по репутации бил, и по карману. Как известно, покойники не платят.

Курой опять глаза закрыл. Нет, определённо, ритуальное самоубийство — это здравая идея. Правда, теперь её реализовать никто не даст.

— Яте, ты не вспомнил, кто тебе по голове дал? — дождавшись окончания доклада оборотня и изрядно помолчав, поинтересовался Росс.

— Говорю же, не видел я, — крайне неохотно отозвался тег. — Сзади долбанули. Может, сам Олэан. А, может, кто-то третий подошёл, — затошнило сильнее — то ли от того, что заговорил. То ли от осознания себя конченным идиотом и раззявой. — Но я тут кое-что новое узнал. Старшая из сестёр перед принимала опиум и, возможно, мышьяк. На момент смерти выглядела очень измождённой.

— Откуда новости? — осведомился Алекс.

Наверняка, откидываясь на спинку кресла. Яте не видел. Не было у него сил на начальство смотреть.

— Птичка принесла, — хмуро буркнул тег.

— А птичка тебе не напела, зачем фее опиум с мышьяком глотать?

— Нет, не напела! — огрызнулся эксперт. — Не медик она. Точнее, не совсем... Короче, не знаю я!

— Не медик? — осторожно пискнула сзади Каро. — Ты хочешь сказать, что это лекарства такие?

— Нет, Седьмой, отравка это! — взбеленился тег и резко сел.

Делать этого явно не стоило. Мир моментально накренился и начал уплывать в сторону, прихватив с собой изнывающий желудок. Зато в затылке будто бомба рванула. Но лечь обратно гордость не позволила. Остался сидеть, тратя жалкие остатки сил на то, чтобы не скончаться в корчах.

— Что-то я не понял про отраву и лекарства, — пробухтел Мастерс.

Ну, вот неймётся им!

— Опиум принимают как обезболивающее, успокоительное, снотворное, — цедя слова сквозь стиснутые зубы, начал пояснять Курой.

— Это понятно, — перебила нетерпеливый теург, — я вот про мышьяк...

— Ты замолчишь сегодня? — рыкнул доведённый до ручки Яте. Хотел было глянуть на неугомонную тегу эдак убийственно, да передумал. Это ж оборачиваться надо и глаза открывать. — Мышьяком тоже много чего лечат. Сифилис, например! Скоро у тебя будет возможность...

— Так. Давай по порядку, — подал голос Алекс. — Понимаю, что сходу причины не назовёшь, но хоть предположи, отчего её так лечить могли.

— Ну, тут вариантов не много, — неохотно успокаиваясь, ответил эксперт. — Мышьяк используют в мазях, которыми шанкры и язвы пользуют. И при том же сифилисе бывают сильные боли. Ещё так традиционно опухоли внутренние лечат. Особенно приверженцы старой школы. Новые-то всё больше на скальпель полагаются.

— Вопрос! — снова оборотень. — А как понять, скончался больной от болезни или от лечения?

— А никак! — психанул Курой. — Выздоровел — молодец! А нет, значит, Седьмой к рукам прибрал. Чего ты от меня хочешь? Есть методика и...

— Мы можем узнать, кто наблюдал фею? — это опять Росс встрял — великий миротворец.

— Как?! — прошипел Яте. — Телепатически с нашей заказчицей связаться?

— Н-да, — хмыкнул управляющий и ногтями по столу забарабанил. Тег чуть не взвыл — сдержался. — Подводя итог, можно сказать, что у нас три пути: разрабатывать возможное

убийство дочерей, неблагоприятные дела их папаша, из-за которых фей могли убить. И искать Призрака, который явно связан с господином Олэан, или заказчицу.

— Путей-то три, — мрачно буркнул оборотень, — нити ни одной.

— Ну, не скажи, не скажи, — протянул альв. — Махинациями фата я сам продолжу заниматься. А вот... — кресло скрипнуло, видно, управляющий устроился поудобнее. Наверняка облокотился, прикрыв ладонью лицо — думает. — Старшая сестра умерла незадолго после того, как они из пансионата вернулись. Если взять за аксиому, что она больна была, то воспитательницы об этом осведомлены. Так что, езжай-ка ты Рон завтра вместе с госпожой Каро в школу, поспрашивайте. Может, чего полезное и узнаете. А ты, Яте, вместе со своей птичкой попытайся, разузнать, в какой аптеке покупали снадобья для старшей сестры.

— Как я это узнаю? — опешил Курой и даже глаза открыл. — Ты в курсе, сколько в Элизии аптек?

— Понятия не имею, — беспечно отозвался альв. — Кстати, подумайте ещё об одной странности. Если старшая дочь действительно была больна, то почему отец этот факт скрывал? Правда, она, конечно, могла на самом деле от... стыдной болезни страдать.

— Во сколько же это надо подцепить заразу, если к восемнадцати годам уже опий требуется? — возмутился Курой.

— Ты медик, ты и думай, — посоветовал Росс.

Нет, всё-таки очень удобно быть начальством. Раздал приказы — и пусть подчинённые корячатся. Как абсолютно невыполнимые распоряжение в жизнь воплотить — это их головная боль. На то они и исполнители. А то, что и без зубодробильных задачек череп лопается, никого не интересует.

Глава двенадцатая

Как сделать хорошо? Сделай плохо, а потом так же, как было.

Как ни странно, но школа, в которой воспитывались сёстры Олэан, находился на окраине Элизия, но всё же в черте столицы. Как правило, состоятельные родители предпочитали отсылать своих чад в сельские районы — подальше от смога и соблазнов городских улиц.

Правда, пансионат выглядел по-настоящему милым. Большой четырёхэтажный особняк в имперском монументальном стиле стоял в глубине самого настоящего парка. Да и высокий кованный забор здесь служил не только украшением — Каро заметила самые настоящие охранные обереги, поднимающие дикий шум, как только злоумышленник рискнёт через пики перелезть.

О воспитанницах в этом заведении явно заботились. Пока привратник детективов к парадному входу вёл, через голые ветки кустов Курой разглядела девочек, рассекающих на коньках по замёрзшему пруду: румяные мордахи, одинаковые пушистые шубки и визг, от которого с деревьев изморозь испуганно сыпалась. В общем, идиллическая картинка счастливого детства.

Сам пансионат показался теургу довольно сумрачным и излишне чопорным, но даже в холле было тепло и пахло приятно: корицей, кофе и немного книжной пылью. Дежурная воспитательница же, вызванная привратником, встретила посетителей несколько удивлённо, но приветливо. И сразу же согласилась проводить к директору.

А вот местное начальство теге не понравилось. Слишком уж яркие воспоминания о собственном детстве навевала директор: высокая, сухопарая, смахивающая на палочника. И до безумия похожа на классную даму Каро. У той тоже очки безжалостно стягивали хрящеватую переносицу так, что багровый след оставался.

Сыщиков женщина приветствовала сухо, по-деловому, но вежливо. И совсем расслабилась, узнав, что никаких конфиденциальных сведений от неё не требуется.

— Госпожа Олэан, как я понимаю, ваша клиентка, несколько дней назад написала мне, предупредила, что вы можете нанести визит, — неодобрительно качнула туго стянутым пучком волос дама, приглашая посетителей присаживаться. — И велела откровенно ответить на ваши вопросы. Это, конечно, её личное дело. Но понимаете, мы дорожим репутацией заведения...

— Она нисколько не пострадает! — вытаскивая из заглазника свою самую обаятельную улыбку, заверил Рон. — И, поверьте, нас интересуют только общие вопросы. Какие отношения были между сёстрами, как они общались?

— Практически никак не общались, — развела руками директриса, усаживаясь в кресло, чем-то неуловимо, но навязчиво напоминающее трон. — По крайней мере, в пансионате. Они обучались в разных группах, жили в разных комнатах. На занятиях не пересекались. Да и тяги к общению, по-моему, не испытывали. Следует отметить, что все три девочки Олэан отличались замкнутостью. И очень неохотно шли на контакт, как с воспитателями, так и с детьми.

— Ну, может, вы хоть пару слов скажите об их отношениях, о семье? — оборотень подогрел улыбку, лучась добродушным обаянием. — Всё-таки педагог с вашим стажем даже

не видя семью, способен сделать выводы.

— Я не очень люблю давать оценки воспитанницам. А уж об их родственниках вообще предпочитаю не говорить, но... — директриса смущённо поправила очки, которые и так не собирались никуда съезжать. Видимо, дама душой не кривила и действительно сплетничать не любила. — Лучше расскажу о том, чему была свидетелем лично.

— Мы само внимание! — заверил оборотень и даже вперёд подался — внимать приготовился.

— Понимаете, оплату за содержание воспитанниц опекуны нередко задерживают. Я бы даже сказала, что часто. Гораздо чаще, чем нам хотелось. И как ни странно, перевести деньги забывают как раз достойные и далеко не бедные родители. Что же нам делать в подобной ситуации? Дирекция просто вынуждена вести себя весьма назойливо, напоминать. Сначала, конечно, письменно. Но если это не действует, то приходится и лично навещать.

— И как же отреагировал господин Олэан, когда вы о долге напомнили? — не удержалась Каро.

— Раздражённо, — директриса глянула на тегу... недобро. Теург тут же уткнулась в свой блокнот — ну просто примерная ученица. — Только дело не в этом. Этот фат мне вообще странным показался. Конечно, мой визит ему удовольствия не принёс. Правда, ничего не скажу, вёл он себя достойно. Извинился, тут же чек выписал. Но пригласил, почему-то, не в свой кабинет, а в столовую. И только потом, будто спохватившись, предложил чаю. Я, конечно, согласилась. И, признаюсь, не только ради ответной любезности.

Строгая дама снова поправила намертво сидящие на носу очки, теребя уголки бумаг, аккуратной стопочкой сложенных на столе.

— Понимаете, у меня есть слабость — фарфор с восточных островов. Мне в наследство досталась чайная пара и кувшинчик. Вот с тех пор и собираю книги, изображения, — директриса, старательно косясь в сторону, понизила голос до шёпота. — Даже купила за совершенно баснословные деньги блюдечко.

— Прекрасно вас понимаю, — интимно ответил Мастерс. — Эта голубая роспись — просто чудо какое-то. И огромная редкость. С довоенных-то времён немного осталось и цены на них беспредельные!

— Приятно встретить настоящего ценителя, — пергаментные щёчки директрисы слегка зарумянились. — Так вот, в столовой Олэанов была горка^[9], просто снизу доверху уставленная посудой с Островов. И я не могла отказать себе в удовольствии рассмотреть эту прелесть. Хозяин, несомненно, заметил мой интерес и не одобрил его. Даже не предложил подойти поближе. Кстати, подавая чай, служанка сервировала стол очень приличным фарфором, можно сказать, дорогим. Но отнюдь не восточным.

— Вероятно, своими раритетами Олэан предпочитал только любоваться? — предположил оборотень.

— Конечно, — дама покраснела ещё сильнее, — но мне так хотелось рассмотреть чудные вещишки... Простите, я опять отвлеклась, хотела о другом рассказать. Так вот, когда мы пили чай, в столовую вбежала малышка Элия — младшая из сестёр. Девочка буквально взахлёб рыдала, трясла какой-то тряпкой. Я и не поняла сначала, в чём тут дело. А отец повёл себя неадекватно. Вместо того чтобы успокоить ребёнка и расспросить, фат начал жутко кричать. Просто ужасно. Он, не побоюсь этого слова, пришёл в бешенство.

Директриса замолчала, поджала и без того практически невидимые губы. От чего её лицо ещё больше начало смахивать на череп. Переложила стопку бумаги на другой угол стола.

— Поймите, я никого не сужу и не осуждаю. И искренне считаю, что телесные наказания детей порой необходимы. Но, во-первых, Элии тогда едва десять исполнилось. А, во-вторых, бедняжка всегда отличалась некоторой... тугодумностью. Да и с дикцией девочки трудности наблюдались — ситуация выправилась только годам к пятнадцати. Ребёнок ещё и в истерике... В общем, всё это уже с жестокостью граничило.

— И чем же закончилось дело? — поторопил даму оборотень.

— В конце концов, оказалось, что тряпка, которую Элия принесла — это шёлковая вышитая подушка всё с тех же Островов, — уже неохотно, будто против собственной воли, продолжила дама. — Точнее, наволочка. Как я понимаю, вещица тоже недешёвая. Так вот, малышка её порвала. И когда господин Олэан это понял, он ударил дочь. Понимаете, не просто пощёчину дал, а ударил так, что девочка к стене отлетела.

— А вы? — сочувственно поинтересовался Мастерс.

— А что я? — женщина пожалала плечами. — Возмутилась, попыталась возвать к его разуму и родительскому долгу. Но мои внушения впрок не пошли. Никогда не забуду его фразу: «Дети и эльзара не стоят, зато обходятся недёшево!». Ну а теперь судить сами, какие нравы в этой семье царили. Пожалуй, ничего больше я добавить не могу.

* * *

Доктор, курирующий пансионат, оказался милым, добродушным старичком с эдакой лукавой усмешкой: «Я всё про вас, молодые люди, знаю, ничего от меня не скроете!». Но в целом приятным и разговорчивым дядечкой, немедленно поведывавшим, что практику он оставил ещё десять лет назад, ибо «на безбедную старость заработал». Что из семьи у него только старая собака, а от девочек-воспитанниц он заряжается молодой энергией. И подмигнул плутовски, словно в этой подзарядке что-то неприличное имелось.

Конечно, про старичков-развратников Каро слышала. Прада, сильно сомневалась, будто конкретно этот сморчок ещё на что-то серьёзное способен. Но, как говорится, каждому своё. Хочет выглядеть извращенцем — да, пожалуйста. Только Курой врач мгновенно разонравился.

Зато Мастерс с дедом слёту общий язык нашли. Напрочь забыв о теурге, живенько обсудили «молодую энергию» и её влияние на игру в крокет. Сошлись на том, что врачую старушек с мигренями долго не проживёшь. И пребывание рядом с молодыми-здоровыми-симпатичными воодушевляет. И только после этого, безумно друг другом довольные, к делу перешли.

— Эния Олэан, — протянул доктор, поудобнее в кресле устраиваясь. — Как же, как же, помню. Старшая из сестёр. Очень милая девочка. С детства страдала малокровием^[10] и склонностью к обморокам. Но прелестное дитя, такое любознательное.

— А вы всех своих пациенток помните? — не слишком дружелюбно поинтересовалась Каро, вдоволь намолчавшаяся в кабинете директрисы.

— Ну, конечно же нет, любезная барышня, — разулыбался старичок. — Но, видите ли, три сестры в пациентках, да ещё и феи, да ещё и в пансионате — явление редкое. Честно

говоря, я, кроме них, фей-то и не лечил. Признаться, в юности увлекался антропологией. Поэтому данными воспитанницами сразу заинтересовался. Да и малышка Эния требовала постоянного внимания. Малокровие у неё прогрессировало, особенно зимой и весной ранней. С постели почти не вставала. Да и с младшенькой повозиться пришлось. Имелось у меня подозрение, что она не приспособлена для обычного обучения.

— То есть, вы считали девочку умственно неполноценной? — выпалила Курой, делая пометку в блокноте.

— Каро! — укоризненно скрипнул Мастерс.

— Вам бы врачом быть, барышня, — дробно рассмеялся старичок, — с такой-то прямолинейностью и цинизмом. Нет, неполноценной я бы её не назвал, но некоторое отставание в развитие наблюдалось. Да-с. Правда, когда она в возраст входить стала, положение выправилось. Хотя гением мысли я бы её всё равно не назвал.

Тут теургу даже и возразить нечего было. И по её убеждению клиентка умом не блистала.

— А средняя? — влез оборотень.

— Тут ничего не могу сказать, — развёл руками врач. — Может, пара простуд, ушибленный палец, но не более того. С ней мне не приходилось общаться.

— Значит, говорите, малокровие, — задумчиво проговорила Каро, покусывая кончик пера. — А чем его лечат?

— Прогулки, свежий воздух, усиленное питание, — охотно ответил сморчок. — Ещё морской воздух весьма полезен. Но вам, барышня, волноваться нечего. Несмотря на субтильность, данное заболевание вам не грозит.

— Ну а лекарства какие-то принимают? — настаивала теург, решив заигрывания доктора игнорировать.

— Лекарства? — переспросил врач. И посерьёзnel. — Значит, всё же мои подозрения подтвердились?

— Какие же у вас подозрения были? — рассеянно спросил Мастерс, поглядывая в окно.

Только Каро-то видела, как оборотень прищурился едва заметно — заинтересовался.

— Да видите ли, друг мой, уже перед тем, как пансионат покинуть, госпожа Олэан стала чаще на недомогания жаловаться, на слабость и головокружения. Кушала плохо. И этой ей... э-эм... не на пользу шло. Как бы покорректнее выразиться при юной барышне...

— Юная барышня знакома со значениями слов «рвота» и «понос», — обиделась тега.

— Вомитус и диарея, — хитровато поправил доктор. — Вот первое с ней и случалось. Я настаивал на более тщательном обследовании, но на это нужно было заручиться согласием родителей. А папаша — очень не приятный фат, доложу я вам! — отказался в самой категоричной форме. Вроде как у них семейный врач имелся. Ну и вскоре дочерей он забрал. Сразу всех трёх, младшим даже доучиться не дал. Так от чего бедняжка скончалась?

— Сказали, будто сердечный приступ случился, — машинально ответила теург.

— Каро! — прошипел Рон.

— Приступ? — задумчиво протянул сморчок, пожевав губами. — Что ж, вполне возможно, вполне. Малокровие, как и другие симптомы, встречаются при сердечных аномалиях даже у столь юных особ.

— Скажите, а... — начала Курой.

Но закончить ей не дали.

— Большое спасибо! — сердечно поблагодарил доктора оборотень, разулыбавшись во

все зубы. И, вздёрнув теурга едва ли не за шиворот, поволок её к двери. — Вы нам очень помогли. Просто невероятно! Будет приятно встретиться снова. С таким интересным собеседником всегда найдётся, о чём поговорить.

— Ну и что это было? — поинтересовалась Каро, когда Мастерс ей уже к воротам пансионата отбуксировал.

Предварительно не забыв в пальто упаковать и расшаркаться со всеми, кто по дороге встретился.

— Это мне у тебя спрашивать нужно, — мрачно буркнул оборотень, мигом растеряв всё своё обаяние. — Ты с чего вдруг откровенничать взялась?

— Просто хотела уточнить некоторые нюансы! — возмутилась тега.

— У Яте выяснишь. Ты что, не понимаешь?.. А!

Рон махнул рукой, мол: что с тебя взять?

— Да, прости, — Курой смущённо почесала кончик носа. — Действительно, не стоило. Не права.

Мастерс глянул удивлённо, хмыкнул, но комментировать не стал.

— Правда, у меня вопросов появилось больше, чем ответов, — не слишком элегантно ушла от темы Каро.

— Это каких же? — без особого энтузиазма поинтересовался сыщик.

— Ну, смотри. Почему феи действительно воспитывались в пансионате? У них же это не принято. Они закрыто живут и детей в семье воспитывают. Почему папаша Олэан забрал всех трёх дочерей разом? Куда девались из квартиры все сокровища, про которые директриса рассказывала?

— Тебя только это заинтересовало? — усмехнулся Рон.

— Да нет, не только это. Но ты меня с мысли сбил. Правда, я кое-что пометила... — насупилась тега.

— Значит, разберёмся, — заверил её оборотень.

Шагнул ближе, заботливо поднял воротник пальто, пуговицу застегнул, заправил под шляпку выбившийся локон. Посмотрел странно, будто сказать что-то хотел. Каро ждала — сама уже решила поговорить, расставить все точки. Ещё вчера решила. Но оборотень промолчал. Только буркнул, что сейчас кеб найдёт и отошёл.

Всё-таки иметь дело с мужчинами иногда невероятно сложно.

* * *

Приёмная «Следа» представляла собой грустное зрелище. Видимо, Алекс вызвал уборщиков, и последствия разгрома убрать уже успели. Но голая комната, без картинок на стенах, стола и кресел, будто вытащенных из прогоревшего провинциального театра, смотрелась убого. И только стойкая пальма у окна упорно тянула к потолку чахлые листья. Растение явно намеревалось пережить и сыщиков, и контору.

Грустно вздохнув и искоса глянув на Мастерса, не впечатлённого общей убогостью, Каро сняла пальто, повесила в шкаф, пригладила волосы, одёрнула пиджак. В общем, подготовилась морально к серьёзному разговору. Но ей опять даже рта раскрыть не дали!

Дверь — конечно же, конечно! — открылась. И на пороге нарисовался не к ночи помянутый господин Алоа собственной неотразимой персоной. Да ещё и с шикарным

букетов тёмных орхидей в руках. Собственно, тега ничего против фата не имела и даже была рада его видеть. Но не в тот же момент, когда она собиралась начать с оборотнем Большому Разъяснению!

— Добрый вечер, господин Мастер, — мило улыбнулся красавец, видимо, настроенный вести себя пайнкой. — Госпожа Курой, цветы для вас.

— Спасибо, — проблеяла теург, пытаясь улыбаться не слишком кисло. А вот взять букет ей почему-то и в голову не пришло. — Но я же просила вас...

— Вы просили не досаждать приглашениями приятно провести вечер, — фат легко поклонился, приподняв цилиндр. — Я помню и свято соблюдаю договорённости. Это всего лишь визит. Просто ехал мимо и решил зайти, справится о ваших делах.

— И совершенно случайно у тебя в карете завалился веник? — поинтересовался Рон.

Эдак негромко сказал, но Каро вздрогнула и даже голову в плечи втянула, будто виновата в чём. Хотя в данной ситуации её вины совершенно точно не было.

— Нет, не завалился, — холодно ответил фат. — Когда я принял решение навестить госпожу Каро, заехал в цветочный магазин. Вас что-то не устраивает?

— Меня? — поразился оборотень. — Меня абсолютно всё устраивает. И даже больше! Я лучше пойду, не стану мешать. Каро, доложишь Алексу сама.

— Правильное решение, — понизив голос и будто ни к кому конкретно не обращаясь, откликнулся Алоа. — Говорят же, что третий не лишний, а запасной. Но, думаю, справимся без дублёров.

— А ты не думал, фат... — рык оборотня прозвучал откровенно угрожающе.

— Не думал, — смело откликнулся красавчик, не дав сыщику договорить. — И тебе не советую. Не засти свет, громила. Девушка уже выбрала. Расторопней нужно хвостом махать.

— Мастерс! — Курой вцепилась в рукав детектива, будто и впрямь надеялась его остановить, если он бросится фату шею сворачивать. — Не нужно, пожалуйста!

— Боишься, что порву? — Рон повернулся, усмехаясь недобро. Зрачки у оборотня пульсировали, словно лопнуть собирались. Да и радужка стала желтовато-зелёной, как перезревший крыжовник. — Ну, значит, и впрямь третий лишний.

— Я просто прошу, — Каро, ничего про третьих не понявшая, судорожно соображала, что ей делать с вышедшим из-под контроля оборотнем. Вариантов не так много имелось. Даже по башке ему дать нечем! — Давай обойдёмся без скандала. Мы же цивилизованные...

— Цивилизованные?! — рявкнул сыщик прямо в лицо теге. — Вы, может, и цивилизованные, а я нет! Всего хорошего!

Мастерс содрал свою куртку с крючка с таким энтузиазмом, что даже швы жалобно треснули. И вылетел из конторы. Не отойди фат своевременно в сторону — точно бы в пол втоптал.

— Ну вот... — обессиленно выдохнула теург, моргая быстро-быстро — лишь бы не разревётся.

— Госпожа Каро, поверьте, так будет лучше для всех, — вкрадчиво начал фат.

— Ах, оставьте! — отмахнулась от него теург.

Откуда это жеманное: «Ах, оставьте!» вылезло, тега и сама не поняла. Только вот как была — без шляпки и пальто — помчалась вслед за оборотнем, лишь юбки подхватила.

Далеко Мастерс не убежал. Собственно, он, кажется, и вовсе сбегать не собирался. Стоял неподалёку от подъезда, прикурить пытался. Не получалось. Даже Курой заметила, как у него руки дрожат. Спички ломались, но загораться не спешили.

— Рон... — не слишком понимая, что она ему говорить станет, позвала Каро.

— Что Рон? — буркнул оборотень и всё-таки прикурил, затянулся глубоко. — Я Седьмой знает, сколько лет, как Рон. Чего ты от меня хочешь? Чтобы я, как вот этот, перед тобой на задних лапках прыгал? Так не умею. Да и желания особого нет.

— Ничего не хочу, — в конец растерялась теург. Речь, ещё с вечера заготовленная и пришедшаяся бы сейчас как нельзя кстати, из головы вылетела. Ведь действительно собиралась объяснить, что ничего от него не ждёт и всё понимает. — Просто... Нет, правда, я поняла. Не сразу, но поняла. Сама виновата, конечно, но...

— Чего ты там лопочешь? — раздражённо спросил Мастерс.

Кончик сигареты угрожающе тлел в темноте, как глаз демона.

— Я просто хочу работать, как раньше, — обречённо вздохнула тега, поняв, что с объяснениями ничего не выйдет. — Чтоб вот просто прийти в контору, а там всё, как было.

— Знаешь, как это называется? — неожиданно выверился Мастерс, далеко отбросив окурок. Каро проводила чиркнувшую по черноте огненную дугу. — И рыбку съесть, и... поле перейти. Да ещё косточкой не подавится! А так не бывает! Нет, может, с кем-то и получится, но со мной —дохлый номер!

— Нет, всё-таки не понимаю, — обречённо призналась тега.

— Да что тут непонятного?! — заорал Рон. И заткнулся. Вздохнул глубоко, глядя куда-то вверх. Наверное, на небо, которого за крышами и видно не было. — Всё, в общем. Совет вам да любовь. Счастья, детишек побольше и все дела. Когда протрезвеешь... — Мастерс подумал и мотнул головой. — Нет, когда протрезвеешь, ко мне не суйся. И, вообще, держись подальше. Это твой выбор, детка. Сама и расхлёбывай.

— Да я ничего не выбирала! — хотела выкрикнуть сердито, а получилось жалобно.

Ну, вот что такое, а? Уйти бы, хоть остатки гордости сохранить — не получается. Ноги не идут. Ведь стоит ей дверь закрыть — и всё. Ни по-старому никогда не будет. Ни по-новому, но так, чтобы правильно и хорошо. Совсем ничего не останется.

— А это и есть твой выбор, — как-то очень жёстко — Курой от Рона такого тона и не слышала никогда, ответил оборотень. — Ничего не выбирать. Пусть как-нибудь само собой рассосётся, а я в сторонке постою, глазками похлопаю. Хотя нет, не в сторонке. С одним работаю, с другим на колясках разъезжаю. Но ни за что не отвечаю! А если с меня спросят — скандал закачу. Не получится! По крайней мере, не у тебя. Леди такое мастерство годами оттачивают. Ты же у нас девочка наивная.

— Всё равно ничего не поняла! — сама начав злиться, огрызнулась Курой. — Я совсем про другое хотела...

— А я про это. В общем, Алексу сама доложишь. И передай ему, что если он настаивает на первом варианте, то я ничего против не имею. Всё, желаю здравствовать.

Оборотень развернулся и пошёл себе. Каро его окликать не стала. Слова-то на языке крутились, но все они были не к месту.

* * *

Из ступора тегу начальство вывело. Когда Росс подойти успел и много ли слышал, теург понятия не имела. Она даже не заметила, как кеб подъехал. Потому и вздрогнула, услышав за спиной голос альва.

— Вы наверняка замёрзли, госпожа Каро. Не думаю, что воспаление лёгких входит в ваши планы, — Алекс мягко, но настойчиво, подтолкнул тегу в спину, побуждая её внутрь войти. — Да и, как мне кажется, без серьёзного разговора нам всё же не обойтись.

Курой хмыкнула, споткнувшись в темноте — управляющий галантно поддержал теурга. Ему, видимо, отсутствие света на лестнице несколько не мешало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мастерс просил вам передать...

— Я слышал. Держитесь за перила, а то точно упадёте.

— А можно узнать, что это за первый вариант?

— Ваше увольнение, — спокойно ответил альв. — Я же говорю, держитесь. Придётся всё-таки побеседовать и с домовыми. Ладно, отопление, но освещение-то они наладить в силах? Вы идёте, госпожа Каро?

— Моё... что?! — просипела тега, действительно, вставшая, как вкопанная.

Просто ноги вдруг стали такими тяжёлыми-тяжёлыми, не сдвинуть.

— Ваше увольнение, — абсолютно бесстрастно отозвался Росс. — Видите ли, я являюсь лишь совладельцем и управляющим «Следа». Второй владелец — Рон. Понятно, что его отстранить ни в моих силах. Это бы означало развал агентства. Да без него и не обойтись. Соответственно, остаётся только один вариант.

— А-а... без этого никак? — и ведь старалась же скопировать его равнодушный тон, но опять вышел писк несчастного котёнка.

— Это мы выясним по результатам беседы, — Алекс потянул её за локоть, — а здесь разговаривать не слишком удобно. Лучше, в моём кабинете.

К счастью, у фата хватило ума уйти. Как он это сделал, Курой даже не догадывалась. Возможно, воспользовался чёрным ходом. Правда, о его наличии теург ничего не знала. Но ведь она и не подозревала, что в здании вахтёр имеется, а его Алоа нашёл.

Да и главное, что красавчика не было, только букет остался лежать на столе управляющего.

— Вы не против? — спросил Алекс, явно собираясь отправить цветы в мусорную корзину. Каро в ответ только головой покачала — не против, мол. — Действительно, так будет лучше. У нас и без того раздражающих факторов хватает. Чай, кофе... коньяка? — на последнем слове альв почему-то поморщился.

Тегга снова в ответ только головой мотнула, усаживаясь в своё кресло. И даже машинально блокнот на колени положила, будто и вправду что-то записывать собиралась. Просто мысль об увольнении казалась слишком большой и чересчур страшной. Привычные действия успокаивали.

— Итак, госпожа Каро, как профессионал вы меня полностью устраиваете, — Росс устроился за столом, сложив пальцы «шалашиком», глядя поверх них на девушку. Теург совсем не отказалась бы, стань этот взгляд чуть менее пристальным. — Но ваша... Скажем так, ваша избалованность и эмоциональная...

— Моя избалованность? — ахнула Курой.

Любых обвинений она ожидала, но только не такого!

— Именно, — кивнул управляющий. — Она и принципы Рона. Они привели нас к трудно разрешимой ситуации.

— Знаете, господин Росс, меня во многом можно обвинить...

— Я и не обвиняю, — невозмутимо перебил её альв. — Это не ваша вина, а следствие

воспитания. Дети, выросшие в приютах, гораздо избалованнее — простите за слишком частое употребление этого слова — чем даже отпрыски аристократов. Пояснить?

— Да уж будьте добры, — процедила тега.

— Извольте. Сироты, безусловно, обделены. Ребёнку тяжело расти без искренней любви и семейного тепла. Это аксиома. Которую понимают и принимают все: чиновники, попечители, воспитатели. И сами дети. Вот отсюда и начинается вседозволенность и эмоциональный шантаж. Им все должны, просто обязаны уже потому, что они сироты.

— Да что вы можете знать о том, как в приюте расти?! — задохнулась от возмущения Каро.

— Так расскажите, — не стал спорить Росс. — Вас били?

— Конечно! И розгами, и линейкой! Нас наказывали...

— Это общераспространённая практика. Точно так же наказывают и маленьких альвов, поверьте мне, — тонко улыбнулся Алекс. — Может быть, морили голодом?

— Ну, конечно, лишали десерта, — уже не так уверенно отозвалась тега. — Иногда и обедов.

— И опять-таки, метод воспитания, применяемый всеми. Заставляли работать? Я не имею в виду уроки домоводства, в которых, думаю, вы не преуспели. Но, госпожа Каро, согласитесь, повинность заканчивалась уборкой постелей. Готовили еду, мыли полы, чинили одежду другие. Как они у вас назывались? Няни?

— Мы сами штопали. И помогали на столы накрывать.

— Это ответственно, — кивнул Росс. — Но, согласитесь, жили вы на всём готовом. И предположу, что ожидание, будто кто-то всё сделает за вас, а так же неумение справляться с обычными бытовыми трудностями, доставило немало хлопот. Насколько мне известно, тегов воспитывали в весьма комфортных условиях и давали хорошее образование. Ваш пансионат — это не рабочий дом^[11] и даже не обычный приют. Где действительно морят голодом, бьют, заставляют трудиться на износ и тому подобное.

— Ну, знаете! Я не просила отправлять меня в такое Семерыми благословлённое место! Собственно, никто из нас не просил...

— А вот и эмоциональный шантаж, — развёл руками Алекс. — Вас насильно разлучили с родиной, обрекли на сиротскую долю. Поэтому все кругом обязаны сочувствовать, и принимать такой, какая есть. Сколько вам лет, госпожа Каро? Согласитесь, в таком возрасте ссылаться на отсутствие родителей уже несерьёзно. Очень многие сверстники к вашим годам не имеют родственников по вполне банальным причинам.

— Я никого не прошу!..

— Да не просите, не просите, не спорю, — снова покивал альв. — Просто не собираетесь нести ответственность за свои ошибки и действия. Приютский менталитет: за проступок накажут, но не сильно. Пожурят, отругают, стыдно станет. На этом всё. Вседозволенность и безответственность. В рамках, конечно, но... Абсолютный эгоизм. У большинства детей, воспитываемых в нормальных семьях, существует естественный ограничитель: мама расстроится, отец не станет гордиться, бабушка обидится. А о чьих чувствах думаете вы?

— Но я же не виновата, что меня такой вырастили! — огрызнулась Курой.

— Вы взрослая женщина, госпожа Каро. И нельзя не признать, многого сумевшая добиться самостоятельно. Поверьте, большинство ваших соотечественников, покинув приют, пошли по гораздо более лёгкому пути. Но это не значит, будто и дальше вы можете жить

привычным для себя образом. То есть руководствоваться сплошными: «я могу», «я хочу», «я не хочу», «моя гордость...». Вернее, можете. Но не в этой конторе. Кроме того, что это мешает делу, Рон мой друг. И его чувствами я очень дорожу. Опять-таки, вынужден признать: он во многом виноват сам. Но данный факт не снимает ответственность и за ваши поступки.

Алекс откинулся на спинку кресла, помолчал.

— В общем, у нас только один выход. Вы начнёте думать о последствиях, прежде чем делать. И научитесь предугадывать, как то или иное ваше действие скажется на окружающих. Если позволите совет, то попытайтесь для начала встать на место Рона и взгляните на ситуацию его глазами. На этом, думаю, разговор можно закончить.

Каро послушно кивнула, поднялась, но в дверях всё же притормозила.

— Вы пока не уволите меня? — спросила-таки, поколебавшись. Альв её одарил таким выразительным взглядом, что тега поёжилась. — Господин Росс, я услышала всё сказанное и обещаю обдумать. Но этот вопрос действительно важен, вы же понимаете.

— Понимаю. Нет, пока продолжайте работать.

И отвернулся вместе с креслом, будто у него уже и сил не было даже просто на то, чтобы смотреть на теурга.

Глава тринадцатая

Спорить с мужчинами совершенно нецелесообразно, ведь они всегда не правы.

Рыдать Каро перестала только во втором часу ночи, зато сразу, как отрезало. Правда дикая икота напала, и глаза хомячьими стали — две большие-большие подушки щёк и совсем уж крохотные щёлочки глаз. Красота неопиcуемая! Но в голове чистая хрустальная ясность. И никаких эмоций. В самый раз для того чтобы сесть и подумать.

Чем Курой, хмуро глянув на часы и для верности их шалью завесив, и занялась. Нет, не получалось у неё по совету Алекса встать на чьё-то там место. И представить, что другие чувствуют, о чём думают, не получалось тоже. Зато она умела анализировать. Ведь в этом и заключается основная работа теурга: собрать информацию и сделать выводы. А умение амулетами пользоваться глубоко вторично.

Девушка решительно уселась за стол, ещё более решительно подвинула стопку чистых листов, разлиновав их, как привыкла ещё со времён колледжа, когда задачки на идентификацию потоков и плетений решала.

Первый лист обзавёлся заголовком «Мастерс». Теург подумала, грызя кончик пера, густо замалевала фамилию оборотня, скромненько приписав сверху «Сволочь!» — и украсила виньеткой незабудок. Второй лист озаглавила просто «Господин Росс», без украшений и личностных характеристик. Медик тегу не интересовал — мотивы его в анализе не нуждались, и так понятно: гад он по природе своей. Поэтому третий листок в сторону отложила.

В первый столбик Каро тщательно и скрупулёзно выписала все поступки, которые ей казались необъяснимыми, малообъяснимыми, странными, ненормальными или просто обидными. А дальше, собственно, пошла сама работа. Теург, от усердия прикусив кончик языка, рисовала схемы, больше смахивающие на узорную вязь. Именно так её учили «читать» магическое плетение: каждая линия — поток, который необходимо идентифицировать, определить Источник, рассчитать уровень его силы, найти узлы, в которых он соприкасается с соседними течениями. И сообразить, что всё это вместе означает. То есть, какое именно «ба-бах» хотел получить шаманящий.

Только здесь вместо потоков были поступки, вместо истоков характер, вместо узлов факты. Поначалу задача мерещилась нерешаемой: много ли она знала о жизни Рона, а уж тем более господина Росса? Но чем дальше писала, тем больше удивлялась. Слова, оговорки, наблюдения липли друг к другу, словно сырой снег. И в результате крохотный снежок начал разрастаться в полноценный ком, вполне способный послужить фундаментом для снежной крепости.

Перо летало, вычерчивая узор схем, за окном светлело. А в душе росла холодная ярость и уверенность в собственной правоте.

* * *

В контору Курой позже всех пришла. Но вроде бы этот факт никого и не волновал. Нет,

теурга явно ждали — Алекс, Рон и Яте сидели в кабинете, дверь которого стояла гостеприимно распахнутой. Даже поприветствовали тегу, хоть и не слаженно и как-то кисло.

— Господин Алекс, — Каро достала из сумочки исписанные листы, подхватила с кресла свой блокнот. — Я тут кое-что проанализировала и хотела бы озвучить свои выводы. Мне кажется, они могут быть полезными.

— Выводы касаются расследования? — без особого энтузиазма спросил альв.

— В том числе, — кивнула Курой. И быстро, пока никто не успел поинтересоваться, до чего ещё она там додумалась, добавила. — Я решила посмотреть на факты немного под другим углом. Мои умозаключения вполне способны показаться странными. Поэтому я прошу выслушать внимательно.

— Всё наше внимание принадлежит вам, — заверил тегу Росс. — Начинайте.

Легко сказать: «Начинайте»! Вроде бы и речь заранее заготовлена, и аргументы разложены, а всё равно непросто. Теург кивнула. Поёрзала, усаживаясь в кресле поудобнее, переложив свои листки.

— Итак, в чём суть самого дела? — начала-таки, сумела. — Две одинаковые смерти сестёр-фей, умерших перед самой свадьбой. К нам обращается третья, собирающаяся в скором времени выйти замуж за того же жениха. И точно так же как сестры, начавшая испытывать недомогание.

— Да ну? — изумился Яте.

— Помолчи, — негромко приказал Алекс, не дав Курой отстоять интересы самостоятельно. — Продолжайте, госпожа Каро.

— Спасибо, — поблагодарила вежливая теург, откашлявшись в кулак — мерзавец-тег сбил-таки с мысли. — В колледже нас учили, что сначала необходимо определить Источник, то есть, откуда потоки черпались. Рон говорил: ищи, кому выгодно. В общем, два принципа можно объединить в один: с чего всё началось. Но ни у кого есть мотив, а что побудило к преступлению, откуда этот мотив вообще взялся?

— Странный какой-то подход, — буркнул сгорбившийся оборотень, старательно разглядывающий собственные руки, сцепленные в замок между колен.

— Может, и странный, — согласилась тега, решив пока побыть покладистой. — Но позволяющий взглянуть на известные нам факты с новой стороны. Давайте на минутку забудем про катовасию с воскресшими призраками, опиумом и ветеранскими пенсиями, а пойдём сначала. Есть два трупа. Есть потенциальный труп, жених и отец. Вроде бы, никто другой в этой истории не замечен. Феи жили замкнуто, подруг-любовников не имели, завистников не завели. Значит, в их смерти заинтересован либо жених, либо отец, либо кто-то, желающий на них повлиять. Так?

— Ну, допустим, — скептически скривился Яте.

В общем-то, его согласие Каро интересовало меньше всего.

— Мотивы жениха оценить сложно, потому что мы практически ничего о нём не знаем. И судить можем исключительно с его же слов, — продолжила теург.

— Да неужели? — усомнился оборотень, по-прежнему головы не поднимая.

— Об отце у нас гораздо больше информации, — проигнорировав замечание, продолжила тега. — По словам клиентки, родился он в зажиточной семье. Но после смерти родителей старшая сестра лишила его наследства, заграбастав всё себе. Фату это, конечно, не понравилось, с сестрой он долгое время не общался. Но потом помирился, согласился на брак племянника и дочери. И даже сделал Алоа фактически приёмником, а то и

наследником своего дела. И вот тут первая несостыковка фактов. Но о ней чуть позже.

Курой потянулась, взяла со стола Алекса графин с водой. И, не спрашивая разрешения, налила полный стакан, выпив его залпом. Длинные речи, как известно, жутко усиливают жажду. А испаряющаяся решительность, которую можно было телегами грузить, сушит горло ещё больше. Вычерченные на бумаге доводы выглядели убедительно. Высказанные же в слух казались бредом. И ни скептический взгляд тега, ни внимательный альва, ни демонстративное игнорирование оборотня положения не облегчали.

— Итак, господин Олэан, лишённый наследства и получивший стандартное домашнее образование, женится на полуфее-получеловечке, получая в придание крохотную закладную контору. Строгает жене трёх дочерей. Причём супруга умирает, производя на свет последнюю дочь... Кстати, не то, чтобы несоответствие, но такая настораживающая деталь. Вот, у меня записано, — Каро быстро перелистала страницы блокнота, находя нужную. — В первый свой визит заказчица сказала: «... мама умерла родами, но остались мы: Эния, Эрия и я». Может быть, это только у меня сложилось такое впечатление, но я была уверена, что они близнецы. Да феечки и похожи, достаточно вспомнить фотографию. Но в пансионате Олэан учились в разных классах. И, по словам доктора, отец их забрал, не дав младшим даже доучиться. То есть всё-таки не тройняшки, а, как минимум, погодки.

— И что? — хмыкнул Яте.

— Собственно, ничего, — соглашаясь, кивнула Каро. — Просто такой забавный факт. И ещё один, хронологический. Господин Олэан, бросив свою лавку — а бросив ли? — поступает на службу в армию. Когда это произошло? В пансионат девочек берут ну минимум с шести лет, никак не раньше. Служить и воспитывать детей невозможно. Так, когда он заключил контракт? Дождался, пока дочери подрастут? Не стал ждать? Тогда где они воспитывались, проводили каникулы? Своё детство заказчица изящно обошла молчанием.

— А зачем нам знать про их детство? — Мастерс поднял-таки голову, глянув на теурга. Но искоса, вскользь как-то.

— Вполне может быть, что ты прав и лишняя информация ни к чему, — опять не стала спорить Курой, — просто меня это настораживает. Но едем дальше. Итак, господин Олэан подписывает контракт с интендантской службой... Кстати, когда и почему он вышел в отставку? Но в армии он явно заводит полезные связи и принимает деятельное участие в финансовых махинациях. При этом лапа, прикрывающая его, очень волосата. Об этом и господин Росс не раз рассуждал. Да и история с Призраком подтверждает: мистификацию со смертью, которая не смерть, в одиночку не провернёшь. И, насколько я понимаю, просто исчезнуть тоже не просто.

— А что-нибудь новенькое мы сегодня узнаем? — скучливо поинтересовался у потолка Яте.

— Хорошо... — тега нервно почесала бровь. — Ладно, перехожу к фактам. Господин Олэан не слишком осторожен, а, значит, не очень-то умён. И не в меру тщеславен. Но подчиняется кому-то, кто периодически вправляет ему мозги. И кого фат, скорее всего, боится.

Минута молчания, повисшая в кабинете, омыла израненную душу теги лечебным бальзамом.

— Признаться, мне не слишком понятны ваши выводы, — барабаня пальцами по столу, подал голос Алекс. — То есть, не вижу повода с ними спорить, но откуда вы это взяли?

— Это, конечно, только мои умозаключения, — скромно потупилась Каро, — но, как

мне кажется, вполне обоснованные. Вернувшись в столицу, Олэан приобретает квартиру, которая ему явно не по средствам. Устраивает в неё выставку дорогих вещей с Островов... Кстати, сокровища-то всё-таки были — это подтвердила директриса пансионата. Обвешивает дочерей драгоценностями, хотя во всём остальном папа держит детей в чёрном теле. А сам лелеет весьма дорогостоящие привычки. То есть, всячески демонстрирует своё богатство, что в его положении не слишком умно. Потому что любой может заинтересоваться, откуда такие доходы. Кстати, плачевное состояние лавки тоже поступок глупый. Разумнее создать видимость её процветания.

— Про тщеславие и ум понятно, — согласно кивнул Росс. — А про вправление мозгов?

— Всё-таки его кто-то осаживает. После посещения директрисы диковины из дома исчезают. Лавка всё же остаётся. Документы он хранит дома под семью замками, — развела руками Каро. — И, вообще, скрывает. Любовницу не заводит, пользуется услугами одной и той же девушки. Регулярно меняет прислугу.

— Зыбко и есть, что возразить, — ещё немного побарабанив для порядка, вынес вердикт альв. — Но, в целом, выглядит правдоподобно. Продолжайте.

— Кроме того, господин Олэан жесток — этому есть множество подтверждений. Как правило, такие личности ещё и злопамятны. Не так ли, Яте?

— Так, — холоднокровно подтвердил медик, намёка не заметив.

— И вот если всё это взять на веру, то начинаются нестыковки, — проложила слегка разочарованная Каро. — Жесток, злопамятен и тщеславен, но мирится с сестрой, оставившей его без гроша, и привечает племянника? Тщеславен, но согласен выдать дочерей за того же племянника? Не слишком осторожен и умён, жесток, но всё же побаивается кого-то. И при этом избивает — тщательно скрываемую, прошу заметить — любовницу-проститутку. Кстати, зачем? О каких деньгах речь шла? Девушка, кажется, понятие не имеет. Отказывается получать пенсию и даже устраивает публичные скандалы. До полусмерти избивает свою дочь и оставляет её в пустой квартире. Лично является к нам в агентство, чтобы забрать ту же дочь. Это уже не глупость, а идиотизм получается. А, насколько я понимаю, он всё же не дурак.

— Это всё? — поинтересовался альв.

— Нет, — потрянула головой Каро. — Есть ещё вопросы и не состыковки, но не из сделанных мною выводов. Во-первых, зачем прикрывать смерть старшей дочери, выдумывая какие-то сердечные приступы? Многим известно — девушка давно больна. Врач в пансионате сказал, что она страдала малокровием, а перед тем, как отправиться домой, у неё были проблемы с едой.

— Опухоль, — перебил теурга эксперт. — Умерла она от внутренней опухоли. Тогда и набор лекарств вполне объясним.

— Ну вот, — развела руками Курой, — ничего приступного. Непонятно. Дальше, дело с господином Призраком. Столько усилий с мнимой смертью. Как я понимаю, это было сделано для того, чтобы Арнэ не связали с кем-то или чем-то не слишком благовидным. И вдруг, пусть и через много лет, он отирается рядом с фатом. Судя по всему, по самые уши замазанном в неблаговидном. Понимаю, что сейчас факты я несколько притянула за уши, но всё же. И ещё одно. Если те махинации на Островах и происходящее сейчас связаны, то почему Олэан, пусть не слишком осторожный и умный фат, но не идиот, не боится иметь дело с глубоко больным, а, значит, нестабильным оборотнем? Это же всё равно, что...

— Заряженный револьвер у виска держать, — мрачно буркнул Мастерс. — Оборотень

не только нестабилен, но и крайне опасен. Подготовочка у него ого-го. Кстати, ещё один вопрос. Почему Яте против него выстоял?

Каро живенько развернулась к тегу, желая рассмотреть униженное и оскорблённое достоинство в деталях. Не довелось.

— Сам удивляюсь, — спокойно пожал плечами эксперт. — В смысле, он явно не собирался меня на стены намазывать.

— У вас что-то ещё, госпожа Каро?

Алекс ненавязчиво глянул на часы, будто спешил куда-то. Хотя день, вроде бы, только начался.

— Да! — а вот так вызывающе подбородок вздёргивать, может, и не стоило. Хотела решительность изобразить и как всегда перестаралась. — У меня ещё много.

— Продолжайте, — разрешил альв, либо тщательно пряча разочарование, либо не испытывая его вовсе.

— По второму кандидату в подозреваемые у меня тоже вопросов немало, — прикладывая огромные, прямо-таки титанические усилия для того чтобы не покраснеть, сообщила тега. — Но здесь именно вопросы, а не догадки и предположения. Потому что, как я уже сказала, информации у нас по нему нет. Но! Молодой, привлекательный и состоятельный фат... — на скрип костяшек можно внимания не обращать. Мало ли с чего оборотню вздумалось кулаки разминать? — ... соглашается взять в жёны кузину. В принципе, нечего странного. Кроме того, что кузина на четверть человек, а такое кровосмешение у фей не приветствуется. И за душой у неё кусок ни на что, кроме постройки фабрики, негодной земли. Допустим, эту самую фабрику создать для него жизненно необходимо. Допустим, тратиться на оплату участка он не желает. В принципе, правдоподобно. Если не брать в расчёт, что он молодой, привлекательный...

— Мы поняли! — рыкнул Мастерс.

— ... и состоятельный фат, — как ни в чём не бывало, договорила Каро. — То есть, при его данных Алоа способен найти более выгодную невесту. Тем более что он чхать хотел на происхождение будущей супруги. Но вместо этого зачем-то ждёт год после гибели первой невесты, а потом ещё год после второй. Участок не так уж и необходим? И ещё...

— Мы вас внимательно слушаем, — подбодрил запнувшуюся тегу альв.

— Да... — Курой снова откашлялась и заговорила, рассматривая портьеры за спиной Росса. — Его малообъяснимый интерес ко мне.

— Что ещё за самобичевание? — буркнул Рон.

— Никакого самобичевания. Голый анализ. Допускаю, что я могла бы заинтересовать его. Первое приглашение Алоа приятно провести вечер вполне оправдано. Даже второе выглядит достоверно. Но такая настойчивость и всё из-за желания провести ночь?

— Вы с ним обсуждали расследование? — инквизиторским тоном поинтересовался Алекс.

— Естественно нет, — отчеканила тега. — Если требуется, то я могу письменно изложить суть наших бесед. Но, поверьте, об агентстве ни разу речь не шла. Он не расспрашивал, не пытался свернуть на эту тему, ни на что не намекал. Я очень тщательно проанализировала разговоры, попытавшись вспомнить всё до мельчайших подробностей.

— Хорошо... — Росс помолчал, отбивая ногтями барабанную дробь. Думал, прикрыв рот ладонью. — Исходя из всего вышеизложенного, считаю, что первоначальный план действия мы сохраним. Не потому, что вопросы, поднятые госпожой Каро неактуальны. Как

раз наоборот. Но пока у нас нет фактов, ответы получить невозможно. Поэтому я закончу дела с военными выплатами. Рон, на тебе по-прежнему Призрак. Всё-таки не плохо бы найти нашу заказчицу. Думаю, она у Арнэ. Олэан ни дома, ни в своей конторе не появлялся... В общем, землю рой. Яте, продолжай искать врача. Теперь информация, которой он может обладать, становится ещё ценнее. Госпожа Каро, если позволите, у меня будет к вам персональная просьба. Встретьтесь с господином фатом и попытайтесь выяснить его интерес. Понимаю, что выжать вряд ли что-то получится, но попробовать стоит. Повторюсь, это просьба.

— Ал! — рявкнул Рон.

— С удовольствием выполню вашу просьбу, — Курой кивнула в знак согласия. — По крайней мере, постараюсь это сделать. И не волнуйтесь, встречу я назначу в публичном месте, прибуду и уеду оттуда в кебе.

— Уверен, на вас можно положиться.

Альв то ли в ответ кивнул, то ли лёгкий поклон отвесил — не понять. Для душевного равновесия лучше считать: поблагодарил.

* * *

Каро дождалась, когда Рон с Яте выйдут из кабинета. Только потом встала сама и закрыла дверь, да ещё и сдвинула защёлку, запирая замок. Альв за её манипуляциями следил, но довольно равнодушно: брови не вздёргивал, вопросов не задавал, возмущаться не спешил.

— Мне бы хотелось закончить наш вчерашний разговор, — пояснила Курой.

— Я так и подумал, — согласился Алекс.

Честно говоря, сейчас управляющий нервировал тегу куда больше обычного. Сидит весь из себя значительный, облокотившись о кресло. Губ не видно — пальцами прикрыты. От того и кажется: чревоушает. И заколка в безупречном галстуке помаргивает эдак недобро. А вот глаз почти и не видно — два провала в череп. Альв, что с него взять! Даже вернувшаяся было уверенность в себе опять струсила, спряталась, поспешно подбирая оставшиеся снаружи хвосты.

— Насколько понимаю, вы подумали над моими словами? — не то подбодрил, не то поторопил теурга Росс.

— Скажем так: я их проанализировала, — Каро едва сдержалась, чтобы пальцами не хрустнуть.

Ей только трагического ломания рук не хватало.

— И к каким же выводам пришли?

— Если желаете, я их изложу. Но позвольте сначала рассказать о выводах, сделанных мной о поведении Ро... господина Мастера.

— Мне их стоит знать? — альв продемонстрировал нечто, слабо смахивающее на удивление.

— Вы сможете подтвердить или опровергнуть их правильность, — твёрдо кивнула тега. — И тогда я решу, как поступать дальше.

— Извольте.

Алекс чуть приподнял ладонь, лежащую на подлокотнике. Вероятно, это был альвский вариант разведения руками. В последнее время Росс как-то подозрительно часто «давал

лорда». Обычно управляющий вёл себя дружелюбнее и проще.

— Итак, — начала теург, споткнулась, глянув на «своё» кресло. Садиться в него не хотелось. Но и расхаживать по начальственному кабинету неуместно. Оставалось только стоять. — Итак, у господина Мастерса особое отношение к тегам. Да и вообще ко всем слабым, сирым и убогим. Насколько я понимаю, тем самым он искупает некую вину, корни которой кроются в том, что он сделал или делал на Островах. Кроме того, Рон не желает сколь-нибудь серьёзных отношений, так как боится ответственности и...

— Неверно, — негромко перебил Росс. — Это не страх ответственности, а боязнь потери, неумения защитить. Учтите в своих выводах, что Рон оборотень. И внесите поправки на их инстинкты: защита территории, собственности, потомства. Помимо этого, корни этого гораздо глубже. Вспомните: его воспитывала одна мать. То есть тут ещё и опасения из разряда: «Что случится с моей семьёй, если я погибну?».

— Х-хорошо, — у Каро снова в горле пересохло. — Учту. И продолжу, с вашего позволения. Потому что общей картины это не меняет. Когда вы наняли теурга — сирую, убогую, да ещё и тегу — Мастерс по своей привычке взял её под крылышко. А поскольку я всё-таки женщина, то стиль привычного поведения он менять не стал — привык флиртовать со всеми, кто в юбке, и со мной продолжил. Тут вы спорить не станете?

— Не стану, — кивнул Алекс. — Мне интересно, до чего же вы додумаетесь.

— А тут и думать нечего, — огрызнулась Каро, честно намеревавшаяся выдержать деловой тон до конца. — Заигрывание в купе с заботой как-то незаметно зашли за ту границу, которую принято называть отношениями. И Мастерс перепугался. Так как, вне зависимости от причин, этих самых отношений он не желает. Кстати, да! Ваша поправка здесь очень к месту! Ещё и защита «своего». Ведь по извращённой оборотнической логике я принадлежу ему.

— Вас это оскорбляет?

— А не должно? — Каро резко затормозила посередь кабинета, только тут сообразив, что начала-таки расхаживать из угла в угол.

— Многие бы женщине посчитали такое отношение счастьем. Впрочем, это ваше дело. Так какие же выводы?

— А выводы безумно просты! Необходимо объяснить ему: изводиться самому и изводить окружающих не имеет смысла. Никакие любви, которых он боится, здесь рядом не ночевали! Вы абсолютно справедливо заметили вчера, я на чувства неспособна. Значит, с этой стороны ничего не грозит. Остаётся всем успокоиться и перестать психовать.

— И как всегда: крушение веры в лучшее, — буркнул Росс. — Парадоксы женской логики. Хорошо, что она вообще есть.

— Я не понимаю, о чём вы!

— Советую последить за речью. Долго высокий стиль вам поддерживать не удаётся. Сбиваетесь на уличный говор и такие же сравнения. Но ответа на вопрос я так и не получил. Перестать психовать — это, конечно, разумно. Но хотелось бы большей конкретики, что нам делать дальше.

— А вот это уже от вас зависит! — нагло заявила теург и даже позволила себе ехидную улыбочку.

Она до последнего не знала, пускать ли эти... аргументы в ход. Стыдно было, совестно. Да и страшно. Но Росс-таки успел допечь. В конце концов, любителю препарировать чужие души и чувства стоит самому испытать нечто подобное. Да и ничего страшнее увольнения

Курой всё равно не грозило. А оно и так висело над головой палаческим топором. Лучше уж уйти, громко хлопнув дверью.

— И опять мы не нашли взаимопонимания, — холоднокровно подытожил Росс. — Это в любом случае от меня зависело. Но, как было сказано, хотелось от вас получить...

— Да бросьте! — отмахнулась вконец распоясавшаяся Каро. — Ничего вам от меня не нужно. Дела в конторе идут из рук вон. Даже клиентку умудрились потерять и понятия не имеем, где её искать. Лучший друг страдает по собственной глупости. Второй... Как Яте-то назвать? Ну, он к вам порой обращается «учитель», значит, пусть будет учеником. Так вот, ученик ввязался во что-то явно нехорошее — всё чаще стал приходиться с избитой физиономией, а дубасят его всё сильнее. Призраки в прямом смысле слова всплывают. И вы снова думаете, что это дело связано с леди Ольгой. Сами понимаете — паранойя одолевает. Но и от мыслей отделаться не можете. Ах, да! Не знаю ничего конкретного, но проблемы на личном фронте так же наблюдаются. Слишком много пьёте в последнее время. Я не оборотень, но тоже запах учуять способна.

— Мне кажется, вы забываетесь, — тоном, способным остудить лаву, заметил альв. — Кроме того, ваше последнее предположение далеко от действительности.

— Проманись я, вы бы не стали оправдываться.

— Откуда такая неожиданная прозорливость?

— Не прозорливость, а умение наблюдать и делать выводы из увиденного, — Курой и сама понимала, что её несёт. Наверное, стоило бы и остановиться. Хотя бы из соображений собственной безопасности. Но от небывалой лёгкости голова кружилась. — Может, я и не умею быстро соображать, на анализ время требуется. Но спокойно и методично сосчитать, сколько будет дважды два, способна.

— Если даёте себе труд, а утруждаетесь нечасто, — тонко усмехнулся альв. — Но я так и не понял, к чему была ваша гневная тирада.

— Да к тому, что вам очень, просто до зарезу необходим козёл отпущения! А кого им делать, как не меня? Конечно, увольнение ничего не решит. Зато потом можно будет с полным на то правом мужественно вздохнуть и говорить о справедливости тех, кто женщин на работу не берёт.

— Жаль, что сказанное мной до вас не дошло.

— Да дошли они! Заметьте, я ни слова не сказала о вашей неправоте. Более того, во всеуслышание готова признать: во многом, очень многом, вы правы. Но донести правду можно по-разному, и мешаться тоже можно по-разному. И разрешить ситуацию. Так вот, господин Росс, на мне вы просто сорвались. Дальнейшее же пребывание в «Следе» зависит не от моих усилий, а от ваших с Мастерсом настроений!

— А ваша готовность нести ответственность за собственные поступки?

— И что с ней? Или вы намекаете на то, что я этого не умею? Что ж, и тут вынуждена согласиться — не умею. Но учусь. Я полностью осознаю: угроза увольнения без рекомендаций близка, как никогда. Но лучше так, чем становится козлом... козой отпущения для всяких истеря... нервничающих мужчин. Да, ещё одно, напоследок! — голова кружилась всё сильнее. Ощущение очень походило на то, когда её Рон напоил. А вот эйфория, пожалуй, была сильнее. — Вы правы и в том, что воспитание в приюте накладывает свой отпечаток. И его следует учитывать при оценке собственных возможностей и действий. Так же как и инстинкты оборотня вместе с благоприобретёнными привычками. И воспитание аристократа, к слову сказать. Альв не перестаёт быть альвом, не

так ли, лорд Александр?

Курой выпрямилась. Оказывается, она успела обеими руками опереться о стол, да ещё и нависала над управляющим, вопя практически ему в физиономию. Седьмой! Ведь так хотелось оставаться спокойной...

— Вот теперь я изложила абсолютно всё выводы. Решение за вами, господин Росс.

Каро изобразила книксен и, гордо выпрямив спину, покинула кабинет. Даже дверью не шарахнула. А на Рона с Яте, стоявших в приёмной с вытянувшимися физиономиями, лишь глянула мельком.

* * *

Маленький коттедж на Вишнёвой улице ничуть не изменился. И ни смотря на осевшие от талой травы сугробы, Алексу по-прежнему казалось, что воздух пахнет розами — меленькими белыми очень скромными цветами. С одуряющим запахом, от которого голова кружится. А иногда — действительно очень и очень нечасто — начинает мучительно ломить виски. Вот как сейчас.

Нет, совсем домик не изменился. Но поменялось многое. Сколько не стой у калитки, входная дверь не распахнётся и хозяйка на крыльцо не выбежит, не прижмётся доверчиво. Да, альва тут всё ещё ждут. Но без радости.

А дверь всё-таки открылась, как и прежде. В слабо освещённом проёме — на крыльцо только дорожка света от горящей в доме лампы падала — появилась нимфа. Встала, ладонь на косяке, будто ей поддержка нужна. Волосы не распущены, собраны в толстую косу. Платье строгое, рукава длинные, воротник под горлышко — никаких ночных сорочек. Смотрит молча.

Впрочем, Ниар всегда молчала.

Росс вздохнул, открыл-таки калитку, пошёл к дому. Девушка улыбнулась. Попыталась, точнее. Вот чего нимфа не умела, так это претворяться. Ни радости, ни даже гостеприимства изобразить не сумела. Губы, пусть и едва заметно, но дрожали. Глазищи блестели лихорадочно, словно у неё жар.

— Я совсем ненадолго, — успокоил девушку альв. — На ночь не останусь и ужинать не буду. А вот чаю бы выпил.

Облегчение, которое её скрыть тоже не удалось, кольнуло. А, может, и резануло, Седьмой разберёт! Больно стало — это точно.

Вошёл в дом, привычно бросив трость, перчатки и цилиндр на резной комодик. Повесил пальто на оленьи рога, тут вешалку заменявшие. Даже полы разгладил зачем-то, пелерину расправил. Хотя почему «зачем-то»? Понятно, зачем. Чтобы не оборачиваться, не видеть, как она хлопочет, накрывая на стол. И тоже старается на него не смотреть.

— Ниар, скажи честно, у тебя есть кто-то? — спросил, будто в ледяную воду прыгнул.

И обернулся резко, чтобы не пропустить ту самую, первую реакцию. Впрочем, для этого и оборачиваться не понадобилось. Чашка, как живая, выскользнула из рук, но не разбилась — глухо тренькнула, упав на толстый ковёр.

Ну да, ковёр. Откуда бы девочке знать, что в столовых не принято пол закрывать? Красиво же, ей нравилось. А Россу нравилось всё, что ей по душе.

Нимфа отрицательно помотала головой, нагнулась, доставая чашку. Пошла на кухню, но

альв перехватил её, удержал за запястье.

— Постой. Я верю, что ты... Что верность мне хранишь. Ни это имел в виду. Но в твоей жизни появился другой мужчина, верно?

Снова головой решительно помотала.

— Хорошо. Я, кажется, опять неправильно сформулировал. Н-да, не по-дурацки не выходит. А, пусть так... В твоём сердце появился кто-то другой?

Девушка быстро глянула на альва — в романах пишут: «глаза вскинула». Вот и она только вскинула и тут же уставилась куда-то вниз, то ли чашку разглядывала, то ли пол. Но Алексу и этого мига хватило. Не нужно обладать умением по лицам читать, чтобы дикий ужас заметить. Непонятно только, чего боится. Точнее, за кого: за себя или за него, который господину Россу дорожку перебежал. Хотя, зная Ниар, догадаться несложно.

— И чего ты ждёшь? Что я побегу ему голову сворачивать? — усмехнулся Алекс. — Так даже не знаю, кто таков. Поверь, меньше всего я хочу тебе боль причинить.

Девушка закусила губу, но потом решительно поставила чашку на стол. Вскинула руки, замелькали пальцы. Фраза-то короткая, но поди, изобрази её на языке немых. Зато получилось гораздо выразительнее, чем вслух сказанное: «Ты лорд!». Второй раз за день Россу лордство припомнили. Да и вообще о нём в последнее время вспоминают частенько. К чему бы это?

— Ниар, я...

Не дала договорить, прижала к его губам прохладную ладонь. Зажестикулировала быстро-быстро, стараясь убедить его в своей преданности, верности. В том, что «это ничего не значит». Что она «никогда не позволит себе». Было там и про безумную благодарность, и про её понимание: пропала бы, не выкупи господин Росс. Теперь по гроб жизни...

И так далее, и так далее. Бессмыслица, если разобраться.

Алекс молча дал ей закончить. Стоял, улыбаясь, глядя на хрупкую и очень-очень серьёзную нимфу. Нахмуренные бровки ему не нравились. Гораздо приятнее, когда она улыбалась. И не натужно, а от души.

— Глупая, ты давно уже отплатила за всё, — выдавил, наконец.

И только поцеловав в лоб, осознал, насколько это всё пошло, мелодраматично и натужно. Хотел счастья пожелать, но не стал — совсем уж лишнее. Просто оделся и вышел, глотая боль вместе с омерзением к себе.

Вот, кажется, благородно поступил. Ломать девочке жизнь не стал, дом давно на неё переписан, и счёт в банке вполне обеспечит безбедное существование ещё лет на тридцать. А всё равно мерещится, что поступил как подлец. Или это: «Ты лорд!» — так душу царапнуло? Кажется, не избавиться от этого лордства до самой смерти, как будто грех какой.

А, может, он сам и грешит? Может, только сам и считает себя безгрешным? И вовсе это не Семеро мстят, подкидывая одну неприятность за другой? Как бы ещё понять. Других судить легко, гораздо труднее оценить самим сделанное.

Альв глубоко втянул воздух — розами больше не пахло. Лишь снегом, да печным дымом. И пошёл, не торопясь, по дорожке. Трость тихонечко цокала по брусчатке, как будто секунды отсчитывала.

Глава четырнадцатая

Нашедшего выход затаптывают первым.

— И что это было? — поинтересовался Рон, пялясь на входную дверь, в кои-то веки не распахнувшуюся так, словно её ручкой пытались стену продолбать, а захлопнувшуюся.

Правда, захлопнулась она тоже с немалым шумом — стёкла в окнах звякнули-таки, но без эмоций. Видимо, привыкли уже, что в этой конторе покой может лишь сниться и то не каждую ночь. Ну, подумаешь, унеслась теург из офиса как ведьма на помеле, ну, дверью хлопнула. Так всего же одной и то не сильно.

— У кого-то зубы режутся, — меланхолично ответил оборотню Яте. Подумал и добавил скептически. — Правда, только молочные.

— Да какое там режутся! — возмутился Мастерс. — Всю кровь высосать успела!

— Для сосания зубы не нужны — это я как медик говорю, — авторитетно заявил эксперт и полез в шкаф. Поскольку гардероб в «Следе» был глубоким, а Курой габаритами никогда не отличался, то за пальто тегу приходилось именно лезть. — Кстати, а из кого насосаться-то она успела?

— Ну-у, — оборотень поскрёб когтями подбородок, — из всех.

— Лично я донорством принципиально не занимаюсь, — объявил Яте, выныривая из чрева шкафа уже в котелке. — Хочешь совет?

— Нет, — огрызнулся Рон.

— Заканчивай дурью маяться, — желание или нежелание окружающих слушать наставления, тега никогда не останавливало. Коли уж приспичило поделиться мудростью — делись. Благо, желание это настигало эксперта «Следа» редко, раз так в три года примерно. А, значит, мудрость можно считать по-настоящему мудрой, настоявшейся. — Твоё поведение уже перестаёт походить на страдание романтического героя. И начинает напоминать банальную истерику.

— Чего это ты с утра разговорился? — раздражённо рыкнул оборотень. — Красноречие проснулось? Могу усыпить!

— Сам справлюсь, — заверил Яте, деловито натягивая пальто. — А тебе стоит настой валерьянки попить. Или воспользоваться умным советом.

— Не слышал, — отрезал Рон.

— Хватай и трахай, — озвучил тег, поправляя котелок.

— Эксперт! — восхитился Мастерс.

— В договоре так и написано, — согласно кивнул Яте. — И если твои сопли мы жевать перестали, то у меня есть рациональное предложение.

— Уже боюсь и спрашивать.

— Не бойся, я не больно, — заверил медик. — Как говаривал мой дедушка: «Не тот умный правитель, кто всё делает сам. А тот, кто умеет найти достойного мастера».

— Рахат-лукум твоих слов мёдом льётся в уши. Но мудрость их столь сладка, что не достигает моих мозгов, — восхитился сыщик.

— Твои речи остры, как жало пчелы, — не остался в долгу тег, — а голова округла, словно задница верблюда. И столь же наполнена. Ты сторонами света ошибся. Я не с того востока.

— Точно, — задумчиво согласился Мастерс, явно размышляя о чём-то своём. — Кстати действительно, почему Ближний Восток — это восток и Острова тоже восток? Хотя они в разных сторонах и, вообще, пол монтажки по карте? Только я всё равно ни демона не понял.

— А тут и понимать нечего, — Яте натянул перчатки, критически оглядел отражение в зеркале на дверце гардероба и надвинул котелок пониже. Элегантная одежда положения не спасала — качественно и регулярно набиваемая тегская физиономия представительности образу добавлять не желала. — Предлагаю поменяться заданиями. Ты ищешь врача, а я вашего Призрака.

— С чего бы это? — изумился Рон.

— С того, что доктора найти всё равно шансы нулевые. А оборотня для меня разыщут за день.

— Кто?

— Неважно кто и неважно как, — в Курой явно проснулась страсть предков к загадочности. — Важно, чем мотивировать.

— И чем?

— А это тоже неважно. Ну, так что?

— Да иди ты куда хочешь! — сдался Мастерс, — Только с глаз скройся! Достал! И так башка трещит.

— Корень валерианы или...

— Я понял!

«Иди куда хочешь!» — совет, конечно, хороший. А, главное, применим к самому себе. Даже если вычеркнуть из условий задачи собственные переживания и эмоции, ответ найти непросто. Действительно, как разыскать в Элизии врача, если знаешь только имя его пациентки, причём двухгодичной давности?

Рон постоял, раскачиваясь с носка на пятку, тупо таращась на собственное мутное отражение в оконном стекле. И старательно пытаюсь вымести из головы все ненужные мысли, которых там накопилось чересчур много. Собственный череп оборотню напоминал чердак, куда годами стаскивали хлам. Точнее, нужные вещи. Из тех, что выбросить никак рука не поднимается — ведь обязательно пригодятся. Только неизвестно кому и когда. Вот и думы были такими же необходимыми. Но не здесь и не сейчас. А стоило бы и на деле сосредоточиться. Хватит Богов, а заодно, и Росса гневить. Без того на нервах. И Семеро, и начальство.

Мастерс неторопливо натянул куртку, долго искал кепку и не нашёл. Вспомнил, что, вроде бы, оставил её дома — то-то голова мокрая. С утра в Элизии зарядил противный снег пополам с дождём. Пришлось так и идти, натянув воротник по самые уши. А что делать? Если уж жизнь решила повернуться спиной, то выдаёт по полной.

Непонятно, за что судьба — или элизийская погода? — обозлилась на своих любимчиков, населявших модный дом, в котором квотировались и Олэаны, а только здесь тоже было холодно и неуютно. Не в самом здании, понятно — вокруг. Мокрый унылый скверик скучал, лавочки, будто разом вылиняв с небесно-голубого до серого, пустовали — ни строгих нянечек, ни детей. Только на низком кованом заборчике, нахохлившись, словно недовольный воробей, сидел парнишка. При виде Мастерса он едва заметно покачал головой и снова уставился себе под ноги, сунув руки в карманы большого — не по росту — твидового пиджака.

Уличная команда Росса бдила, но всё без толку — ни фат, ни его дочь дома не

появлялись. Другого ждать не приходилось.

Оборотень подышал на замёрзшие пальцы — перчатки он тоже забыл — разглядывая парадный вход. Полированные двери, утратившие гордое сияние, выглядели как ворота непреступного форпоста. Или банковского хранилища. Одно на одно выходило: за ними Мастерсу делать нечего. Да и вообще непонятно, зачем сюда заявился.

Ну, допустим, за лекарствами сами господа не ходили, прислугу посылали. Значит, служанки должны знать адрес аптеки, где снадобья готовили. А у фармацевта, скорее всего, хранятся рецепты, выписанные тем самым неуловимым доктором. Да не скорее всего, а наверняка — не микстуру от геморроя продавал. Только вот Олэан с тех пор весь штат поменял и не один раз. Где теперь тех служанок найдёшь? Консьержи и лифтёры тут не помощники. Вряд ли они что-то знают, а знают, так не скажут ни по доброте душевной, ни за деньги. Или скажут, но не сразу, возись с ними...

Мастерс не спеша обошёл вокруг дома, зачем-то подёргал ручку чёрного хода — закрыта, естественно. Огляделся. Короткая кишка переулка была пустынна, тиха и, как ни странно, практически суха. Крыши домов почти соприкасались и чисто выметенная брусчатка только мокро поблёскивала. Оборотень снова глянул на дверь, провёл пальцем по петлям, отёр масло о куртку.

Естественно, что замки и петли тут регулярно смазывали. Этим же ходом пользовались активно. Не станут же горничные, служанки, повара да носильщики через парадный вход сновать.

Рон усмехнулся, шаркнув ногой по брусчатке. Интересно, а дворники тут часто меняются?

* * *

Желающие разыскать Папашу Руха днём должны были посетить замечательное заведение под названием «Золотой пескарь», в народе больше известное как «Обдираловка». Позиционировала себя шарашка — ни много, ни мало — «кафе со спиртными напитками». Почему именно кафе, а не, допустим, бар или на худой конец ресторан, кажется, не знал никто.

Зато всем любителям чуть-чуть незаконных, полузаконных и совсем запрещённых азартных игр в Элизии было известно: в «Обдираловке» самые высокие ставки, самые понятливые букмекеры и любому доступна игра в долг. Правда, проценты по кредитам тут тоже «самые». А методы убеждения должников совсем негуманные. Но когда хочется сорвать большой куш на халяву, приходится рисковать. Даже целостностью собственных конечностей.

В общем, желающим встретиться с Папашей прямая дорога к «Пескарю». Другое дело что желающих находилось немного. С теми, с кем устроитель боев дружил, дварф встречался сам, и время свидания тоже назначал самостоятельно. Ну а тех, на кого у него зуб имелся, находили. Как бы несчастный от randevу не уклонялся. Яте повезло оказаться в числе немногих нахалов, по собственной воле разыскивающих Папашу. Но Курой такую наглость мог позволить.

Тег едва успел шепнуть бармену о цели своего визита и понюхать пойло, которое в «кафе» за вишнёвый ликёр выдавали, как дварф, сияя в полумраке двенадцатью золотыми

коронками, выплыл откуда-то из подсобки. То, что коронок именно двенадцать, а не пять и не двадцать, Яте разглядел без труда — уж слишком широко, радостно и дружелюбно улыбался Папаша. Примерно, как крокодил.

— Те-ег, дружи-ище, — радушно раскрыл объятъя дварф, будто и вправду надеялся прижать Курой к своему выдающемуся пузу. — Как же я рад тебя видеть! Рад, рад, даже не сомневайся. В самый раз собирался весточку послать! В среду-то тебя не было. Да я и покумекал, думаю: чего зазря парня тревожить? Пусть отлежится, а я ему пока стоящего бойца предложу. И...

Поток дружелюбно-снисходительного бреда криминалист перебивать не стал. Просто вытянул из кармана пачку купюр — такую толстую, что подкладку вывернуло — и шлёпнул деньги на стойку.

— Это что? — глубокомысленно пыхнув огрызком неизменной сигары, кажется, приросшей к толстой губе, осторожно поинтересовался дварф.

— Деньги, — любезно пояснил Яте.

Хотел было для пущего имиджу залихватски опрокинуть в себя содержимое рюмки, но понюхал и передумал. Имидж имиджем, а печень дороже.

— Эт' я вижу, — Папаша улыбаться перестал. Кабаньи глазки, выглянувшие из-под умильно расплзшихся щёчек, смотрели совсем недружелюбно. Даже недобро. — Только к чему? Вроде как долгов за тобой нету.

— Долг за тобой есть, — Курой меланхолично раздавил большим пальцем таракана, зачем-то вылезшего на стойку. Видимо, и среди насекомых встречаются самоубийцы. — Теперь есть. А это ставка. На меня.

— Так-так-так, — зачастил дварф, возвращая на луноподобную физиономию сияющую улыбку. И, никого не стесняясь, потирая пухлые ладошки. — И против кого это ты, парень, выйти решил, а? Хоть бы меня предупредил по старой дружбе. Всё же не шишка с горы, а считай, импресарио.

— Считай, импресарио, — хмыкнул тег, подвигая пачку банкнот к дварфу, — Тут восемьсот чистыми.

— Ско-олько-о? — сигарный окурок отвалился вместе с нижней губой и, видимо, челюстью.

— Восемьсот, — невозмутимо повторил Курой, — твой процент стандартный. А ставки... Ставки будут высокими. Гарантирую. Но этого парня ещё найти надо. Зовут Арнэ, фамилию не знаю. Армейская кличка Призрак. Оборотень. Росомаха, кажется. По крайней мере, двигается как куница и псих ещё тот. Рожа с левой стороны палёная. Найдёшь, короче.

— Армейский — эт' хорошо, — протянул дварф, забираясь на табурет, стоящий рядом с Курой. Короткие ножки и чересчур объёмный живот не позволили Папаше взгромоздиться ни элегантно, ни просто небрежно. Но когда речь о деньгах заходит, какой же дварф станет о внешнем виде думать? Тут бы дела обсудить, выгоду просчитать и подумать, как ближнего объегорить. — Только сколько их, армейских? Не слишком это и интересно, слышь, Тег?

— Про ликвидацию императорской семьи знаешь? — поинтересовался Курой, вертя злосчастную рюмку. С ней что-то нужно было решать. Раз заказал — пей, а то слабаком сочтут. Но печень всё же жалко. — Ну, так он активное участие в этом деле принимал.

— Так-так-так, — повторил Папаша, начав барабанить крепкими ногтями по стойке. И заставив Яте вздрогнуть — тег даже обернулся, почудилось, что вместо дварфа рядом альв сидит. — Но ты же ляжешь, Тег, — сказал эдак сочувственно, разве что по головке не

погладив.

— Не... — с трудом выдохнул Курой. Пойло оказалось не только мерзким на вкус, но и жутко крепким. Таким драконов потчевать, чтобы огненными очередями плевались. — Не лягу... — теперь горели не только обожжённый рот и горло, но и желудок. Всё-таки сложно удерживать каменную физиономию, когда слезы норовят градом хлынуть. Но Курой справился. — Пусть твои мальчишки прошвырнутся по притонам, где опиум курят. Там его и найдёте.

— О как! — вроде бы изумился Папаша, а у самого в глазах столбики цифр стоят — не дварф, а арифмометр.

С другой стороны, озадачишься, когда куш обещает быть не просто немалым, а очень и очень нехилым. Громил-то тег уже разделявал, этим почтенную публику не удивишь. А вот если пустить слушок, будто этот Призрак служил и в чём участвовал, о дурных привычках, естественно, умолчав, то... Как ни крути, а профит изрядный. Пару тысконок поставить на одного бойца, пару на другого — и при любом раскладе с наваром останешься. Да и репутации такое мероприятие на пользу будет.

— А у тебя-то в этом какой интерес, а, парень? — добродушно прищурился дварф.

— Думаешь, мне деньги не нужны? — усмехнулся Яте.

Папаша смотрел на тега искоса, но эдак пронизательно — и впрямь умудрённый жизнью отец на наивного отпрыска. Курой поморщился. Выходило не слишком ладно, причём у обоих. «Импресарио» то и дело забывал о том, что он всего лишь дружелюбный толстячок. А у тега с объяснениями выходило... не очень. От денег он никогда, конечно, не отказывался. Только и особого интереса к ним не проявлял. Его всегда больше сам процесс зарабатывания увлекал.

— Да подумываю завязать я, — попробовал зайти с другой стороны медик, — не мальчик уже.

— Жениться надумал, что ль? — ухмыльнулся дварф. — Уж не на той ли горячей штучке с зелёными глазками? — Курой было далеко до горячей штучки, но глазками тег стрелять тоже умел. Зыркнул так, что Папаша чуть своей сигарой не подавился. — Ладно, ладно... Извиняюсь я. Дело твоё, в него не лезу. А вот по рукам ударить готов. Ты как?

Яте молча протянул ладонь. Пожатие у Руха оказалось неприятным — мягким, липким. И руку Яте он задержал, потянул на себя с неожиданной силой.

— Только учти, Тег, мы теперь партнёры. Парня я этого найду и на бой уговорю. Но уж и тебе пятится некуда. Сказал: бою быть, значит, выйдешь. Что случится, ежели ты свинтить захочешь, говорить не стану, сам всё знаешь.

А вот тут настало время Курой давиться. Как-то не рассчитывал он на самом деле снова с громиллой в спарринге встретиться — собственные силы реально оценить умел. А вот с просчётом последствий, видимо, промахнулся.

* * *

Временное помещение, выделенное для ветеранской комиссии, ничем не отличалось от постоянного, так неловко спалённого разгулявшимся альвом. Припоминая сие досадное недоразумение, Алекс даже что-то вроде стыда почувствовал. То есть, не стыд, а, скорее, неудобство, эдакий дискомфорт. Всё-таки он почитал себя законопослушным гражданином.

Ну, почти. А тут, получается, попортил имперское имущество ни за что, ни про что. И даже вины не чувствовал, пока снова не попал на улицу Тридцати страждущих. Выжженное до самой земли пятно зияло неммым укором.

К счастью, в Казначействе запас унылых особнячков с облезшими стенами, перекошенными рамами, сквозняками и серыми в жёлтых пятнах потолками был безграничен. И комиссия вполне себе уютно устроилась на новом месте: тишина, ни души и пылью пахнет. Часы, вроде как, приёмные, но кого это волнует? Пришлось управляющему «Следом» хорошенько попетлять по закоулкам и этажам, тычась в запертые двери. В открытых же кабинетах Росса встречали неизменным: «Закройте дверь с другой стороны!». И даже типично альвовская физиономия на служащих не действовала. Клерки Комиссии, прибывавшие в раздражении и чёрной меланхолии, раболепствовать перед лордом отказывались. Видимо, потеря родных стен сказалась на них гораздо сильнее, чем предполагал Алекс. А говорят ещё, что у канцеляристов души чёрствые!

В итоге Росс справился сам. Метод тыка, то есть открывания всех дверей подряд, помог. И в очередной крохотной камерке обнаружился-таки бывший сержант Три Ригис, больше известный узкому кругу как Три Полбутылки. Приходу альва оборотень не удивился, но и не обрадовался. Хмуро глянул на посетителя из-под кустистых бровей и молча махнул в сторону неизменно колченого стула, приглашая устраиваться.

— Переживаешь? — вместо приветствия поинтересовался Росс, осторожно присаживаясь.

Стоять было глупо, а садиться страшновато — мебель тут выглядела ещё плачевнее, чем в прежнем кабинете. Видимо, собирали с бору по сосенке. А боры и раньше роскошью не страдали.

— Да знаете, капитан, как-то нехорошо мне, — хмуро откликнулся Три. — Только вот методы у вас какие-то... Как у лихих ребят, честное слово! Спасибо, конской головы в постель не сунули! Между прочим, у меня сердце больное. Помру и что тогда? Нет бы просто сказать: «Так, — мол, — и так, мил друг, накосячил!». Контору-то на кой палить? До сих пор я и словами понимал!

— Палить? — осторожно уточнил Росс.

Не то чтобы испугался вдруг разоблачения. Просто то, как события развиваются, не понравилось. Задумывалось, что Алекс станет обличителем, а тут с порога самого обвиняют.

— Дурака-то из меня делать не надо! — раздражённо рыкнул вервольф — щека дёрнулась, шрам натянулся, задирая губу, как в оскале. — А то я вашу зачистку с чем другим перепутаю! Вот сижу какой день, голову ломаю: то ли накапать на вас куда следует, то ли к вам с повинной идти.

— И что надумал? — Росс обеими руками на трость опёрся.

Не ради красивой позы, просто палка сидеть ровно помогала. Стул оказался по-настоящему шатким и грозил вот-вот развалиться под не слишком и тяжёлым альвовским сидалищем.

— Да ничего не надумал!

Бывший сержант, посетителя не стесняясь, залез в сейф. Выволок оттуда бутылку с мутноватой жидкостью, заткнутую свёрнутым обрывком газетки. Продемонстрировал богатство Россу и получив в ответ отрицательный жест, влил в глотку полный стакан, обстоятельно занюхнув рукавом.

— На чём проколотся-то? — спросил сипло, протышавшись.

— На красочном описании отказа Олэана от пенсии, — любезно пояснил Алекс. — Перестарался с экспрессией.

— Даже спрашивать не стану, что за дрянь такая, — мотнул головой Три. — А что, поверили бы, скажи, будто я его не знаю, никогда видеть не видел?

— Да просто надо было дать информацию, которую у тебя просили, — пожал плечами Росс.

— Ну, конечно! — скривился Полбутылки, наливая себе новую порцию. — А вы бы к нему явились, слово за слово. Откуда дровишки? От Три, вестимо! Дальше-то что?

— Что?

— А ничего хорошего! — рывкнул оборотень и снова выпил. Залпом. — Ладно. Теперь-то от меня чего понадобилось?

— Всё, что про фата знаешь.

— Да что я про него знаю? — развёл руками бывший сержант. — Познакомились в госпитале. Я долечивался уже, а он с фигнёй какой-то валялся. Дизентерия, что ли? В общем, познакомились. Но так, шапочно. Потом уж здесь встретились. Олэан пришёл бумаги оформлять ну и... Потом опять пришёл, предложил вместе дело делать. А что? Не пыльно и не хлопотно, всё шито-крыто. Денежки-то никуда не деваются, просто задерживаются. Ветераны своё получают, а уж навар никого не интересует. Понятно, с начальником комиссии делиться пришлось, не без этого. Но на жизнь хватало.

— И на какую жизнь хватало? — поинтересовался Росс, поправляя манжет.

Альва мутило. С одной стороны противно. Боевой сержант, орденосец — и такими делами занимается. Что-то в этом было от крысучиноного копания в мусоре: мелко, гадостно и вонюче. Если уж красть, так миллион, да с пальбой, погонями и прекрасной блондинкой. А с другой стороны понятно. Безногий инвалид с пенсией, которую в лупу-то не разглядишь — и рядом с деньгами. Вроде как и осуждать совестно.

— Мне хватало, — веско пристукнул кулаком по столу Три, — про остальных не знаю, не спрашивал. Но вряд ли Олэан лишь тут кормился. Скорее уж ему наши медяки только на закуску шли.

— Кто вас сверху покрывал?

— Капитан, ты головой нигде не бился? — скептически поинтересовался оборотень, предварительно одарив Росса долгим взглядом. — Меня с ним или с ними не знакомили. Да и предложи — откажусь. Меньше знаешь — крепче спишь.

Алекс кивнул, будто соглашаясь.

— Олэана когда в последний раз видел?

— Да уж недели две тому, — пожал плечами Полбутылки, — срок ещё не подошёл. Вот дней через десять должен появиться. Могу маякнуть.

Росс снова кивнул, упорно глядя на трость, которую крутил между ладонями.

— Значит, поступим мы следующим образом, — велел глухо. Просто к тошноте ещё и головная боль присоединилась — затылок свинцом налился. — Бери лист и пиши.

— Чего писать?

Оборотень и не думал спорить, словно заранее к такому исходу готовился. Деловито опрокинул ещё один стакан, пододвинул к себе чистый лист, чернильницу, перо взял — ну просто прилежный ученик.

— Письмо. Анонимное, — едва заметно скривился альв. — В полицию. Мол, больше не можешь смотреть, как руководство комиссии злоупотребляет своим служебным

положением. Совесть тебя замучила.

— Это называется донос...

— Значит, пиши донос! — сорвался-таки, повысил голос. Нервы в последнее время ни к демону. Но в руках себя всё равно держать нужно. — Документы, подтверждающие факт мошенничества, прилагаешь. Давно начал подозревать, что директор захочет скрыть следы своей деятельности. Поэтому ты хранил компрометирующую отчётность у себя дома.

— Кто б мне это позволил, — буркнул Три, послушно строча.

— Вот такой ты хитрый, — порадовался за бывшего подчинённого альв. — Факт пожара подозрения подтвердил. И ты не желаешь, чтобы злоумышленники ушли безнаказанно. Дату и подпись можешь не ставить. Хотя нет, поставь. Пойдёшь свидетелем. Так делу быстрее ход дадут.

— Спасибо, — косясь в сторону, поблагодарил оборотень, протягивая Россу исписанный лист, — показания я дам.

Алекс ничего отвечать не стал. Сложил бумагу вчетверо, сунул во внутренний карман и больше ни слова не говоря, вышел. Вроде бы опять правильно поступил. И проблему решил, и официальный ход делу смог дать. Ну а Три... Не сажать же сослуживца, пусть и бывшего, за решётку! Не так уж сильно он и виноват.

А на душе всё равно маятно.

* * *

До семи вечера Каро металась: чистила единственное платье, в котором не стыдно в публичное место выйти, надраивала туфельки, мыла волосы. Вспомнила даже, что девушки в пансионате перед свиданием лицо мазали смесью желтка и постного масла. Зачем это делать нужно, тега понятия не имела. Но раз опытные советуют...

Вот как раз после того, как желток — вместе с белком — не в чашку, а на пол угодил, теург резко успокоилась. Конечно, желание выглядеть привлекательнее похвально. Наверное. Но она же не на свидание собирается, а на... дело? Нет, на дело домушники ходят. В общем, старается ради расследования. И внешность тут никакой роли не играет. Тем более глупо пытаться улучшить то, что в принципе улучшению не подлежит.

В общем, когда пришло время из дома выходить, Курой сумела накрутить себя до такой степени, чтобы кусаться начать. Платье было повешено обратно в шкаф — вместо него тега повседневный костюм надела. Волосы скручены в обычный узел. Яйцо выкинуто, а фат стал почти ненавидим. Заодно и со всем остальным мужским населением Элизия.

Напомнив себе раз двадцать: её цель заключается в профессиональном, холодном и взвешенном сборе информации, Каро отправилась на встречу с Алоа. И дико пожалела о своём решении. Ну, кто ж знал, что «Тихое местечко» окажется вовсе не тихим, а очень даже шумным. В смысле, популярным. Причём у весьма почтенной публики.

Насколько тега поняла — о привычках и обычаях привилегированных классов Курой имела весьма смутное впечатление — спектакль в театре, стоявшем неподалёку от ресторана, как раз закончился. И немалая часть почтенной публики направилась в это Седьмым проклятое «Местечко» на ужин. Под взглядами дам в мехах и бриллиантах, теургу немедленно захотелось повеситься. Или записаться в социалистическую партию. Плевать, что они считались запрещёнными. Зато идеи привлекательные.

— Госпожа Каро, — окликнул фат, которого Курой за этой сверкающей толпой и не заметила, — вы пунктуальны.

— Одно из моих многочисленных достоинств, — буркнула Курой.

И, спохватившись, попыталась улыбнуться. Кажется, получилось плоховато.

— Не хотите туда идти? — предположил не в меру прозорливый красавец, предлагая теургу руку.

Девушка, не видящая смысла в борьбе с врождённой честностью, чуть не согласилась. Но вовремя придержала язык, вспомнив своё обещание держаться людных мест. Да и собственное решение быть благоразумнее и сначала думать, а только потом делать, вспомнила тоже.

— Ну что вы, — проямлила Каро, — очень... милое... э-эм... заведение.

От слова «мило» тегу едва не перекосило — уж больно глупое и жеманное. Да и «заведение» звучало слишком неоднозначно. Ну и как, скажите на милость, вытягивать информацию из мужчины, когда чувствуешь себя полной дурой?

— Да, наверное, — Алоа глянул как-то странно, пристально. — Но прошу меня простить за такой выбор. Понимете, в этой ресторации официантами служат преимущественно теги. И я не подумал, что ситуация может показаться двусмысленной.

До тех пор, пока он не сказал, ничего двусмысленного теург не наблюдала. И вряд ли увидела. Официанты-теги — ну и что? А вот теперь стало неудобно. Это намёк? Мол, той, кому место только в прислуге, по ресторанам шляться не стоит?

Вечер стремительно и неумолимо катился к Седьмому в Подземье.

— Вы не слишком устали? — вкрадчиво спросил красавчик. — Хотел предложить просто прогуляться. Снег закончился и погода не так плоха. А если возникнет желание поужинать, заглянем в менее пафосное место. И да, вынужден снова извиниться. Я опять пошёл по привычному пути. Девушки, с которыми привык иметь дело, ценят только внешнюю мишуру и дутый статус. Вас они раздражают. Поэтому прошу прощения, моя ошибка. Хотел произвести впечатление, а попал впросак.

— Зачем вам сейчас стараться впечатление производить? — спросила тега, судорожно пытаясь сообразить: соглашаться на его предложение или отказаться? На улицах народу много — центр города, время не слишком позднее. Но кто знает, куда они загуляют? — Как говаривал один мой преподаватель: никогда не бывает второго шанса произвести первое впечатление.

— И какое же оно? — поинтересовался Алоа, ненавязчиво подталкивая девушку вперёд — под руку-то она красавчика взяла.

Пришлось подчиниться обстоятельствам, оставив мучительный выбор в покое.

— Противоречивое, — отозвалась Каро.

— И в чём же заключаются противоречия?

— Послушайте! — теург попыталась освободить руку, но ничего из этого, понятно, не получилось. Фат её ещё и придержал, накрыв ладонь теги своей. — Вы назначили свидание для того, чтобы выяснить моё отношение?

— А у нас свидание? — тонко улыбнулся фат в тени цилиндра. — И вынужден напомнить: записку с просьбой о встрече прислали вы. Я только выбрал место, да ещё и неудачно. Так что, не мне судить о цели. И зачем вы хотели меня видеть?

— Я хотела... — ко всему Курой готовилась, но вот не к такому вопросу. Вроде как свидание вечером его не подразумевает. В смысле, не свидание, а деловая встреча. Хотя,

кажется, о том, что встреча планируется деловой, она в записке упомянуть забыла. — Хотела узнать, как вы собираетесь использовать участок, который получите после женитьбы. Нет, я помню планы по строительству завода, но остальная земля...

Фат остановился. «Дура!» — рывкнуло под черепом. Почему-то голос сильно смахивал на роновский. Курой нервно оглянулась, но Мастерса, конечно, не увидела. Зато убедилась: они стоят посередь до сих пор оживлённого тротуара и ни в какие тёмные переулки Алоа заманивать её не собирается.

— Ну что ж, — проговорил красавчик негромко, — признаться, я этого ждал. Естественно, в свете последних событий вы начали подозревать и меня. Хотя до сих пор считаю: история выеденного яйца не стоит и Эрия просто надумала себе страхи. В результате только с отцом поругалась. Впрочем, вы вполне имеете право на собственное мнение.

Фат мягко вытащил руку Каро из-под локтя, легко поцеловал пальцы и отпустил, отступив на шаг.

— Я вовсе не... — начала тега.

— Не стоит оправдываться, — улыбнулся фат. Как-то очень по-доброму улыбнулся, грустно только. — Повторюсь, я этого ожидал. Просто надеялся, что успею познакомиться с вами поближе. И хотя мои намерения нельзя назвать чистыми, ничего дурного в них не было, поверьте. Но не всем желаниям суждено сбыться.

— Я... — проблеяла Курой, которой вдруг стало нестерпимо стыдно.

По-настоящему нестерпимо. Даже захотелось кусануть себя, что ли. А лучше провалиться сквозь землю.

— Что же касается вашего вопроса, — видимо, малоинформативное мычание Алоа не слишком интересовало, — Давайте вместе съездим и посмотрим на сокровище, которое мне достанется. А выводы будете делать сами. Конечно, поехать я предлагаю не сейчас. Завтра с утра вас устроит?

— Да, если только... — Каро замялась, пытаюсь сформулировать условие как-нибудь помягче.

— Естественно, господин Мастерс может поехать с вами, — кивнул фат. — Мы поступим даже лучше. Я предупрежу сторожей, чтобы вас беспрепятственно пропустили на участок, а сам подъеду позже. Устроит такой вариант?

— Да, конечно...

— Ну, вот и отлично. Сейчас найду кеб. Не думаю, что провожать вас домой в данном случае хорошая идея.

Теург в ответ только кивнула. Вроде бы, не так плохо и закончилось. Конечно, никакой полезной информации не узнала, но всё же могло быть и хуже. Только почему так грустно-то?

Глава пятнадцатая

Концы с концами сводить можно без конца.

Серый город — для всего живого место не слишком дружелюбное. Собственно, это и не город никакой, что и понятно — находится-то в черте Элизия. А руины, оставшиеся от человеческого поселения. Развалины на самом деле старые, лет триста уже разрушающиеся, но с землёй так до сих пор и не сравнявшиеся. А само-то поселение, наверное, полтысячи лет справило. В смысле, могло бы, не долбани по нему когда-то альвы плетением, превращающим всё живое в условно живое, то есть, в мертвяков ходячих. Заодно и поднимающее умертвий. Изначально так задумано было или просто побочный эффект, никто не скажет. Но как есть.

Собственно, по самому поселению альвы и не целились. Официальная версия гласила, что били по вампирской лёгкой пехоте. Конечно, уже тогда появились закономерные вопросы, типа: «Как так промахнуться можно и на кой превращать в мёртвое уже давно неживое?». Но поскольку лорды априори не ошибаются, то вопрошающие и сейчас, и в прошлом получали неизменный ответ: «Сам дурак!». Вероятно, в будущем аргументация тоже не изменится.

Так или иначе, а превратился некогда весьма процветающий городок в огромный такой пустырь, по которому вот уже несколько веков бродят неприкаянные трупы. Что тут скажешь? Место не самое хорошее, комфортом не отличающееся.

В принципе, решение проблемы никаких чрезмерных усилий не требовало. Достаточно снять плетение стазиса^[12], кинутое поверх заклинания умерщвления — и все неуспокоенные в мгновения ока в труху превратятся. Всё-таки триста лет — это серьёзный срок даже для очень крепкого скелета. Но сначала Серый город никому не мешал. Стоял он в стороне от трактов, мертвяки же за стены не лезли. А что им в лесу делать? В компании своих всяко веселее.

Правда, Элизий разрастался и как-то незаметно его окраины оказались чересчур уж близко к бывшему человеческому поселению. Тут чиновники вроде начали задумываться, как бы почистить территорию. Но вопрос остался нерешённым. Во-первых, зря народная молва на умертвий клепала: не жрали они мяса — ни свежего, ни тухлого, никакого. Они вообще в еде не нуждались.

А, во-вторых, ходячие покойники, наверное, очень неожиданно для себя, стали источником дармовой физической силы для небрезгливых дельцов. Да, воняют. Да, тупы и неповоротливы. Зато могут поднять за раз больше, чем любой орк, оплаты не требуют и профсоюзов не создают — только за одежду работают. Вот к нарядам, парикам и румянам мертвяки равнодушны, уж очень хотят на живых походить. Но чрезмерного не просят, на качество не ропщут и довольствуются малым.

Вот так и остался Серый город бельмом. Заселять его заново никто не собирался, а вокруг почти исчезнувших уже стен осталась полоса пустырей. Но, в целом, никому это малопривлекательное местечко особо не мешало. Правда, до Каро доходили слухи, будто криминальные бонзы подумывали — а, может, уже и додумались, кто их знает? — прибрать руины к рукам. Только сплетни на то и сплетни, чтобы им не верить.

А вот выглядел Серый город действительно неуютно и название получил заслужено:

развалины будто не снегом, а пылью припорошены. Уныло, мрачно, промозгло. Да ещё и дымка какая-то грязно-желтоватая по земле стелется. Теург посмотрела — тот самый стазис туман и рождал. Ещё и облезлые трупы ворон беззвучно клювы разевают, хоть бы каркнула одна. Жутковато.

И никакого обещанного фатом сторожа и в помине нет. Да и что тут сторожить? Груды битого кирпича и мокрые кусты?

— Мне приснилось, или твой фат сказал, будто участок на границе с Серым городом? — проворчал Мастерс, изучая карту, испещрённую значками, похожими на раздавленных жуков. — Судя по данному им же реестру, надел тот самый, олэановский.

— Он не мой, — огрызнулась Каро, отворачиваясь. — И какая разница, на границе участок или за ней?

— Да никакой, — легко согласился Рон, складывая план и убирая его в карман. — Надо же что-то сказать? Хотя, можно ещё погоду обсудить. А за «твоего» извини. Честно, не хотел обижать, по привычке сказанул.

— Быстро же у тебя привычка выработалась.

— Н-да, лучше уж о погоде, — хмыкнул оборотень. — Но, вообще, у нас есть более насущный вопрос: всё-таки фата ждать или самим тут осмотреться?

— И что тут осматривать?.. — начала тега, да осеклась.

О том, что Алоа предложил осмотреть участок, она Мастерсу в записке написала и время указала. Карту, присланную красавчиком с посылным, передала. А вот о том, что фат лично собирался присутствовать, ни словом не упоминала. Седьмой знает, как Рон на это отреагирует. Может, совсем бы ехать отказался?

— Ты за мной вчера следил! — Курой не спросила, а скорее факт озвучила.

— Естественно, — пожал плечицами блондин. — Ещё не хватало, чтобы ты с этим хмырём в одиночку встречалась.

— Да ты!.. — от возмущения все слова куда-то подевались. Остались только неприличные. — А если бы мы...

— Сто-оп, — ухмыльнулся Мастерс, наконец, поворачиваясь к теге. — Давай на этом и остановимся. Вы «не». А гадать, что случилось бы «если», дело, конечно, приятное, но не продуктивное. Детка, ты всё ещё мой напарник, не забыла? А фат этот мне не нравится. И всё, что вокруг него творится, тоже. Так что следил я не потому, что муки ревности замучили, а просто прикрывал твою очаровательную задницу. Вопросы есть?

— Масса, — прошипела Каро, — но я их на потом оставлю, ладно?

— Ничего против не имею, — заверил её Рон. — Ну, так что? Сами посмотрим или станем господина Иельона ждать?

Курой едва было не спросила, кто такой господин Иельон. Но — спасибо Семерым! — самостоятельно сообразила, что оборотень Алоа имеет в виду. Сама-то теург фамилию фата начисто забыла. Всё-таки с этими фейскими именами одна морока!

— А нет, вопрос снимается. Хозяин изволил-таки прибыть, — сам себе ответил Мастерс, глядя поверх головы теги на дорогу. — Кстати, он не говорил, с чего вдруг решил тут фабрику строить? От города и складов далеко, рабочим ездить тоже не ближний свет. На налогах, конечно, сэкономит — не вопрос. Зато на зарплатах и транспортных расходах разорится.

— Я не спрашивала, — буркнула Курой.

— Ну и ладно, сейчас поинтересуемся. Но что-то мне подсказывает, у мальчика с

голубыми волосами найдётся логичный и правдивый ответ.

— Тогда зачем спрашивать?

— А иногда обилие логичных и правдивых ответов настораживает, — подмигнул сыщик. — Отсутствие шероховатостей свидетельствует о длительной полировке. Кстати, у тебя револьвер с собой?

Каро кивнула — с подарком Мастерса она не расставалась. И из кармана пальто «пушку» доставала исключительно для того, чтобы под подушку сунуть. Но в данный момент тегу настораживало лишь одно — чересчур резкая смена настроения Рона. Нет, сменилось оно не в худшую сторону, только всё равно подозрительно.

— Это хорошо, что с собой, — оборотень, недобро так прищурившись, следил за подъезжающим экипажем. — А ты всё равно поближе ко мне держись, ладно? Только если решишь палить, в сторонку отойди. Я буду счастлив доставить тебе удовольствие. Но конечности, а тем более голова мне дороги как память о былых временах. Лучше ты их потом просто оторвёшь.

А вот на это Курой ничего отвечать не стала. Достойного ответа сразу не придумала, а карета фата уже подъехала. Да и радовать Рона перепалкой при свидетелях не хотелось.

* * *

Всё-таки нельзя отрицать, что нормы вежливости способны серьёзно облегчить жизнь. Вот ведь сразу понятно: господин Йельон оборотня видеть не рад. А тот и вовсе бы предпочёл жениху клиентки голову открутить, а не раскланиваться вежливо. Но правила требуют, потому и не бросаются друг на друга, даже улыбаться пытаются, делами интересуются.

— Что-нибудь новое о Элии известно? — поинтересовался Алоа таким тоном, словно спрашивал о прогнозах на погоду.

— Пока мне вас порадовать нечем. Но мы ведём активные поиски, — ответил Мастерс ровно.

Ровно-то ровно, но не нужно быть гением, чтобы подтекст сказанного угадать: «А не пойти ли тебе к Седьмому?».

— Да, я вижу, — бесстрастно согласился фат, вглядываясь в дали.

И тут перевод не требовался.

— Вы же сами пригласили госпожу Каро осмотреть ваш участок, — удивился Рон.

— Естественно, я этого и не отрицаю.

Ну да, только судя по тону, оборотня красавчик видеть не желал. И вот где справедливость? Сам же и предложил, чтоб он присутствовал.

— Может быть, мы начнём всё-таки? — спросила Каро, стараясь выглядеть под стать этим двум петухам. То есть равнодушной и холодной. — Зябко сегодня.

— Да, конечно, — фат подал теургу руку и улыбнулся — раз в двадцать теплее, чем Мастерсу. Но всё равно отстранённо. — Прошу вас. Осторожнее, госпожа Каро, под снегом много битого кирпича, не подверните ногу. Правда, не знаю, что вы хотите тут найти. В ширину участок тянется вон от тех колонн до забора. Видите, от него половина пролёта осталось? А в глубину во-он до того... той башни, что ли? Кажется, действительно вроде водонапорная башня.

Алоа повёл тростью, зажатой в руке, будто приглашая полюбоваться красотами. Хотя любоваться тут особо и нечем было. За прошедшие полчаса пейзаж успел порядком надоесть.

— Вас наверняка заинтересовал вопрос, зачем мне нужен этот кусок, — теург быстро глянула на фата — ничего. На физиономии красавчика та же вежливая отстранённость. Оставалось только поражаться его догадливости. — Как я уже говорил, собираюсь построить здесь завод. Точнее, кондитерскую фабрику. Это удобно по двум причинам. Во-первых, отсутствие налога на дым. А, во-вторых... Госпожа Каро, вы представляете, как пахнет такое производство?

— Ну-у, — тега в очередной раз споткнулась о камень, подло прикрытый снегом. Если бы не поддержка фата, точно бы рухнула носом вперёд. — Конфетами, наверное, шоколадом?

— А вот тут вы ошибаетесь, — Алоа чуть заметно поклонился, словно извиняясь перед теургом за её неосведомлённость. — Кондитерские фабрики, простите, воняют чёрной патокой и лакричным сиропом. Это только звучит вкусно. Некоторые сравнивают запах с ароматом хорошо разложившегося трупа. Причём амбре очень въедливое.

— Мало ли в Элизии дурно пахнущих производств? — удивилась Каро, оглядываясь на Мастера.

Сыщик, наплевав на свои же слова, никакой поддержки напарнице оказывать не собирался и с расспросами не лез. Оборотень просто гулял.

— Не мало, — не стал спорить фат. — Но и проблем с ними множество. Одни постоянные проверки и комиссии чего стоят. Кроме того, я подумываю построить здесь пару барачков, чтобы рабочие могли ночевать рядом с фабрикой и уезжать в город только на выходные. В общем, не буду утомлять вас подробностями.

— И что, никто другой не додумался о преимуществах Серого города? — ляпнула Каро, ничего плохого, в общем-то, не подразумевая.

Собственно, её гораздо больше интересовала целостность ног, чем деловые планы красавца. Но вопрос господина Йельона, кажется, по-настоящему разозлил.

— И почему же господин Мастерс не озвучивает свои интересы самостоятельно? — огрызнулся фат раздражённо. — Или это ниже его достоинства?

— Мои интересы? — вполне искренне удивился Рон.

— Хотите сказать, у госпожи Каро такие вопросы сами собой появились?

— А почему нет? — оборотень остановился, развернувшись. И перегораживая фату дорогу. — Или вы считаете, что у нашего теурга мозгов на такое не хватит?

— Я ничего подобного в виду не имел! — взвился Алоа, чересчур сильно сжав руку Курой — даже больно стало. — Не переиначивайте мои слова!

— Да где же я их переиначил? — пожал плечами сыщик.

— А как по-другому назвать ваши гнусные намёки?!

— Мне кажется... — начала Каро, пытаясь успокоить разошедшегося фата.

Да куда там!

— А мне кажется, что господин Мастерс очень эффективно задурил вам голову, — отчеканил Алоа. — Вы и сами не замечаете, как говорите чужими словами. И, между прочим, разгрёбаете за него жар. Но это ваш выбор, не мой. Только помните: я за вами всегда оставлял право выбирать. В отличии... Впрочем, пустое. Прошу прощения, господа, вынужден откланяться. И хочу предупредить: как только моя невеста найдётся, контракт с

вашей конторой будет немедленно расторгнут. Так что можете уже сейчас считать себя свободными от всяких обязательств.

Фат дёрнул Курой на себя, обнял порывисто и довольно чувствительно — рёбра хрустнули. «Как бы мне хотелось, чтобы всё сложилось иначе!» — горячо шепнул на ухо. Отпустил так же неожиданно, как и схватил — тега аж пошатнулась. Развернулся и, широко шагая, направился к своей карете.

— М-да, — протянул Рон, почесав костяшкой щёку. — Мне снова стоит извиниться?

— Да нет, — промямлила Каро, пытаясь сообразить, что же такое случилось-то? — Ты не при чём...

— Вот и мне так показалось. Ладно, будем считать, что у него... Не переживай, короче, помирись.

Курой в ответ только кивнула. Ну не обсуждать же с Мастерсом перспективы отношений с фатом? Точнее, их отсутствие. И так всё по-дурацки складывается, дальше просто некуда.

— Пройдёмся? — предложила тега.

— Не нагулялась ещё? — хмыкнул оборотень. — Руку давай, а то точно ковырнёшься. И смотри под ноги, ради всех Семерых.

Вот и возмутиться бы, а почему-то не хочется. И ещё одна странность — под руку с фатом ходить неудобно, будто с костылём. А с оборотнем наоборот. Хотя, Алоа практически одного с ней роста, а Рон громадина.

— Интересно, а что тут раньше было? — спросила теург.

Просто так спросила, чтобы не молчать. Думала-то она о другом. Показательное выступление фат устроил, чтобы уехать и, вероятно, на вопросы не отвечать. Но зачем тогда вообще приезжал? Его отказу никто бы не удивился.

— Да площадь какая-нибудь, — ответил Рон. — Обломков не так много, а вон там остатки фундаментов. Дома, наверное. Давай-ка мы дальше не пойдём. Что-то мне не хочется в руины лезть.

— Мертвецов боишься? — подначила Каро.

Настроение у теурга прыгало как теннисный мячик — и секунды не проходило.

— Они сами нас боятся, — ухмыльнулся оборотень. — Только уж больно удобное местечко, чтобы нам неприятности организовать.

— И ты туда же?! — тега выдернула ладонь из-под локтя сыщика. — День прошёл зря, если друг друга в пакости не обвините?

Мячик и есть.

— Да не трогаю я твоего фата! — рыкнул Рон. — Просто...

Что там просто, а что сложно, оборотень пояснить не успел. Потому, что земля ушла у детективов из-под ног. Провалилась к Бездне в самом прямом смысле.

* * *

Говорят, что хуже нет, чем ждать и догонять. Вот неправы те, кто так считает. Догонять — это всё-таки действие. Может, и бессмысленное, но активное. А вот ждать, да ещё и неизвестно чего...

По прикидкам Каро, пошли вторые сутки «сидения». Часы и неё, и у Рона разбились. Нс

над головой — высоко-высоко вверху — виднелся круглый кусочек неба. Он уже темнел, потом пропал вовсе, затем посветлел. Значит, сначала наступил вечер, за ним ночь, а потом и утро. Только для напарников мало что изменилось.

У теги складывалось полное ощущение: оказались они в самом низу фабричной трубы. Но Рон сказал, будто это водоотстойник. Приходилось ему верить падали-то они точно вниз. Видимо, эту проклятую всеми Семерыми трубу когда-то просто вкопали в землю. А, может, стены ямы камнем обложили. Только какая разница, как её строили, если кирпичи в стенах подогнаны друг к другу так плотно, что даже когтям оборотня зацепиться не за что? И кладка до сих пор прочная, как новая, почти не крошится.

Круглая площадка — в диаметре шесть шагов теги — в полном распоряжении детективов. Когда они сюда рухнули, пол был усыпан опавшими и перепревшими листьями, мелким мусором, обломками кирпича, ветками. Сейчас вся эта дрянь собрана в кучу. Поэтому можно не только сидеть, но, при большом желании, даже ходить. Только вот ходить уже не хотелось.

Где-то в метре от пола из стены торчит обломок железной трубы, намертво вмурованный в кирпичи. Вода из неё не течёт, а сочится тонкой струйкой — грязная, ржавая и отдающая плесенью. Но, по крайней мере, смерть от жажды не грозит. А над головой, примерно на уровне двух роновских роста, зияет чёрным провалом дыра, из которой сыщики и вывалились в колодец. Оборотень, наверное, смог бы до неё добраться. Но за дырой крутой жёлоб, идущий вверх, да ещё и завёрнутый широкой спиралью. Вылезти тем же путём, что сюда попали, у Мастерса шансов не больше, чем у теги. По крайней мере, он сам так сказал. Приходилось верить.

Они просто провалились. В то, что ловушку заранее подстроили, даже Рон не верил. Скорее уж не выдержала прогнившая канализационная труба или водоотвод, прикрытый такой же старой мостовой. А, может, насквозь прогнившего люка не заметили. Результат один: вопль, путешествие вниз по тому самому жёлобу, закрученному спиралью, да ещё покрытому слизью, как смазкой. И падение вниз, закончившееся для Каро обмороком. Правда, коротким. Теург ничего бы не имела против, длись он подольше.

Остаток вчерашнего дня был потрачен на безуспешные попытки выбраться из каменного мешка. В итоге Каро заработала несколько дополнительных синяков и ободрала ногти почти до мяса. Потом настала ночь и истерика с рефреном: «Мы здесь умрём!». Успокаивать девушку словами Мастерс даже не пытался. Просто держал на коленях, покачивая и мурлыча на ухо что-то маломузыкальное, но убаюкивающее.

Больше всего донимал холод. И если бы не Рон, труп Курой к утру уже и окоченеть успел. Будь благословлён Шестой, создавших оборотней горячими, как хорошая печка. Теург даже уснуть смогла, свернувшись калачиком у него подмышкой.

Вот только утро добротой не отличалось. Во-первых, ничего вокруг не изменилось. Во-вторых, желудок теги начал завывать в голодных спазмах. А сыщике с его-то габаритами наверняка ещё хуже приходилось. И, в-третьих, шансы на спасение оставались по-прежнему весьма призрачными. В том, что Росс и Яте напарников искать будут, сомнений не возникало. Но вот найдут ли? Учитывая, что сами сидельцы понятия не имели, где находятся.

Разговоры не разговаривались, да и о чём? Поэтому просто сидели друг напротив друга, грея спинами каменные стены колодца, молчали каждый о своём. По крайней мере, Каро, обняв руками колени и ткнувшись в них лбом, про себя песни пела. Сидеть скрючившись

было теплее — даже днём в мешке изо рта пар валил, а сверху ещё и мелкий дождик сыпал. И если песни петь, то мысли не одолевают. Не забьёшь мозги бессмыслицей — мгновенно подкатит чёрная удушливая, как газ паника, от которой хотелось долбить кулаками стены и орать: «Выпустите меня отсюда!».

— Прости меня, — прервал мысленные песнопения Рон.

Каро приподняла голову ровно настолько, чтобы оборотня видеть, здорово напоминая солдата, высунувшегося из окопа. Мастерс, в отличие от теги, скрючиваться не стал. Сидел расслаблено, подогнув под себя одну ногу и вытянув другую, затылком упираясь в стену. Закрыв ли он глаза или, наоборот, созерцал крошечный осколок неба, разглядеть тега не могла.

— За что? — буркнула Курой в колени.

— За всё, — доходчиво пояснил Мастерс. — Просто... Да нет, не просто, — кажется, он усмехнулся. — Понимаешь, я просто зверею, когда женщину или ребёнка... Ну, вот так, как ту девочку или клиентку.

— Для оборотня термин «зверею» особенно актуален, — хмыкнула тега.

— Да, — Рон-таки поднял голову, посмотрел на теурга, — именно так. Теряю контроль, и вылезает зверь. А у него мозгов не много, голый инстинкт. Ну вот, хотел объяснить как-то, а всё к инстинктам свёл. Не умею я оправдываться. Так и тянет ляпнуть, что-нибудь в духе: «Ты достойна большего!». Но это ж дурь.

Каро ничего не ответила. Да, собственно, она и не знала, что сказать. «Точно! Ты полный идиот!»? Пожалуй, сейчас такая реплика была наименее актуальной. Ругаться дело бесперспективное. И не только потому, что истину вряд ли найдёшь. Просто из каменного мешка не уйдёшь, хлопнув дверью.

Но, кажется, в ответах сыщик не очень-то и нуждался.

— Когда я ещё у матери жил, до того как в армию попал, имелся у нас сосед, — Мастерс поморщился, словно у него зуб разболелся. — Он свою жену чуть не каждую неделю лупил — вот так же, в кровь. И детям доставалось. Двое их было. Девочка постарше и мальчик. Тот маленький совсем. Никто особенно внимания на это не обращал. Дело семейное — сами разберутся. И я не лез. Хотя мне та женщина, жена его, очень нравилась, фигуристая такая, волосы светлые. Хотел вмешаться, но боялся, что по роже получу. Сосед-то здоровый мужик. И пока я храбрости набирался, он жену довёл. Обоих детей она прирезала, а потом и сама голову в петлю сунула.

Рон шевельнулся, потёрся затылком о кирпичи.

— Вот на это меня и заклинило. Как будто я виноват. Мог, но не помешал. Тем более что тот мужик просто человек. Или полукровка? А я, хоть и котёнок ещё, конечно, но все-таки оборотень. Страх за свою шкуру сильнее оказался. Стыдно. В общем-то, и в армию из-за этого пошёл. Мол, защита слабых, всё-такое. Выслуживался, старался. Так и оказался... где был. Там о моральных принципах не спрашивают. Приказали — делай. А нет, то повезёт, если просто уволят. Можешь и под суд попасть. А он — полевой — быстрый. Вот и получается, что опять страх за свою шкуру сильнее.

Каро молчала. Как реагировать на такие признания она понятия не имела. Что говорить, когда рассказывают о сокровенном, тайном, стыдном? Наверное, оборотень ответа ждал. Только вот какого? Сочувствия? Уверения, что никто ни в чем не виноват? В этом теург сомневалась.

— Ты бы, наверное, на месте той жены скорее мужу глотку перерезала, да? — Мастер

снова глянул на Курой, усмехнувшись.

Тега лишь плечами пожала. Ну, уж башку в петлю совать, а, тем более, детей резать, точно бы не стала. Но, собственно, она в такой ситуации и не оказалась бы. Затем жить с тем, кто на тебе удары отрабатывает?

— У тебя ноги не болят? — неожиданно сменил тему Рон.

— Нет, — помотала головой Каро. — А должны?

— Не должны. А вот у меня суставы ноют, — оборотень встал, размял шею, покрутил руками. — К перемене погоды — верный признак. Как бы ливень не начался. Или похолодать может. Только вот дилемма: что ты делать будешь, если я вниз скovyрнусь, а? Совсем ведь хорошо станет.

— Ты о чём?

Мастерс мотнул головой. Деловито снял сапоги, затолкал в них носки, оставшись босым. Теург невольно поёжилась — ей даже от мысли встать на землю голыми пятками холодно стало. А Рон ещё и куртку стянул, подошёл к девушке. Присел на корточки, накинул кожанку поверх её пальто.

— Не обижайся на мои шуточки, — оборотень придержал полы полу куртки, будто кутая тегу. — И на... за выходы тоже не обижайся. Думал, отпустит. Сначала-то что? Миленькая глупенькая самоуверенная девочка, на каждом шагу спотыкающаяся. И как такую в постель не затащить? А потом... Стерва ты, Каро. Не полноценная, но хорошая такая заготовка. Я от таких женщин стараюсь в стороне держаться, понимаешь?

Мастерс легонько тряхнул тегу.

— Понимаю. Ты хочешь, чтобы я тебе в рот смотрела и бегала хвостом. Тогда ты и дальше мог бы свою придуманную вину лелеять. Заведи ребёнка, Рон. Серьёзно говорю.

— Заведу. Вот как только мы отсюда выберемся, сразу же этим вопросом и займусь. Может, поможешь его решить? — он усмехнулся своей фирменной мастеровской улыбочкой.

— Если только советом! — огрызнулась Курой.

Тега этот разговор не нравился категорически. И ещё меньше нравилось настроение оборотня. Серьёзный Рон пугал гораздо больше, чем бешеный.

Мастерс отпустил, наконец, куртку, встал. Вытащил из ножен дольно широкий клинок, длиной примерно в ладонь теурга. Расстегнул кобуру и ремень, бросив их рядом с Курой. Снял с голени ещё одну «сбрую», достав нож поменьше. И с явным сожалением осмотрел оба клинка.

— Угроблю оба, — пробормотал. — Ладно, главное, чтобы не сломались до срока.

— Ты что задумал? — паники в голосе Каро было больше, чем ей бы самой хотелось.

— Ты когда-нибудь видела котопаука? — ухмыльнулся сыщик. — Сейчас увидишь.

— Ты что, собираешься туда лезть?! — теург ткнула пальцем в клочок неба вверх.

— У тебя есть идея получше?

Каро задрала голову. Метров тридцать — не меньше. Если сорвётся...

Тега медленно встала, придерживаясь рукой за стену — ноги затекли. Головой помотала, снова на небо глянула. Только мысли никуда деваться не собирались. И ужас тоже. Страх буквально душил, заставляя сердце барабанить, как в падучей. И боялась она не того, что Рон погибнуть может. А что она останется здесь наедине с его трупом. Или, не дай Семеро, с живым, но искалеченным.

Ещё и стыд за такое душил ничуть не хуже страха.

— Не смей!.. — только и смогла выдать тега, вцепившись в руку Мастера, не

замечая, что раздирает его кожу ногтями до крови.

— Каро, поверь, ещё одну ночь ты можешь и не пережить. Я-то ничего, выдержу, а вот ты... Уж лучше сразу застрелиться. Благо, есть из чего. Отсюда я до Алекса не дозовусь — земля, камень, железо. А как только наверх выберусь, так сразу.

Он переложил ножи в правую руку, за которую тега цеплялась, осторожно разогнул её пальцы, сжав их в ладони, и поцеловал Курой в лоб. Теург запрокинула голову, пытаясь заглянуть в глаза оборотня. От страха у неё буквально — вовсе не фигурально — язык отнялся. А смотрел на неё Мастерс странно. И грустно, и будто снова извиняясь. Было там и ещё что-то.

И тут тега просто кожей почувствовала, что все будет плохо. Очень-очень плохо: Рон погибнет, а она останется одна. «Удержаться! Не пускать!» — молотком в виски билось.

Мастерс наклонился и поцеловал Каро — просто и естественно, обыденно как-то. А потом ничего обыденного не стало. О таком Курой слышала — от девочек в приюте, в романах читала — было дело. Но... Она даже самого поцелуя-то не ощущала. Падала куда-то и каменный мешок кружился. Мир просто стал Мастерсом: он пах оборотнем, чувствовался Роном, из всех звуков осталось только гулкое буханье его сердца.

В один миг все кончилось. Тega оторопело таращилась в жёлтые с заметной зеленью глаза с узким вертикальным зрачком. Сыщик выпрямился, отступая назад. Его широченная грудь поднялась — то ли вздохнул, то ли дыхание перевёл.

— Теперь у меня есть ещё один стимул, — усмехнулся оборотень и подмигнул, гад!

Желание треснуть чем-нибудь по белобрысой башке мелькнуло где-то на задворках сознания — и пропало. Каро сухо сглотнула, плясь на напарника, как кукла. А Мастерс отошёл к стене, больше не обращая на теурга ни малейшего внимания. Потянулся, встав на цыпочки. Всадил между камней нож, выковыряв раствор. Подтянулся, опёршись пальцами ног в стену. Вытянул свободную руку вверх, втыкая второй нож. Снова подтянулся, осторожно, раскачивая, высвободил первый клинок. И дальше, вверх...

Курой, прикусив собственную руку, чтобы не завывать от страха, смотрела, как ходят вздувшиеся мышцы на его спине. Это продолжалось долго, слишком долго.

Наверное, лучшего наказания Седьмой придумать не сможет. И после смерти, в Подземье, Каро будет вечно смотреть, как Рон ползёт по стене. Будет слышать его хриплое, срывающееся, с натужными всхлипами дыхание, эхом отдающееся в колодце, бьющее по ушам. Видеть, как соскальзывают его пальцы с рукояти клинка и Мастерс падает, падает вниз... Но удерживается на левой руке, бессильно повиснув. А потом дикое усилие подтягивающегося тела, в попытках дотянуться до верхнего ножа.

Сначала тега стояла, запрокинув голову, боясь даже глаза отвести. Да что там! Она и моргнуть-то боялась. Но шею заломило так, что слёзы потекли. И теург села, опёршись затылком в стену. А потом просто легла на землю, не чувствуя холода. Внутри неё всё равно холоднее было.

Когда Мастерс перевалился через край колодца, Каро показалось что это сон, морок. Такого просто не может быть — это у теурга начался-таки бред. Но Курой все же окликнула. Рон не отзывался долго. Так долго, что тега вскочила, зовя его, вцепившись ногтями в кирпичи стены. Наконец сверху показалась голова — светлые волосы трепал ветер. Оборотень что-то крикнул, но Курой не расслышала ни слова. Да, в принципе, это было уж и не важно.

А потом наверху, на фоне темнеющего неба, как тени на простыне, замелькали силуэты.

И дождь выбрал именно этот момент, чтобы разойтись всерьёз. Тяжёлые капли падали, жалящие, как осы. Потом из дыры, из которой сыщики выпали, с краёв каменного мешка, из каких-то щелей начали течь ручейки, быстро превращаясь в водопадики.

Но Каро даже страшно не было. Ужас исчез, оставив твёрдую уверенность, что нужно только немного потерпеть. Ведь Рон смог, а, значит, всё будет хорошо, всё кончится.

Концы бывают разными — счастливыми и не очень. После одних хочется удавиться, а после других летать. И их вестниками может стать что угодно: взгляд, слово, письмо. А иногда конец знаменует толстый просмолённый канат, упавший сверху и саданувший по спине ничуть не хуже кирпича.

Глава шестнадцатая

Если ты знаешь, чего хочешь, значит либо слишком много знаешь, либо слишком мало хочешь.

Трещина, пересекающая потолок, была незнакома. Вроде дома у Каро похожая имелась, но всё-таки не точь-в-точь. Тега повернула голову — рядом стена, деревянная и полированная, странная такая. И к пониманию, где теург находится, не добавляющая ничего. Где-то в отдалении бубнили голоса, негромко, а оттого неразборчиво. «Бу-бу-бу...» — тянул один. «Бу!» — отрезал другой. И опять длинная унылая тирада.

Пришлось садиться. Правда, удалось это не с первого раза. Всё тело ломило, словно Курой долго пинали. Руки-ноги слушаться не желали, сгибаться не соглашались и требовали положить их обратно, где тепло, мягко и уютно. Да ещё и голова кружилась. Но сесть тега всё-таки села.

Стена оказалась никакой и не стеной, а вовсе боковиной алексовского стола, стоявшего, соответственно, в кабинете альва. А саму Каро кто-то заботливый устроил на диван, да ещё и одеялком укрыл. Рядом же на стуле, аккуратно сложенная, лежала её собственная одежда — чистая. Видимо, тот же доброход успел съездить на квартиру теги.

Дальше развивать эту мысль не было никакого желания. Потому что на стуле не только юбка с блузкой и жакетом нашлись, но и чулки с нижним бельём. Ну и пусть так, всё лучше, чем расхаживать голой или в грязном порванном костюме. Ещё бы и умыться не мешало, но в конторе умывальник один — у Яте в лаборатории. И чтобы до него добраться нужно, как минимум, выйти из кабинета.

Каро на цыпочках подкралась к двери, приоткрыла створку на ширину волоса, прислушалась. Надо же сначала понять, что вокруг происходит и только потом показываться миру. Иначе попадёшь ещё под раздачу. Это ты себя можешь считать пострадавшей и, вообще, жертвой. А у господина Росса на то свои резоны могут иметься.

— ... если она предложила ещё погулять, то, получается, сговорилась с фатом? — недовольно буркнул невидимый теге Яте. — В принципе, такое может быть. Не рассчитала, потому сама и угодила. Но подстроить ловушку подобного масштаба непросто, согласись.

— Про ловушки я больше тебя знаю, — Алекс боком сидел на секретарском столе — когда это и, главное, зачем новый поставить успели? — и Каро разглядела только его колено, да руку с белоснежной манжетой и рубиновой запонкой. — И склонен думать, что это просто дурное стечение обстоятельств. По крайней мере, то, что касается Рона и нашего теурга.

От словосочетания «наш теург» сердце Курой бумкнуло, провалилось куда-то под желудок и замерло, застенчиво постукивая. Всё-таки «наш»! Ради такого и пострадать немножко можно. Не так всё и страшно...

Курой машинально отёрла вспотевшие ладони о юбку, глянула на руки, не понимая, с чего такая реакция. И лишь тут до неё дошло — не только ладони, но и лоб со спиной покрылись холодной испариной. Видимо, тело не соглашалось с хозяйкой и не считало, что страшное совсем не страшно. Сама-то Каро каменный мешок, конечно, не забыла. Но смутно так, будто плохо запомнившийся сон: отдельные картинки и те в туманной дымке.

— Но вот всё остальное, — продолжал рассуждать Алекс, — непонятное поведение

фата, его приезд. Этот осколок, найденный, опять же, у госпожи Каро...

— При чём тут осколок, Ал?

Вот ведь не было ничего: сон, подзабытый лихорадочный бред. А стоило тебе в щели между дверью и косяком оборотня увидеть, и всё стало реально, даже материально. Нахлынуло, будто ледяной водой окатило. Словно не было никакого кабинета: холодно — от холода пальцы сводят и они почти не чувствуют ни грязи, ни каменного пола. Пахнет сыростью и плесенью. В ушах — сиплое дыхание, а перед глазами...

— Рон!

Кажется, вслух теург оборотня всё-таки не позвала, только дверь распахнула. Но Мастерс моментально оказался рядом — только что на другом конце приёмной стоял, а уже тут. Смотрит — глаза зелёные, без желтизны, улыбается. За руку взял — у самого ладонь горячая и сухая. Живой, настоящий. Огромный и надёжный, её вытащивший.

— Проснулась?

Вот дурацкий же вопрос! Что на него отвечать полагается: «Нет, всё ещё сплю!»? А всё едино ничего приятнее в жизни не слышала. Но в ответ ни умного, ни путного не придумала, кивнула согласно.

— Ну и ладушки, — порадовался сыщик и опять к Алексу развернулся, кот драный. Правда, руки теги так и не отпустил. Наоборот, подтянул теугра к себе поближе. — Говорю, осколок тут не при чём. Знаешь, сколько там дряни было? Просто мусор случайно зацепился.

— Эдакий «мусор» без дела не цепляется, — веско заметил Яте. — С таким же успехом можно совершенно случайно бриллиант найти.

— А о чём речь идёт?

Каро попыталась сгрести мысли, растекающиеся в блаженно-розовую лужу, в кучу и вернуться к реальности. Ладонь оборотня этому почему-то активно мешала. Теург подумала-подумала, и оставила свою руку там, где она была. Нужно учиться мыслить в любых обстоятельствах и при любых отвлекающих факторах.

— Добрый день, госпожа Каро, — поздоровался вежливый альв. — Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, господин Росс, — а вот краснеть вовсе необязательно. Тег с оборотнем себя приветствиями вообще не утруждают и ничего, собственной невоспитанности не стесняются. — Всё в порядке, спасибо. Я вполне...

— Мы знаем, что ты вполне, — перебил некомплексующий Мастерс, волоча теурга к секретарскому столу, на котором управляющий восседал. — Ты вот эту штуку узнаёшь?

«Этой штукой» оказался вовсе не альв, как подумалось всё ещё плохо соображающей Курой. А фарфоровый осколок — доньшко и кусочек выпуклого бока то ли чашки, то ли вазочки. Белый фарфор, синяя роспись и изрядно стёршиеся тоненькие золотые линии. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы узнать восточную посуду, хотя «живую» Каро никогда даже блюдца с Островов не видела. По крайней мере, с тех пор, как в Элизии очутилась.

— Нет, — помотала головой тега. — А где вы его взяли?

— В вашем пальто, — любезно пояснил Алекс.

— В моём?

Пучить глаза серьёзному специалисту, наверное, не пристало. Но от таких сообщений не только глаза на лоб вылезут, но и челюсть отвалится.

— Да когда нашу одежду собирали, чтобы выбросить, Яте твоё пальтецо тряхнул и вот это из него вывалилось, — радостно сообщил Мастерс.

— А откуда оно там взялось? — оторопело вывезла Каро.

— Хороший вопрос, — неожиданно согласился альв. — Вот это мы и пытаемся понять. Кроме того, что вещь сама по себе была недешёвой... Я имею в виду фарфор, — тактично уточнил Росс. — Так вот, дорогой посуде в Сером городе делать, вроде бы, и нечего...

— Да с чего вы взяли? — перебила управляющего Курой. — Это же старое человеческое поселение. Почему бы там не быть какой-нибудь вазочке с Островов? Раньше-то ими запросто торговали.

— Глаза разуй! — посоветовал медик.

— И что я должна увидеть?

— Рисунок и золото.

— Яте намекает на то, что мотивы драконов, да ещё позолоченные, могли украшать только предметы, принадлежащие императорской семье, — растолковал Алекс. — Сами понимаете, такую посуду на рынке не продают и никогда не продавали. Так вы можете предположить, откуда это у вас, госпожа Каро?

Существуют вопросы, на которые отвечать можно долго и подробно, но проще руками развести — всё равно эффект тот же, потому что сколько не предполагай, а ближе к истине не окажешься. Курой именно это и сделала.

То есть руками развела. Заодно и Мастерс рукой помахал — ладонь теурга он же так и не отпустил.

* * *

— ... в общем, мог бы и не вылезать, — Мастерс смущённо почесал костяшкой подбородок. — Ещё бы пару часов и они сами на нас наткнулись.

— Откуда там Гиккори взялся? — спросила Каро ровно.

Вот недаром же оборотень сотню раз советовал: учись притворяться. Действительно, такое умение в жизни пригодиться может. Сейчас, например. Сидит вся из себя спокойная, в окно кеба, по традиции грязью залепленное, смотрит. Голос не срывается, и не хрипит. А то, сколько сил требуется, чтобы не разреветься и на шею Рона не кинуться, знает только она сама. И хорошо, хватит с неё истерик.

— Так Алекс к нему бросился. Прождал нас в конторе до полуночи и поехал бравого инспектора из постели вынимать. А там уж сам Гиккори полицейских нагнал. Место, где мы провалились, они моментально нашли. И с утра начали пустырь прочёсывать. Просто этот Седьмым трах... эм... проклятый водоотвод совсем в сторону уходит. Так что зря я геройствовал.

— Не зря.

— Почему?

Курой промолчала. А как тут ответишь? Потому что я чуть с ума не сошла, на тебя гляючи? Потому что теперь точно знаю: из любой дыры выгацишь, не бросишь? Потому что все девочки мечтают оказаться спасёнными? Глупость же. Причём глупость, с риском сорваться и помереть несопоставимая. Обидится ещё на такую аргументацию. И будет абсолютно прав.

Да и не при Яте, даже усиленно делающем вид, будто его тут нет, такие признания выдавать.

— Всё-таки тебе стоило ещё денёк в постели поваляться, — проворчал оборотень, ответа так и не дождавшись. — Простудишься ещё...

— Лучше скажи, откуда ты адрес этого аптекаря добыл? — попросила Каро. — Или это секрет?

Мастер глянул на тегу странновато, даже рот открыл, собираясь сказать что-то и явно ведь хотел не на вопрос ответить. Но посмотрел на медика и передумал, только тоже к окну отвернулся.

— Какой тут секрет? — проворчал недовольно. — Нашёл дворника. Тот припомнил горничную, служившую у фей. После того, как фат девицу уволил, она место в этом же доме нашла, только в другой семье. Ну, встретился с ней. Служанка на Олэана большой зуб имеет, потому как прогнали её со скандалом, устроенном на пустом месте. Да ещё и рекомендацию зажилили. Так что адрес аптекаря мгновенно припомнила.

— Ну да, — серьёзно кивнула теург, — тебе стоит улыбнуться и все девицы в округе мгновенно расскажут, что знают. И что не знают тоже.

— Каро! — раздражённо рыкнул оборотень. — Вот давай без этого, а? Она не на моё очарование купилась, а на возможность бывшему хозяину насолить.

— Хорошо, не будем, — смиренно согласилась тега.

Оборотень опять глянул на напарницу — всё так же, искоса.

— Твоё поведение начинает меня пугать, — буркнул себе под нос, но дальше тему развивать не стал.

Тем более что кеб тормозить начал — приехали, значит.

Лавочка не вызывала доверия ни с первого, ни со второго взгляда. Нет, сама фармация от других мало чем отличалась: тяжёлые двери, медный колокольчик. Витрину, отмытую и как будто даже подмигивающую солнечными бликами, хотя день выдался серым и на редкость пасмурным, украшала золотая аркой выгнутая надпись: «Аптека мэтра Альэна». А ниже, буквами поменьше, шла прямая строчка: «Ваше здоровье — в наших руках». Между надписями традиционная змея томно обвивала рюмку.

Рекламный слоган показался Каро угрожающим.

В самих витринах горкой стояли одинаковые пузатые флаконы тёмного стекла. А вот наклейки на них пестрели радующим глаз разнообразием. Пока детективы к входу шли, тега успела разглядеть средство от зубной боли, от желудочного расстройства и дурных газов, от морщин и, даже для выпрямления волос. У последнего мелким шрифтов было ещё подписано: «Как на голове, так и на других частях тела». И на всех бумажках золотым и красным сверкала вычурная надпись: «Аптека дядюшки Альэна».

То есть, сама аптека выглядела вполне традиционно. Только вот район фармацевт больно уж странный выбрал. С одной стороны ярко размалёванное полотнище обещало клиенту открыть его будущее всего за половину серебряного эльзара. С другого бока некая мадам клялась, будто вызовет дух любого покойного предка. Дальше лавка, прикидывающаяся сувенирной, а на самом деле снабжающая доверчивых граждан поддельными амулетами. И ещё одна каличная с витриной, заваленной костями и кусками чего-то сушенного, даже издали выглядевшего отвратно.

В общем, забавное место.

— Как думаете, фат? — кивнул Рон на дверь с табличкой, оповещающей, что мэтр Альэн готов принимать клиентов даже ночью — достаточно позвонить в колокольчик.

— Ну, судя по фамилии... — протянула Каро.

Продолжать смысла не имело. Конечно, кондитеры и парфюмеры среди фей встречались чаще, чем фармацевты, но и последних было немало. Всё же, в травах этот народец традиционно разбирался неплохо. Только вот мошенничеством они брезговали. Как и дварфы, они холили и лелеяли свою репутацию. То есть, если и надували кого, то исключительно шито-крыто, чтоб за руку не поймали.

С другой стороны, не зря же считается, что и в самой благополучной семье может урод родиться?

— Ладно, посмотрим, — решил оборотень, толкая дверь.

Внутри, не смотря на огромные витрины, было сумрачно, таинственно и сильно пахло сеном. По трём стенам от пола до потолка высились стеллажи тёмного дерева, уставленные банками, бутылками, бутылочками и пузырьками. Под ними тянулись такие же тёмные деревянные прилавки. Довольно высокие, теургу примерно по грудь — великовато для феи.

Правда, тайна стоек недолго оставалась таковой. Стоило детективам внутрь войти, как из двери, почти сливающейся со стеллажами, бодро вынырнул лысый, как коленка фат. Точнее, сначала показался здоровенный бугристый нос, предательски намекающий на то, что в род благородного мэтра затесался дварф, и только потом появился его хозяин. А прилавков оказался аптекарю по пояс. Видимо, за стойкой скрывался помост, не столько делающий аптекаря выше, сколько демонстрирующий его комплексы.

Но Курой больше интересовали не скрытые страхи фармацевта, а банки с мутноватой жидкостью, в которых плавало странное. Тега подошла поближе, разглядывая содержимое и... нервно сглотнула, зажав рот ладонью. А что ещё делать, если собственный желудок решил выпрыгнуть на чистый каменный пол? Хотя такую реакцию, наверное, стоило считать нормальной. Кто способен оставаться невозмутимым при виде заспиртованных эмбрионов, да ещё, кажется, не животным принадлежащих?

— Вас заинтересовала моя коллекция русалок? — подошедший господин Альэн благосклонно глянул на тегу поверх очков. — Это моя маленькая слабость, признаюсь.

— Русалок? — оторопела теург.

Собственно, почему бы и нет? Курой не отличила бы зародыша тролля от зародыша русалки даже под угрозой пытки.

— Да. Истинных русалок, а не водяной народ, который невежды ошибочно зовут русалками. Я собираю только настоящих, океанских. Тех, что с хвостами, — несколько снисходительно пояснил аптекарь и кисти рук сложил, изобразив тот самый хвост.

— Здесь нет ни одной русалки. Ни мифической, ни реальной, — угрюмо сообщил Яте, глядя на аптекаря исподлобья. — Это все недоразвитые эмбрионы гуманоидов. Гоблин, пикси, крысюк... Орк, если не ошибаюсь. Хотя, возможно, великанья кровь. А, нет! Вон там, в третьей с краю, явная горилла.

— Ми-и-ифические? Миф-фические вы сказали?

Каро показалось, что аптекаря сейчас удар хватит — лицо бедолаги так кровью налилось, что даже, кажется, раздулось немного.

— Мифические, — с неумолимостью инквизитора кивнул медик.

— Да как вы смеете?!.. Как вы смеете, молодой господин?! Как вы смеете столь нагло проявлять своё невежество?! Вот эту вот, вот эту... — фат проворно подтянул к себе стремянку, белкой взобрался по ступенькам и стащил одну из банок, нежно прижав тару к груди, — её мне доставили непосредственно с Восточных островов. Знаете ли вы, что у населения этих удивительных земель целый культ русалок?! Они регулярно приносят им

жертвы. А за это мифические, как вы изволили выразиться, русалки допускают ныряльщиков к местам, где рождается редчайший жемчуг!

— И что же приносят в жертву русалкам жители Восточных островов? — ещё мрачнее поинтересовался Яте.

— Ах, ну, глупость какая! — господин Альэн аккуратно водрузил банку на место и любовно протёр ладошкой бок. — Ну, какая по сути разница? Да, детей они им жертвуют, младенцев. Но ведь эта такая частность! Главное, на лицо взаимодействие двух социумов! Двух, не побоюсь этого слова, вселенных, взаимодействие культур!

Теперь на разошедшегося аптекаря исподлобья смотрели уже два тега. Даже руки на груди они сложили абсолютно одинаково. Рон громко кашлянул в кулак, показал глазами на витрину. Каро покосилась на собственное отражение и набычилась ещё сильнее — веселье оборотня лично ей было непонятно.

— Вы что-то хотели, молодой господин? — рассеянно поинтересовался фат, сколупывая ногтём с обожаемой банки присохшую соринку.

— Хотел, — горячо признался Мастерс, — я очень хотел, нет, просто жаждал побеседовать о ваших клиентах.

— У меня нет клиентов, сударь мой, — отозвался фармацевт, пятясь задом, слезая со стремянки совсем не так ловко, как взлетел на неё. — У меня есть только пациенты, исключительно пациенты. Ведь я тоже в какой-то мере врачую их тела. И души!

Фат развернулся и нос к носу оказался с Яте, который и не думал в сторону отступить. Аптекарь сам шагнул назад, беспомощно хлопая веками, лишёнными ресниц, за стёклами очков.

— Ничего, он не кусается, — Каро потрепала фармацевта по плечу. — По крайней мере, по четвергам не кусается точно.

— Сегодня среда, — робко проблеял старичок, испуганно косясь на теурга. Но, кажется, медик его пугал всё-таки больше. Не сказать, что Курой это польстило. — Тогда все может быть, — ободрила фата вредная тега.

* * *

Долго отнекиваться, кокетничать и заверять, что никаких Олэанов он не знает, аптекарь не стал. То ли был он из породы существ от природы лгать не умеющих, то ли двух недовольных тегов оказалось достаточно для переоценки приоритетов. Так или иначе, но Альэн подтвердил, что фею, дочку фата, старого друга своего старого друга, а может и друга друга его друга, но тоже старого — лечил. От малокровия, а не от каких-то страшных и непонятных заболеваний. И принимала она вовсе не мышьяк с опиумом, а чудодейственный эликсир, лично аптекарем составленный и являющийся его главной коммерческой тайной. А состав снадобья господин фармацевт не собирался раскрывать ни при каких условиях.

Но ведь всегда же можно и исключение, сделать, верно? И как не уступить такому милому молодому тегу? Особенно если он сгрёб тебя за шиворот, хорошенько потрянул и предупредил, что вот прямо сейчас, не сходя с места, засунет всех русалок, не вынимая их из банок, в некое естественное отверстие. И с удовольствием понаблюдает, реконструкцию их появления на свет.

Фат так проникся уважением к экспертизе «Следа», что согласился не только рассказать

об уникальном эликсире, но и продемонстрировать, как он готовится. Даже пригласил уважаемых детективов пройти в святую святых. То есть, в собственную лабораторию.

«Святая святых» оказалась именно такой, как тега и ожидала. По крайней мере, нечто подобное Каро представляла, читая о колдунах и таинственных алхимиках. Было дело, увлекалась в своё время теург подобными историями. Правда, давно, ещё в пансионате.

Лаборатория представляла собой довольно узкую, но сильно вытянутую в длину комнату с кирпичными, ничем не обшитыми стенами. Весь интерьер которой состоял из нескольких столов — один даже зачем-то металлом обили, — множества стеллажей с книгами и такой же, как и в самой аптеке, стеклянной посуды, дополненной колбами и пузатыми ретортами. Сводчатый потолок украшали веники и косы сухих трав, корней и плодов. А ещё было тут распяленное чучело крокодила. Кстати, выделанное отвратительно — из трещин в шкуре солома вылезала.

— Если хозяин начнёт верить, что это дракон, то я точно свихнусь, — шёпотом призналась тега Мастерсу.

Тихонечко хихикающий и явно искренне наслаждающийся всем происходящим оборотень, только подтолкнул теурга вперёд. В результате Курой, обиженно оглянувшись на сыщика, едва не снесла странное сооружение: цилиндрической формы, сложенное из кирпича, сверху накрытое медным колпаком.

— А это что такое? — недовольно поинтересовалась тега, потирая ушибленный локоть и разглядывая путаницу труб, торчащих из агрегата и уходящих в стену.

Сами трубы, кажется, были медными, но сверху их обёрнули оцинкованным железом — работа небрежная и кустарная: где-то листы заходили друг на друга, а где-то в щели между ними и палец можно просунуть.

— А это, уважаемая госпожа Курой, дом премудрого цыплёнка^[13], — пояснил Яте, видимо под влиянием бешенства приобретаю совсем не свойственную ему вежливость. Конечно, Каро могло и показаться, но веко у тега едва заметно подёргивалось. — В таких печах, как правило, свинец превращают в золото.

— Это возможно? — от удивления теург даже про свой локоть забыла.

— Что? Конечно же, нет! Молодой господин, вы меня поражаете своим дремучим невежеством! — возмутился аптекарь. — Даже вам, с вашими скудными познаниями, должно быть известно: такая трансмутация невозможна! Свинец в золото, Семеро помилуй! Надо же такое сказать! Нельзя, никак! Конечно же, я пытаюсь получить тут красный жидкий металл и, доложу я вам...

— Красной ртути не существует!

А вот сейчас точно не показалось — медик едва сдерживался, чтобы не начать орать. На шее тега даже жилы вздулись, а желваки ходуном ходили.

— Да? — господин Альэн торжествовал. — А на это вы что скажите, на это?! Вы, посланник всех сомневающихся и неверующих?

Аптекарь потряс под носом эксперта пробиркой, наполненной круглыми разнокалиберными гранулами действительно красноватого или, скорее, оранжевого цвета.

— Скажу, что это оксид ртути. И получить его в такой лаборатории действительно непросто, — Яте слегка поклонился, — снимаю шляпу перед вашим упорством.

— Что?! — гневно возопил фармацевт. — Да как вы смее, да как у вас язык поворачивается?! Я сейчас докажу, докажу!

Фат попытался откулапать пальцами туго притёртую деревянную пробку, но руки его

тряслись так, что ничего путного не получилось. И аптекарь, недолго думая, вцепился в пробку зубами.

— Аната ша нани о шите иру нодесу ка, фуруи оро камоно?! — Курой с таким энтузиазмом вырвал пробирку из рук господина Альэна, что только чудом не выдрал ему ещё и челюсть. — Она же ядовитая!

— Что он сказал? — тихо поинтересовался Рон у Каро. — Слишком быстро, я не успел разобрать.

— Что ты делаешь, старый затраханый осёл, — механически перевела тега.

Вот что-что, а идиомы родины тегские дети сохранили с особым бережением. И охотно делились крупными знаниями друг с другом. Это вежливо-церемониальные фразы никому в Элизии не нужны. А вот обложить классную даму так, чтобы она не поняла — дело святое. Правда, преподавательницы тоже быстро учились.

— И что из этого «старый затраханый осёл»?

— Фуруи оро камоно, — неохотно ответила теург.

Всё-таки приличной барышне так выразиться не стоит.

— Не, длинно слишком, — покачал головой не оценивший колорита оборотень и повысил голос. — Господа, я уважаю ваш научный спор, но мы здесь, кажется, по другому делу.

Курой и аптекарь никак не отреагировали, заняты были — рыли копытами землю, пускали дым из ноздрей и пытались испепелить противника взглядом. Первым сдался Яте. Тег выпрямил спину и смахнул с рукава пальто невидимую соринку.

— Впрочем, это всё пустое и я чересчур увлёкся. Мне нужно взглянуть на рецептуру вашего зелья... — он прикрыл глаза, — ... эликсира.

Аптекарь сунул медику под нос костлявый, испещрённый почечными бляшками кукишь.

— А это ты видел, молодой наглец?! Думаешь, что я совсем из ума выжил, показывать всяким проходимцам мои рецепты? Пускать в святую святых! Мэтр Альэн никому, слышишь, никому не открывает тайн приготовления! Оно перейдёт только моему внуку, изустно! И только так!

Фармацевт потряс длинным суставчатым пальцем под носом у Яте. Курой смотрел на беснующегося аптекаря с надменностью каменного истукана.

— Как думаешь, откусит? — хихикнул веселящийся оборотень.

— Может, — кивнула Каро и смело шагнула вперёд, навстречу разъярённым львам. — Господин Альэн, а вы могли бы просто перечислить нам ингредиенты, входящие в состав? Не раскрывая пропорций и тайн рецептуры.

Фат обернулся к девушке, тяжело дыша и промокая лысину большим клетчатым платком. Одарил тегу подозрительным взглядом из-под съехавших на самый кончик грандиозного носа очков.

— В принципе... Конечно, зная ингредиенты, талантливый фармацевт может повторить... Вы, случайно, не обладаете фармацевтическими знаниями, юная дама?

Видимо, аптекарь ни на секунду не верил, что у Яте хватит мозгов что-то там повторить. И эта уверенность Каро несказанно радовала. Всё-таки оставался шанс получить необходимую информацию и не сойти с ума.

— Нет, — заверила фата Курой, — не обладаю. Я теург.

— Тогда, боюсь, ничем не могу вам помочь, — старик гордо сложил руки на груди, давая понять, что его решение неизменно. — Кроме ингредиентов на эликсир накладывается

мощнейшее древнее заклинание. Мощнейшее! А вдруг вы поймёте суть плетений?

Ситуация поменялась кардинально. Теперь настало время теургу зубами скрипеть и в бессильной ярости плясать на аптекаря. Причём при такой убеждённости и возразить же нечего. Ну, не скажешь же фату, что у него талантов не хватит даже шнурки без помощи рук завязать! Не поймёт и не оценит.

Да и для того чтобы магически завязать шнурки, требуются недюжинные способности и очень хитрое плетение.

— Прошу прощения, господин Альэн, — вмешался Мастерс, — но, видимо, вы не понимаете суть проблемы. Попробую объяснить ещё раз. Ваша клиентка...

— Моя пациентка! — надменно перебил оборотня аптекарь.

— Ваша пациентка, — смиренно согласился Рон. — Так вот, она скончалась. И существуют подозрения, что виной тому стал как раз ваш эликсир. Нет, мы, конечно, ни на минуту не сомневаемся в непричастности такого опытного и талантливого фармацевта. Но полиция!.. — сыщик многозначительно поиграл бровями. — Поймите, мы лишь хотим помочь вам. Но как искать истинную причину смерти бедняжки, если не знать даже того, как обелить вашу репутацию?

— Нет, вы меня не обманете! Я не дам конкурентом и доли шанса узнать мои секреты и использовать их в грубых, неэлегантных и неэффективных подделках!

— Да не конкуренты мы, Седьмой побери! — взорвался Мастерс. — На кой нам ваш рецепт?

— А ка-ак же, а ка-ак же? — хитро прищурился аптекарь. — А для личного пользования?

— Да мне, вроде как, не требуется, — опешил оборотень.

— Все так говорят! — решительно отрезал Альэн.

Нет, всё-таки этот фат был по-настоящему талантлив! Суметь всего за полчаса довести до белого каления трёх, в целом, вменяемых существ ещё суметь надо. Но кое-чего фармацевт не учёл. Против взбешённого оборотня и двух мечтающих о месте тегов не каждый выстоять сможет. Да и одно дело, когда тебя встряхивает пусть и страшный, но subtilный уроженец Островов. И совсем другое, если за грудки возьмёт перевёртыш, наглядно продемонстрировав и отросшие вдруг клыки и деформировавшиеся когти. Теург сама едва удержалась, чтобы бельё не намочить. А вот старенький аптекарь такой силой воли не обладал.

Жаль, что усилия сыщиков ни к чему не привели. Нет, рецепт декокта фат выдал и даже записал на листочке дрожащей рукой. Но вряд ли чабрец, лимонник или кора дуба могут угробить здоровую девушку. Конечно, желчный пузырь вороны и медвежьи когти смотрелись подозрительно, но на яд никак не походили.

Оставалось признать, что детективов опять занесло в тупик.

— Слушай, а у ворон желчный пузырь вообще есть? — кисло поинтересовалась Каро у медика, когда из аптеки они уже вышли.

— Понятия не имею, — не менее кисло отозвался Яте, — я не орнитолог.

Ну, по крайней мере, осознание того, что не всегда окружающие оказываются умнее тебя, приносило облегчение. Небольшое, но всё же.

Глава семнадцатая

Одна голова хорошо, а с телом лучше.

Вечер в мертвецкой — не самое радужное окончание дня, даже и рабочего, то есть неприятного уже по определению. И пусть тебя в зал, где эти самые мертвецы лежат — или хранятся? — не пускают, ужасов особых ты не видела, а за полгода работы в агентстве чего только нанюхаться не успела, всё равно некомфортно. Понятно, что такие помещения к оптимизму не располагают. Но в этом подвале полицейские словно специально страх и ужасы нагоняли. Переходы каменные, тёмные, едва-едва освещённые. Потолки низкие — арками. Да ещё и решётки кругом, как в казематах. Кого охраняют, спрашивается?

Алекс и Яте, в сопровождении Гиккори, уже с полчаса обсуждали что-то в зале. Из коридора их не видно — через дверной проём, закрытый всё той же ржавой решёткой, разглядеть можно только каменный пол да часть грязной, покрытой то ли потёками, то ли плесенью стены. Голоса доносились, но слов не разобрать. А ждать скучно.

К телу Каро оборотень не пустил. И на заверения, что всяких там мертвецов она не боится, Мастерс заявил, что утопленник недельной давности — это не то же самое, что труп свежий. А плетений на нём нет никаких, его штатный теург уже проверил. Конечно, специалист ещё тот, но будь там что, заметил бы. Другое дело, если он течение потоков определить не сумеет. Но тут и расшифровывать нечего.

В общем, не пустил. Но и сам остался в коридоре, оказывая моральную поддержку. В чём она состояла, теург так и не поняла. Потому что Мастерс молчал, как рыба, пол изучал. Правда, тегу и саму на разговоры не тянуло.

— Какой конкретики вы от меня хотите? — видимо, разозлившись, повысил голос Яте там, за стеной. Каро ему даже почти посочувствовала. Денёк у медика не из лучших выдался. Так и норовили окружающие проверить тегские нервы на прочность. — Вы же не дадите разрешения его вскрыть.

Служащий, тряпкой размазывающий по полу ровным слоем грязь, ослабил, будто даже радостно, буркнув что-то похожее на: «Трупоед!». Что общего между вскрытием и гастрономическими предпочтениями эксперта, теург не поняла. Но в управлении полиции к Яте относились с особым пиететом. Впрочем, это и без подсказок заметно.

— ... а без этого я вам скажу, что перед нами фат средних лет, мужского пола, — недовольно рыкнул тег. — Перед гибелью явно подвергался насилию. Рискну предположить, что даже пыткам. При жизни питался нормально, тяжёлым трудом не занимался, регулярно посещал брадобрёя. Но последние несколько дней перед смертью голодал. Умер от удара по голове.

В ответ Гиккори проворчал что-то маловразумительное, но доставшее эксперта «Следа» до самых печёнок.

— Да какая к Седьмому разница, откуда его выловили?! Хоть из отхожей ямы! — выверился тег. — Вы вмятину у него на черепае видите? И в лёгких воды явно нет! Смотрите!

Звук, донёсшийся из зала, Каро приятным не назвала бы — эдакое мерзкое чавканье, словно кто-то из грязи пытался залипнувший сапог выдрать. А следом характерное кваканье сдерживаемых рвотных позывов.

— Яте, — мягко укорил эксперта Алекс. — Ну, зачем с такой силой-то давить? У него же грудь... расплывается.

За стеной опять квакнули. И в коридор вылетел бледный до зелени Гиккори, закрывающий рот платком. Глянул на детективов с чистой, ничем не замутнённой ненавистью, и поскакал куда-то. Наверное, искать местечко, где психи не водятся.

— В общем, я не могу сказать с полной уверенностью, что это Олэан, — уже спокойнее возвестил медик, появляясь в дверном проёме. — Судя по представленному дагерротипу, похож: строение черепа и носа, прикус, расстояние между глазами... Но стопроцентной гарантии дать не могу.

— У тебя её никто и не просит, — Алекс посмотрел на служащего, который даже перестал прикидываться, будто пол моет. Альв едва заметно скривил губы, отворачиваясь. — При нём найдены вещи, которые подтверждают личность.

— Перстень! — кривиться с аристократической изящностью тег не умел. У него просто всю физиономию перекосило. — Такую цацку можно на любого нацепить. А ты обратил внимание на его руки? За последние две недели он как минимум двух женщин избил. На костяшках же ни одной ссадины.

— Да у него всё в ссадинах, — возразил управляющий «Следом», натягивая перчатки.

— Да не те! — огрызнулся тег, наоборот, стягивая грубые прорезиненные рукавицы и с остервенением засовывая их в саквояж. — Бракоделы! Ты его слышал? Раз выловили в реке, значит, утоп! Логика!

— Ты чего развоевался? — миролюбиво осадил его Рон. — Ну, подумаешь, логики нет. Первый раз что ли?

— Кретины! — вынес вердикт Яте всем и сразу.

И, подхватив свою сумку, помчался в ту же сторону, что и Гиккори. Каро удивилась, конечно: пришли-то они с другого конца коридора. Но останавливать эксперта не стала. Может, ему именно туда и надо?

— Так или иначе, — подвёл итоги Росс, — мы вслед за полицией обязаны считать данное тело господином Олэан. Что имеем, с тем и работаем.

— Погодите, — встряла-таки теург, клятвенно пообещавшая себе с умными советами, а также вопросами, не лезть, пока не спросят. — Но ведь инспектор сказал, что этот фат... В смысле, что тело этого фата провело в воде не меньше недели. А ведь он был в агентстве всего несколько дней назад. Ну, когда дочь свою... забирал. И как это получается?

Росс с Мастерсом глянули на тегу абсолютно одинаково — с эдакой снисходительной жалостью. Мол: до тебя только сейчас дошло?

— То есть, это не он? — всё же решилась уточнить Курой, хотя больше всего ей в данный момент хотелось под пол провалиться.

— Возможно не он, но кто-то очень хочет, чтобы мы думали, будто это господин Олэан, — спокойно пояснил альв. — Тогда в контору приходил действительно не отец нашей заказчицы.

— Я уже совсем ничего не понимаю, — призналась Каро — не хотела, само вырвалось. Когда голова кругом идёт, и не такое ляпнешь.

— Вопрос не в том, тот это фат или нет, — протянул Алекс, вытягивая зажатую подмышкой трость. — А в том, где заказчица. И в какую именно сторону нас с такой настойчивостью подпихивают?

— Кстати, а откуда Гиккори узнал, что «След» может заинтересовать этот дохлый

фат? — Рон мотнул головой в сторону зала.

— Да я ему как-то обмолвился между делом, — неохотно ответил Алекс. — Он же мне помогал с ветеранскими выплатами. Кое-какие бумаги без него достать не получалось. Вот и рассказал буквально в двух словах о деле. Ничего удивительного, что инспектор к нам обратился. Мошенников нередко находят уже в виде... трупов. А феи с криминалом редко связываются. Два и два сложить труда не составит.

— Как интересно! — Мастерс поскрёб ногтём щеку, поглядывая на начальство подозрительно, искоса.

Теург посторонилась, пропуская прогалопировавшего в обратную сторону Яте. И на его злобный взгляд, брошенный вскользь, вместе с безадресным, но оскорбительным: «Идиоты!» — никак не отреагировала. Ей интересно совсем уже не было. Наоборот, жуть накатывала. А убраться из мертвецкой вслед за грубым экспертом — подальше и побыстрее — казалось хорошей идеей.

* * *

— Да не переживай ты так. Жалко, конечно, фата. Но, согласись, мужик всё-таки неприятный был, мутный какой-то, — Мастерс подцепил носком ботинка глыбку смёрзшегося в лёд грязного снега. И пинком отправил в сторону тёмных кустов за чугунной оградкой. Не удосужившись при этом даже рук из карманов вынуть. — Чего ж теперь, убиваться по нему, как по родному?

— Да я и не убиваюсь, — поморщилась Каро. — Просто развалились все мои версии, а казалось, что вот совсем чуть-чуть осталось. Но мне его жалко, конечно, — добавила тега, спохватившись. — Всё-таки живой и...

— Можешь не продолжать, твоё милосердие я оценил, — хмыкнул оборотень. — А что там с версиями?

— Уже ничего, — хлюпнула носом Курой.

Не от расстройства хлюпнула, а потому что успела в подвале мертвецкой продрогнуть до костей, да и на улице не май месяц стоял. Идея немного «проветрить голову» уже не казалась такой заманчивой. Хотя сама же её и выдвинула.

— Нет, детка, так не пойдёт, — Мастерс широко шагнул вперёд, перегораживая теургу дорогу. Сдёрнул с собственной шеи широкий шарф, замотал тегу едва не до носа. Заботливо заправил концы под пальто, подняв воротник. Теург почему-то даже попытки воспротивиться не сделала. — Может, у тебя там что-то с чем-то и не сошлось. Ты давай, излагай. Вдруг до чего умного додумаешься. А я тебе реплики подавать буду.

— Какие реплики? — не поняла Курой, стягивая петлю кашне под подбородок.

Шарф оказался мягким, совсем не колким. От шерсти остро, но вовсе непротивно пахло табаком и лимонной водой. И ещё чем-то неопределимым, но очень роновским.

— Умные, — пояснил детектив. — Пошли, чего встала? И давай, давай, рассказывай, а я слушать буду.

Мастерс уцепил Курой под руку, волоча по скользкой дорожке. Полицейское управление на дворниках явно предпочитало экономить.

— Только мне сначала придётся, — предупредила Каро тут же, естественно, поскользываясь.

— Да мне-то что? — оборотень её поддержал без всяких усилий, при этом ещё и плечами умудрившись пожать. — Хоть с пришествия альвов начинай.

— А когда они пришли? — заинтересовалась тега, благополучно продремавшая все уроки истории.

— Понятия не имею, — отозвался Рон, которого дела давно минувших дней, по всей видимости, тоже не слишком интересовали. — Ты про фата давай.

— Про фата... — задумчиво протянула Курой и едва на задницу не села, тихонько, совсем несолидно пискнув. И вцепилась-таки в предплечье оборотня обеими руками. Гордость гордостью, а целые ноги важнее. — Про фата у меня очень много вопросов без ответов. Жил он не по средствам, так? Источники его доходов мы вроде бы выяснили. Первый — это мухлёр с ветеранскими пенсиями. Второй — некие мифические сокровища с Островов.

— И ещё закладная лавка, — вставил детектив, обещавший подавать умные реплики.

— Закладная лавка — это скорее расходы, а не доходы, — теург умной реплику явно не посчитала.

— А в существование сокровищ ты действительно веришь?

— Верю, — решительно кивнула Каро. — Я понимаю, что ты сказать хочешь. То, что там директриса видела, а, может, и не видела, ничего не подтверждает. Но если никаких богатств с Островов нет, откуда у Олэана такие деньги? Мы слона под самым носом не увидели? Золотых рудников или чего там?

— Ладно, пусть будут сокровища, — немного подумав, ответил Мастерс. — Хотя существование слона я со счетов бы не сбрасывал. И где они?

— А вот это, как говорит господин Алекс, очень хороший вопрос! — кивнула теург. — Куда подевался клад? Едем дальше. Почему фат забрал из пансионата всех трёх дочерей разом, не дав им доучиться? Чем болела или всё-таки не болела старшая из сестёр? Если болела и умерла естественной смертью, то зачем скрывать её причину, выдумывая несуществующий сердечный приступ? Почему он так настойчиво хотел женить племянника?

— Почему племянник так настойчиво хотел жениться? — подал голос Рон. — Прости, ничего личного. Но мне его бляенье про будущий успешный конфетный бизнес убедительными не показались.

— Оно и видно, что ничего личного, — усмехнулась тега. Но сердиться и к словам цепляться ей не хотелось. Тут бы на ногах устоять и мысли не растерять, а не скандалы устраивать. — Но мне они тоже... не показались. Но Семеро с ним, с Алоа! Тут много другого непонятного. Зачем Олэан избил собственную любовницу и о каких деньгах спрашивал? Кто приходил в контору, если фат в это время уже мёртв был? И последнее, пожалуй: куда, а, главное, зачем утащили нашу заказчицу?

— То есть, как Олэан в реке оказался, тебя не интересует? — серьёзно спросил Рон.

— На данный момент нет, — мотнула головой Каро. — Потому что его смерть совсем всё путает. И либо мы действительно просмотрели огромного такого слона. Либо... либо я ничего не понимаю.

— Ну а, может, дело действительно в сокровищах? Не поделили их, кто-то обиделся, рассчитывая на большее. Или вообще всё себе решил забрать?

Оборотень остановился так неожиданно, что Курой по инерции вперёд просеменила. И понятное дело, снова едва не упала. Пришлось судорожно за плечо детектива цепляться, как кошке за дерево.

— Ты чего? — обиженно буркнула тега, поправляя съехавшую на нос шляпку.

— Твой дом, — Мастерс указал подбородком на темнеющую сбоку громадину. — Так что на счёт сокровищ?

И вправду, теург не заметила, как они до её дома дошли. Вот он стоит, в окнах не огонька. Даже фонарь над подъездной дверью не светит — то ли снова разбили, то ли у домоуправа опять приступ скупоности приключился.

— Да ты что, Рон! — возмутилась тега, поворачиваясь к зданию спиной. Смотреть на него большого желания не было. Да и слишком уж настойчиво близость дома напоминала, что нужно... решать. Или решаться? — Ну какая делёжка сокровищ? Сколько лет прошло с тех пор, как их в Элизий вывезли? Только если один из подельников недавно сбежал с каторги, а теперь выслеживает и убивает предателей, подло его надувших.

— Ты читаешь приключенческие романы? — почти правдоподобно изумился оборотень.

— Да никогда в жизни! — возмутилась Каро.

— Читаешь!

— Нет.

Помолчали. Дом был близко. Оборотень ещё ближе.

— Поднимешься? — независимо глядя в сторону, поинтересовалась тега. — Чаю бы выпили.

— Не могу, — нехотя отозвался Мастерс.

Ну что ж? Кажется, именно это ощущение и имеют в виду, когда говорят, что под ногами бездна разверзлась, сердце ухнуло, мир летит к Седьмому в бездну и всё такое. Ничего, вполне переживаемо. От унижения ещё никто не умирал.

— Детка, — Рон аккуратно, едва пальцами касаясь, обхватил лицо теурга обеими ладонями, заставляя на себя смотреть. Хотя, что в темноте увидишь? Только глаза, кажущиеся тёмными, фосфоресцируют, как у настоящего кота. — Я очень хочу... выпить чаю. Но не могу. Обещал встретиться с Яте. Клянусь, это по делу. Не придумывай того, чего нет.

— И почему я не могу с тобой пойти, если по делу?

Вот само же собой выпалилось! Хотела сказать что-нибудь вроде: «Меня твои дела не касаются!» или: «Я просто из вежливости предложила», а вышло...

— Потому что в это место женщины вообще не ходят, — Рон нагнулся, чуть коснувшись лба теурга холодными губами. — Спокойной ночи. И обещаю: завтра мы обо всём поговорим.

Ну и как на такие заявления реагировать? Да, собственно, и реагировать-то было уже поздно. Пока Курой ресницами хлопала, оборотень успел раствориться в темноте, даже шорох шагов почти стих.

Правда, у Каро ещё оставался его шарф.

* * *

Обманул Мастерс — женщин здесь хватало. Конечно, мужчин было в разы больше, но и дамы имелись. А кое-кто из них ещё и заявился без сопровождения. Каро поначалу даже собственным глазам верить отказывалась. Останавливается карета — и не всегда безликий

наёмный экипаж, некоторые и вовсе вензелями родовыми или клановыми украшенные. Оттуда выбирается особа и одна, без компаньонки, без служанки, без мужчины смело топает в сарай, один только вид которого просто умоляет о том, чтобы его побыстрее снесли. И издалека, в смысле, из-за угла, за которым Курой спряталась, видно — приехавшие не крысючиhi какие-нибудь, не отрепье — дамы высшего света. Ну или, по крайней мере, полусвета.

А внутри самого сарая происходило интересное. Зачем такая толпа народа собралась, теург так и не поняла. Ни столов, ни стульев, ни сцены нет. Собственно, в ангаре вообще ничего не было, кроме земляного утрамбованного пола, потолка и очень условных стен — старые доски разохлись настолько, что в щели между ними запросто можно ладонь просунуть. Да ещё и угрожающе шатались, стоило к ним легонько прислониться. Прибывшие кучковались вдоль этого «забора», оставив середину сарая пустовать. Середина эта, кстати, тоже ничем примечательным не отличалась. Не считать же таковыми верёвки, выгородившие квадрат пола?

В общем, что тут намечалось, тега понятия не имела. Ясно, что незаконное: иначе бы не поехали важные дамы и господа к Седьмому под пятку. И уж точно не осчастливили бы своим присутствием старую развалюху. Ясно, что популярное: народу много и, опять же, публика весьма почтенная. Ясно, что это игры какие-то, так как среди зрителей шныряли сомнительные личности, принимая пачечки купюр и что-то записывая в блокнотики. Пачечки, между прочим, отличались приятной упитанностью.

Никаких более полезных выводов Каро сделать не сумела. Кроме того, что внутрь ей не попасть. Во-первых, все входящие передавали двум бугаям у входа явно заранее приготовленные кошельки. И мелочи, завалившейся в карманах теурга, вряд ли хватило, чтобы наполнить такой мешочек. А, во-вторых, потенциальные зрители — или участники? — показывали ещё и карточки. И вряд ли визитные.

В общем, к официальному ходу соваться, только лишнее внимание к себе привлекать. Но и рядом отираться опасно. Кто их знает, может, тут ещё и территория патрулируется? А узнать, что здесь Рону с Яте понадобилось, очень хотелось. Да и шарфик законному владельцу вернуть стоило. Замёрзнет ещё без него, бедолага. Вот сама Курой уже пальцев на ногах не чувствовала. И руки, не смотря на перчатки, заледенели.

Тег гляну вправо, влево, пытаюсь дыханием отогреть ладони. Ничего, понятно, кроме темноты, расчерченной клиньями пробивающегося сквозь щели света, не увидела. Да и пошла вдоль ангарной стены, заглядывая между досками. И поминутно оскальзываясь на окаменевших волнах замёрзшей грязи. Никакого гениального, а, главное, простого плана в голове теурга не родилось. Но не стоять же на одном месте.

Яте девушка не узнала. Да и как его узнаешь в полуголом мужике, ещё и спиной стоявшем? Просто голос показался знакомым. Потому теург и остановилась, в очередной раз заглянув в щель. Первым, кого она увидела, оказался Мастерс. Очень недовольный, хмурый даже. Стоял, раскачиваясь с носка на пятку, сунув руки глубоко в карманы куртки и, вроде, кулаки сжав. Выбившиеся из хвостика светлые прядки падали на лицо, отчего казалось, будто оборотень исподлобья смотрит.

— ... а я говорю, через мой труп! — рыкнул Рон.

— Сейчас устроим, — спокойно пообещал Яте, невозмутимо продолжая наматывать на ладонь какую-то тряпку.

Тег выглядел, мягко говоря, странно. Из одежды только брюки, верёвочный ремень, да

скрученная в жгут лента, длинную чёлку придерживающая.

— Кишка тонка, — усмехнулся оборотень.

— У них? — эксперт мотнул головой куда-то в сторону, но ничего достойного внимания Каро не увидела, кроме всё той же толпы зрителей, державшихся в отдалении.

— И у них тонка, — кивнул детектив.

— Так их рыл двадцать, — невозмутимо отозвался тег, закончив обматывать одну руку и берясь за вторую. — К охране тут серьёзно относятся. Массой задавят.

— Ничего, я юркий.

— Это я юркий. И, вообще, как говаривал мой дед: «Путь война усеян белыми хризантемами».

— И что это фигня значить должна? — порядком помолчав, хмуро поинтересовался блондин.

— А это означает, — Яте зубами затянул узел и сплюнул скушенную нитку, — куда ни сворачивай, окажешься в заднице.

— Да иди ты со своими... мудростями! — рявкнул блондин. — Он тебе не по зубам!

— Хорошо, — смиренно пообещал тег, — грызть не буду. Спасибо, что предупредил. Всегда стоит знать свои слабые места.

— Да послушай же ты меня, — Мастерс схватил медика за плечи и хорошенько встряхнул. Каро, конечно, могло и показаться, но вроде бы зубы у эксперта клацнули. Впрочем, при такой разнице в габаритах это не удивляло. — Призрак таких как ты на завтрак жрал. Он лучшим был, понял?

— Я в курсе нюансов вашей диеты, — прошипел Курой вырываясь.

— Так это что, такая тегская месть?!

Яте, когда злился, голос едва не до шёпота понижал. А вот оборотень, ни кого вокруг не замечая, орать начинал.

— Это такая тегская честь, — отозвался эксперт. — Тебе нужен был Призрак? Я достал тебе Призрака. Осталось только проследить за ним. Что ты от меня ещё хочешь?

— Чтоб ты мозги включил!

— «Существ с острым умом следует искать среди тех, кто склонен думать», — процитировал тег, поправляя повязку на лбу.

— А это, Седьмой тебя задери, к чему было?!

— Где ты в нашей конторе видел существ, склонных думать?

На это даже оборотень со всем его упрямством и любовью к спорам, не нашёлся что ответить.

— Да и хрен с тобой! — сплюнул Мастерс.

— А у меня и нет привычки оставлять его дома. Да не волнуйся ты так, — чтобы Рона по плечу похлопать, Яте пришлось потянуться. — Всё нормально будет.

Оборотень в ответ только буркнул что-то неразборчивое, ещё разок сплюнул и пошёл куда-то в толпу.

Каро уже раздумывала, как бы привлечь внимание следовского медика, узнать, что тут происходит. И стоит ли это делать вообще. Но не успела даже мысль додумать. К тегу подпорхнула девица в маске, от макушки до пяток закутанная в чёрный плащ. Да и повисла у парня на шее, что-то шепнув на ухо. Что именно она сказала, теург не расслышала, конечно. А вот у эксперта вся спина гусиной кожей покрылась. До этого стоял — и ничего, будто в сарае жара царила, а не такой же холод, как на улице. А тут нате вам, весь в пупырышках.

Тега дала себе зарок найти девушку, чего бы это ни стоило. И хорошенько расспросить, что это за волшебные слова она знает.

* * *

Каро и пяти минут не понадобилось, чтобы понять: в сарае происходит самый настоящий кошмар. То есть в буквальном значении этого слова. Такой, от которого визжать хочется и под кровать прятаться. Или за неимением подходящей мебели, бежать как можно дальше.

При первой и единственной встрече Призрак Курой настоящим гигантом показался. Но величие его габаритов теург смогла оценить только по сравнению с тегом. Можно долго проводить сравнительный анализ объёмов бицепсов двух противников, их роста, ширины плеч. А можно сказать просто: слон и моська. И шавкой в данном случае будет, к сожалению, не оборотень.

В боях Курой ровным счётом ничего не понимала. Не знала даже куда смотреть. Да и желания наслаждаться зрелищем не имела. Поначалу-то всё выглядело совсем не страшно и даже скучно. А местами смешно. Особенно когда бойцы в выгороженный квадрат вышли. Яте начал подпрыгивать на месте, как мячик каучуковый, а шрамомордый спокойно взирал на эксперта с высоты своего башенного роста.

Потом смешно быть перестало, зато непонимание осталось. Ну, заметались в центре сарая силуэты — двигались они быстро, порой даже смазываясь. Ну, толпа начала орать, свистеть, улюлюкать и скандировать. Ну, набежали откуда-то охранники, оттесняя беснующихся зрителей от верёвок. Правда, сами бугаи не столько прямыми обязанностями занимались, сколько шею себе пытались свернуть, глядя, что у них за спинами творится.

А вот потом Яте вылетел под верёвки, хорошенько вспахав лопатками земляной пол. Нет, что не говори, а существо, отхаркивающее кровь, кажется, вместе со своими лёгкими, выглядит жутко. Правда, встал Курой проворно. И снова в скрещённых лучах больших корабельных фонарей, поставленных по углам квадрата, замельтешили неразличимые силуэты, отбрасывающие на зрителей корёжащиеся тени. Царство Седьмого и его демонов, честное слово!

Второй раз тегу встать помогли. Если, конечно, можно помощью считать увесистый пинок в печень. Стоящего на карачках это, естественно, распрямляет. Но всё же на дружеское участие не слишком смахивает.

Вот тогда Курой, разом едва полпальца вместе с ногтём зубами не отхватив, решила, что с неё хватит. Яте, конечно, сволочь первостатейная. Но и он такой смерти не заслуживает.

Доска поддавалась легко. Гвозди хоть и выходили из разохшихся дырок со скрежетом, от которого в резцах ломило, но, главное, вылезали без больших усилий. А в шуме бесящихся зрителей и грохот взрыва бы утонул. Вторая слега пошла ещё легче. Теург даже не удержалась, плюхнулась на попу. И пока вставала, трухлявая доска в её руках пополам переломилась. Но так даже удобнее. Ещё бы обломки поуже были. Но приходилось пользоваться тем, что есть — вдоль рухлядь даже об колени ломаться не желала.

Так, вооружившись двумя обломками, как вёслами, тега и полезла в пролом.

Распихать локтями зрителей оказалось тоже не слишком сложно — сарай просторный, толпа и теснилась-то только для того, чтобы к верёвкам поближе встать. Но в первые ряды

Каро и не полезла, под нос охранникам соваться незачем, таких бугаёв прогнувшей доской не перешибёшь. Наоборот, Курой присела на корточки и пустила обломок по полу, как тарелочку-фрисби. Фонарь накренился и...

И тут случилось три вещи разом. Во-первых, Яте в очередной раз пропахал пол и, вроде бы, на сей раз вставать не спешил. Во-вторых, Призрак, видимо, решил добить противника: коротко разбежался, подпрыгнул. В-третьих, откуда-то из толпы вынырнула фигурка в чёрном плаще и подхватила валяющегося тега подмышки.

Вот так картинка и замерла на миг, будто художником нарисованная: громила с дико перекошенной шрамированной мордой в воздухе, хрупкая дева обнимает поверженного героя. И отблёскивающая золотом волна масла из накренившегося фонаря, увенчанная барашками игривых огненных дорожек.

Сердце и успело всего-то раз ударить, а время разогналось, как экспресс. Фигурка в чёрном дёрнула тело тега на себя, завалившись вместе с ним на спину. Призрак приземлился, обеими ногами угодив в лужу, подёрнутую низким синеватым почти незаметным огнём. И не успела Каро рта раскрыть, кто-то решил взять её миссию на себя, заорав: «Пожар!». Вяленько так проорал, без энтузиазма. Прыгающие вокруг лишь чуть притихли.

— Фараоны! — тут же нашлась Курой, вспомнив, как Мастерс однажды уличных мальчишек шуганул. — Атас!

Ну видимо, он и случился. Зрители отреагировали именно так, как тега и ожидала. То есть, ломанулись к дверям. Одного не учла Каро: сидеть на корточках посреди мгновенно растерявшей остатки соображаловки толпы — не лучшая идея.

Тева даже момента не уловила, когда на полу растянулась. Зато ноги, наступившие разом на щиколотку и спину, прочувствовала очень остро. Попыталась приподняться, но тут же получила такой пинок по голове, что перед глазами поплыло, а в ушах набат загудел. Теург мигом свернулась клубком, прикрывая затылок ладонями. И заработала тычэк под рёбра, от которого живенько перекатилась на другой бок.

И тут Каро показалось, что рядом рухнула скала. Не совсем рядом, частично и на неё. Но основная масса всё же на пол пришлась отчего не только сарай — мир содрогнулся. Курой выглянула из-под локтя и уставилась на физиономию, украшенную шрамом. Вроде бы, громила очень громко и очень грязно ругался. И, кажется, он оказался недоволен тем, что споткнулся о какую-то там. Но детали Курой не разобрала, голос Призрака до неё доносился словно из далёкого далека.

Тева и сама не поняла, зачем схватила громилу за штаны. Попроси её кто-нибудь объяснить, с какой радости теург ещё и потребовала от него на месте стоять, Каро не смогла бы этого сделать.

Шрамированный тоже очень удивился.

— Чего? — выпучил глаза Призрак.

— Стой! — повторила Курой, кажется, собираясь сознание терять.

По крайней мере, сарай затянуло подозрительной пеленой. Хотя это вполне мог быть дым.

— Уже, — пообещал оборотень, без малейшего труда стряхивая со своей ноги тегу.

И пропал, скотина.

Не без труда, но теургу удалось всё-таки встать на четвереньки. Под ладонь попало что-то твёрдое. Девушка машинально сжала пальцы, цепляясь за предмет, будто за якорь.

Почему-то мерещилось, что он не даст в обморок грохнутья.

— Каро! Мать твою тегскую за ногу и через колено! — загремело над головой громовыми раскатами. — Чтоб тебя демоны...

И вот тут Курой всё-таки грохнулась. Не в обморок — на пол. И блаженно улыбнулась. Никогда ей не приходило в голову сравнивать матерную брань до седьмого неба с волшебной музыкой. А вот сейчас она звучала истиной усладой для слуха.

— Я тебе шарф хотела вернуть, — честно призналась Курой.

Глава восемнадцатая

Если чаша весов склоняется в твою сторону, то попрыгай на ней для верности.

Пальцы у доктора оказались жутко холодными и очень твёрдыми, будто штыри, в перчатки сунутые. Да и голову Каро такой милый с виду старичок мял с энтузиазмом, достойным лучшего применения. Спустишь его руки на локоть ниже — и теург не выдержала бы, обвинила дядечку в посягательстве на девичью честь. А так терпеть приходилось.

— Странно-странно, — пробормотал врач, поправляя пенсе. Хотя, что он вообще мог видеть через захватанные до жирной корки стёкла, тега понятия не имела. — Ушиб на лицо. В смысле... э-э-э... на лице. Гематома... Да-с, сударь мой, гематома и приогромнейшая. Но череп цел. И сотрясения как будто нет. А, барышня?

— Что? — переспросила Курой, сообразив: вопрос ей предназначался.

— Нет сотрясения или как? — поинтересовался доктор, по-сорочьи наклоняя голову к плечу.

— Да вроде... — не слишком уверенно отозвалась Каро, едва заметно плечами пожимая.

От резких движений тега воздерживалась. Потому что стоило неловко дёрнуться и скулу, а, заодно, и левый глаз будто шаром надувало. Да ещё и иголками кололо. Раскалёнными. Не самое приятное ощущение.

— Голова не кружится? Тошноты не подступают? В глазах не двоится? — допытывался назойливый доктор. — Вот и я говорю: странно! Нету сотрясения-то, сударь. — Рон не выдержал-таки и захихикал, правда, попытавшись смех кашлем замаскировать. Не слишком удачно, впрочем. Но комментировать не стал и на том спасибо. — А в остальном всё неплохо, неплохо. На ноге ушибчик, но без перелома. Повязочку я наложил, завтра надо бы сменить и поплотнее бинтик наматывайте, барышню не жалеите. Только не так, чтобы щиколотка отекала, понежнее. И ножку не натруждать, побольше лежать. А ребрышки вы всё-таки повредили, сударыня. Кто ж вас так пнул-то? Тролль?

— Почти, — буркнула теург.

Бурчать, как, впрочем, и просто говорить, да даже и дышать, тоже больно. Пока ей бока повязкой не стиснули, было полегче.

— Ну ничего, ничего, — доктор утешающе похлопал тегу по плечу и Каро показалось, что в скулу ей раскалённое копьё всадили. — И нечего на меня шипеть, милая барышня. До свадьбы заживёт. Вот вашему товарищу, — старикашка кивнул на пластом лежащего Яте, — хуже пришлось.

— У него до свадьбы не заживёт? — мрачно поинтересовалась теург.

— А это смотря когда свадьба, — логично ответил лекарь, засовывая своё замусоленное пенсе в нагрудный карман.

— То есть, когда у меня свадьба, вы не спрашиваете? — непонятно на что обиделась Каро.

Может, с утверждением, что сотрясения у неё нет, врач и поторопился. С мозгами у теги явно творилось что-то неладное. Вот, например, совершенно невинное замечание старика задело. А вид грозного Алекса, стоявшего возле стола с скрещёнными на груди руками, не

волновал абсолютно. Хотя, казалось бы, альв, морально готовый к убийству подчинённых, должен пугать до мокрого белья. Но не пугал. Зато очень интересовала теурга татуировка на лопатке полуголого эксперта «Следа»: цапля — или журавль, что ли? — и дракон, кольцом свернувшийся вокруг птицы.

— А это я и без медицинских познаний сказать могу, — заверил тегу врач. — Такую милую барышню надолго в девках не оставят. Вот только синячок с личика сойдёт — и сразу под венец.

Старикашка то ли заперхал, то ли закудаhtал — засмеялся, наверное. А, может, подавился-таки под взглядом Каро.

— Спасибо вам за помощь, — благодарность от управляющего агентством больше походила на: «Провалитесь вы к Седьмому! Все!». Да и взгляд Росса трудно было назвать дружелюбным. Скорее уж убийственным. Под ним даже врач смутился и перхоть перестал. — Пойдёмте, я вас провожу.

Когда альв вышел, Каро показалось, что в кабинете даже дышать стало легче.

— Рон, а что журавль означает? — шёпотом поинтересовалась теург, по самые уши кутаясь в плед — в конторе и так не жарко, а убийственные настроения управляющего ещё и понижали температуру на десяток градусов. — Про дракона я помню, а вот птички чего-то...

— Это цапля. Символ младшей ветви императорской семьи, — тоже шёпотом ответила дриада, до этого момента весьма успешно делавшая вид, что её тут и нет вовсе.

Без чёрного плаща девушка казалась ещё меньше и ниже, чем была на самом деле. Капюшон ей росту, что ли, добавлял? Или маска? Но какую бы магию зелёная в сарае не применяла, сейчас она выглядела слегка заморённой отличницей института благородных девиц: ручки чинно на коленях сложены, глазки долу опущены, голосок тихий, едва слышный.

В сочетании с кожаным корсажем, обнажающим анатомические подробности по самое немогу и даже чуть больше, такое благонравие выглядело странно. Тега нет-нет, да посматривала исподтишка в сторону зеленоватого великолепия. Не потому, что её женские прелести интересовать начали. Просто любопытно было: есть под нарядом рубашка или эта сбруя на голое тело надета?

Видимо, этот вопрос Мастерса тоже интересовал. Потому что на дриаду он ещё чаще теги косился.

— Младшая ветвь? — машинально переспросила Каро, раздумывая, что в данной ситуации будет вежливее: попросить красотку снова плащом прикрыться или выцарапать глаза оборотню?

— Да, — прошелестела красотка. — У тегов же клановая система. Вот и в императорской семье власть наследовала старшая ветвь, но и младшая много значила. Они были вроде личных телохранителей Властителя: самые близкие, верные, преданные. Ну, или что-то похожее.

— Властитель? — удивилась Курой. Она первый раз слышала, чтобы императора так называли. Но звучало это вполне официально, как титул. — Так, стоп! Он что, — тега ткнула в сторону бессознательного тела, — родственник самого?..

— Внучатый племянник, — нехотя ответил Рон.

Так нехотя, словно постыдную тайну открывал.

— Внуца-атый, — протянула Каро и принялась что-то на пальцах подсчитывать. Но быстро это дело забросила, запутавшись в родственных связях. — Н-да, вот так живёшь-

живёшь и ничего... Погоди, а ты-то это откуда знаешь?

Щёки дриады налились густым изумрудом — видимо, краснели так лесные люди.

— Интересовалась, — скромно призналась красотка.

— Тебе теги, что ли, нравятся? — брякнула теург.

Вопрос прозвучал так, будто Курой поинтересовалась, нравятся ли девушке крысюки. Учитывая расовую принадлежность Каро, звучало странновато. Тега это и сама поняла, озадаченно почесав кончик носа. Но дриада, вроде, никаких странностей не заметила. Или воспитанной была сверхмеры.

— Мне один тег нравится. Конкретный, — ответила девушка и ресницами затрепетала.

На самом деле затрепетала! Длиннющие и мохнатые, как лапки паука, они задрожали, отбрасывая на щёки дриады явственно различимые тени. Каро такой трюк был недоступен. Своими ресницами она только озадаченно похлопать могла.

— И кто этот конкретный тег? — светски осведомила Курой.

— Детка, а ты хорошо себя чувствуешь? — ни с того ни с сего спросил Мастерс, глядя на теурга с родительской озабоченностью.

— Ну, как тебе сказать? — протянула теург, серьёзно обдумав вопрос. — Я чувствую, будто по мне табун лошадей прогарцевал. Хотя, конечно, под табун попадать не доводилось. Честно говоря, меня ни разу даже не пинали. В смысле, не лягали. Но так вот представляется. А что?

— Да ничего, — заверил оборотень. — Пойду-ка я тряпку намочу.

— Вы лучше льда принесите, — тихонечко посоветовала дриада. — Только в чистое полотенце заверните.

Каро хотела было спросить, зачем им мокрые тряпки со льдом понадобились, да передумала. Уж очень её пузырёк, доктором оставленный, заинтересовал. Тега и сама не понимала чем. Обычная такая аптекарская склянка с притёртой пробкой и криво приклеенной бумажкой. На которой от руки нацарапано, что пилюли предназначаются для снятия болей, принимать больше одной за раз нельзя и какая-то галиматья на древнем языке, так уважаемом медиками. Ну, ещё фамилия доктора.

И вот что в этом интересного? А ведь глаз не отвести.

* * *

Вернувшийся в кабинет Росс был хмур, грозен и суров. Каро вдруг подумалось, что Яте вовсе не дурак. С бессознательного сотрудника какой спрос? А вот тем, кто в трезвой памяти, пусть и не слишком твёрдые умом, сейчас отдуваться придётся.

Первым Ужасная Кара оборотня настигла.

— Почему ты не сообщил мне об этой аванюре? — грозно поинтересовался Алекс, в кресло садиться не спешивший.

Альв снова устроился у стола, скрестив руки на груди и пытаясь прожечь взглядом в Мастерсе дырку. Теге примерещилось, что в кабинете темнее стало и озоном запахло, как перед грозой. Теург даже на потолок глянула, не сгустились ли тучи. Но ничего, кроме уже знакомых трещин не обнаружила.

— Во-первых, потому что он с меня слово взял, — ответил Рон, не слишком перед начальственным гневом трепеща, но без большой охоты. — А, во-вторых, это его выбор и его

решение. Какой я, к Седьмому, друг, если помещаю самостоятельно с проблемой разобраться? Сам подумай: Призрак его тут, в конторе, унизил — поигрался и бросил. И чего Яте оставалось? Проглотить и не подавиться?

— Так это что, мальчуковые игры? — задумчиво протянула догадливая Каро. — Ты мне нос расквасил, и я приду в твою песочницу, лопаткой по голове дам?

Все, кто в кабинете находился — кроме медика, понятно — разом на Курой глянули. И, что примечательно, абсолютно одинаково. То есть, с осуждением. Даже дриада.

— Ты прекрасно понимал, что никакого реванша не выйдет, — вдоволь на теурга насмотревшись, Алекс снова принялся Мастера гневным взором сверлить. — Насколько я из твоего рассказа понял, его там и убить могли.

— Ал, я тебя умоляю! — с места в карьер разорался оборотень. — А то ты не в курсе, чем он развлекается?! Ещё раз говорю: это его решение! Что мне надо было делать?! Связывать и на ручках его выносить?! Он взрослый мужик, с мозгами, тег, между прочим. И сам отвечает за свои поступки! Или ты хочешь, чтобы он ещё и мне вендетту объявил?!

— Вендетта — это не теги, а вервольфы с южного побережья, — меланхолично заметила Каро, которую немилосердно в сон начало клонить. — И на счёт мозгов ты погорячился, по-моему.

— Удивительно ценное замечание, — процедил Росс.

У теурга немедленно пропало желание не только спать, но и реплики подавать. Любой ценности.

— Ладно. На эту тему мы позже поговорим. Втроём, — грозно пообещал Алекс. — А теперь скажите мне, лейтенант, командир лучшей разведгруппы специального подразделения, какие это тёмные силы помешали вам... — снова тяжёлый, как брошенный кирпич, взгляд на теурга, — ... слезку заметить?

— Виноват, господин капитан, — развёл руками оборотень и действительно виновато в пол уставился. — Навык потерял. Хотя, возможно, это у госпожи Курой врождённый талант к выслеживанию.

— Неужели? — изумился альв. — И как же вы отследили нашего специалиста, госпожа Каро? По хлебным крошкам?

— По звуку, — теург с трудом сдержала желание накрыться пледом с головой. — По шагам, то есть.

— А-а, теперь понятно, — покивал Росс. — Где же оборотню со спецподготовкой услышать, как за ним девушка крадёт. Ночью. По булыжной мостовой. В ботинках с набойками на каблуках. Ну а без лишнего шума разведчики передвигаться не умеют. Миф это.

— Там не везде мостовая была, — горько вздохнул Мастерс, ещё ниже голову опустив.

И подмигнул Курой. А ещё говорят, будто в песне врут: «Что ты милая смотришь искоса, низко голову наклоня...». Возможно, всё возможно. Если ты оборотень и насмешливая сволочь.

Каро так кулаки сжала, что костяшки хрустнули. И под черепом что-то щёлкнуло — от злости. Стоило бы раньше сообразить: знал Рон прекрасно, что она за ним «крадётся», никак не мог не знать. А уж скрыться от теги ему вообще никаких усилий не требовалось. Когда надо, Мастер умел просто растворяться даже и среди бела дня.

— Ну что вы так сердитесь? — невинным колокольчиком звякнула дриада. — Только благодаря этой девушке переполох случился. И у Яте теперь не будет неприятностей. А то

могли бы обвинить, будто он специально бой сорвал. Все же видели, что господин... Мастерс, если не ошибаюсь? Что господин Мастерс к нему приходил. А так...

— Неприятности у господина Курой будут, — хмуро пообещал Алекс. — И результаты боёв лично меня интересуют в последнюю очередь. А вот послушать, как госпожа Каро умудрилась гнилой доской корабельный фонарь сбить, очень хочется.

Под тяжёлым, почти физически ощутимым взглядом альва, теург застеснялась, зарывшись носом в шерсть пледа. И мысленно поклялась всеми Семерыми сразу оборотня прикончить. Почему-то раньше ей и в голову не задуматься, как она умудрилась опрокинуть фонарь. Собственно, в её планы это вообще не входило — Каро-то хотела только стекло разбить. Правда, и этот трюк у неё вряд ли бы вышел, но...

— Я-ясно, — тоном, способным лаву заморозить, подытожил Росс. — Объяснений я не дожусь, но можно подвести итоги. Призрака мы снова упустили. Зато дружба господ Мастерса и Курой не пострадала. Как и честь последнего. А дамам представился шанс проявить свою сноровку, сообразительность и преданность возлюбленным. Очень плодотворное окончание дня.

— А, может, не совсем упустили? — робко поинтересовалась Каро, выпутывая из пледа руку и выкладывая на стол измятый и затёртый спичечный коробок.

Не коробок даже, а книжечку-картонку, от которой дрянные, вечно плюющиеся серными искрами спички полагалось отрывать. Такой сувенир бесплатно можно прихватить в любом мало-мальски уважающем себя баре или гостинице.

— «Меблированные комнаты метрессы Ригарх», — прочитал плохо пропечатанную надпись Мастерс, проворно утянув картонку из-под руки альва.

— Коробок мог выпасть из любого кармана, — не слишком довольно заметил Алекс.

— В общем да, — не стала спорить Курой. — Но, во-первых, мне показалось, что он упал, когда я этого громилу за штанину дёрнула. А, во-вторых, публика там приличная была. Что им в дешёвой «мебелирашке» делать?

— Ну, есть у меня пара вариантов, — задумчиво буркнул оборотень, подбрасывая коробок на ладони. — Но в её рассуждениях есть резон, согласись?

— Не соглашусь, — Росс сел на стол, устало, обеими ладонями растёр лицо. — Знаешь, на что это всё похоже? Любительский спектакль на летней даче, мать вашу!

В кабинете повисло такое молчание, что стало слышно, как пар в радиаторах попыхивает. Видимо, таких выражений от высокородного альва не только благовоспитанная дриада с наивной тегой не ожидали. Оборотня Алекс тоже до глубины души сумел поразить.

— Ладно, — выдержав паузу, кивнул Росс. — Езжайте в эти комнаты. Но только с Гиккори. Без няньки я вас больше на улицу не выпущу.

Дело было, конечно, не в излишней заботе о сотрудниках, а в том, что у полиции на Призрака свой зуб имелся и не один. И инспектору ещё предстояло объяснить, почему его о бое не предупредили. Но все присутствующие предпочли сделать вид, что им очень-очень стыдно.

Кроме Яте. Всё-таки иногда в обмороке есть свои прелести.

* * *

Каро была уверена: своё право посетить меблированные комнаты кого-то там ей

придётся получать с боем. Тем удивительнее, что этот вопрос вообще не поднимался. Мастерс только поинтересовался, сможет ли теург сама дойти до экипажа. А когда убедился: сможет, но только, наверное, к утру, перепугав всю округу своими охами и стенаниями, просто подхватил тегу на руки. И, демонстративно игнорируя возражения, отнёс в подъехавшую полицейскую карету.

Правда, на этом удача закончилась. Подняться в квартиру, которую судя по описанию перепуганного портье, действительно Призрак снимал, девушке не дали, велел оставаться внизу и «собрать информацию». Какую и где, никто пояснить не потрудился. Но Курой одного роновского взгляда хватило, дабы понять: лучше ей действительно к лестнице не приближаться. Иначе лимит везения будет исчерпан надолго.

— А что хоть натворил-то... этот? — понизив голос до шёпота, спросил лепреконт-портье, кивнув в сторону крадущихся полицейских.

По ступенькам стражи порядка поднимались таясь, тихо. Примерно, как стадо слонов. И поднятые для замаха деревянные дубинки, то и дело задевающие стены, только добавляли им скрытности. По мнению Каро, Гиккори с Мастерсом эту ораву стоило вместо неё внизу оставить. Жаль, что точкой зрения теурга поинтересоваться забыли.

— Тайна следствия, — равнодушно ответила портье тега. Тот в ответ покивал важно, мол: «Понимаю!». — Скажите-ка лучше, уважаемый, не приходил ли кто в гости к нашему подозреваемому? — небрежно облокотясь на стойку, поинтересовалась Курой.

Всё-таки было в этом что-то эдакое, поднимающее собственную самооценку. Мелькнула даже мыслишка бросить к Седьмому неблагодарный «След» и податься в полицию — в настоящие сыщики. Но, скорее всего, такие дикие желания рождало не случившееся сотрясение мозга. Поэтому теург отодвинула их, как несвоевременные, сосредоточившись на актуальном.

— А кто приходил? — заморённый любопытством лепреконт на вопросе смог сосредоточиться не сразу.

— Я вас о том и спрашиваю, — веско напомнила тега и пальцем по конторке постучала, привлекая внимание портье. — Может быть, подозрительные личности заходили, дамы какие-нибудь?

— Дамы? — непочтительно фыркнул служитель, пуча лягушачьи глаза — иронизировал, наверное. — Да какие у таких дамы? Ему денег только и хватало на одну... Ну, вы понимаете? Те, кто по углам стоят и берут недорого, — портье глумливо подмигнул.

— О расценках он вам сообщил или по собственному опыту судите? — строго поинтересовалась теург.

Лепреконт то ли засмутился, то ли обиделся. Опустил лишённые ресниц веки, сосредоточившись на перебирании ключей, лежащих в разделённом на отсеки ящичке. Кажется, теург ему нравится перестала, и желания отвечать на вопросы поубавилось. Видимо, с профессиональной серьёзностью тега переборщила.

— Скажите, а дама всегда одна и та же была или разные? — судорожно припоминая роновские приёмчики, интимно поинтересовалась Каро.

Не то чтобы её ответ заботил. В конце концов, какая разница, чьими услугами пользовался Призрак? Но вот за то, что она возможного свидетеля против следствия настроила, никто бы спасибо не сказал.

— Да я что, следил за ними? — огрызнулся лепреконт.

И впрямь обиделся.

— А разве надо следить? — удивилась Курой и даже, кажется, вполне правдоподобно. — Или, думаете, я не знаю, почему домовладельцы предпочитают нанимать таких, как вы? Это другим специально присматриваться надо, приглядываться. А лепрекон и со ста шагов фальшивую монету от настоящей отличит. Чего уж про лица говорить?

На вкус Каро, с лестью она переборщила. А вот портье иначе думал. Разулыбался довольно, демонстрируя в лягушачьей пасти два ряда треугольных, чуть загнутых зубов.

— Это вы верно подметили, сударыня, — прошепелявил он польщённо, — нам и приглядываться нужды нет. А дев... Прошу пардону, дамочка-то к нему одна и та же ходила. Да и то совсем недавно появляться стала. Видать, монетой он где-то разжился. А, может, перестал всё спускать по курильням. А то, знаете, пропадал на день, иной раз и на два. Придёт, глаза бешеные, от самого дрянью за версту несёт. Отоспится сутки и обратно пропадает. Я всё удивлялся: откуда у него только деньги? И Марке — это горничная наша, прибирает за постояльцами — говорю: «Нигде ведь не работает, а на гадость всякую хватает!». И она...

— Подождите, — теург прихлопнула по конторке, останавливая льющийся поток, — а эта ваша Марка во всех квартирах прибирает?

— Ну что вы? — снисходительно квакнул служка. — Только за теми, кто ей платит, конечно. Хотя, чтобы Седьмых не гневить, берёт совсем немного. Правда, и результат не очень. Но там полы помыть, бельё постирать — это завсегда. А где нынче дешевле да качественнее найдёшь? Сейчас ведь...

— В квартире Приз... э-э... — Курой покрутила пальцем, пытаясь припомнить имя бугая — напрасно, память работать отказывалась, даже палец не помог.

— Нет, в квартире этого господина она не убирала, — сухо ответил лепрекон. Видимо опять обиделся. — Он, собственно, к себе вообще никого не пускал. Даже когда сливы забились, пришлось уговаривать дверь рабочему открыть. Можно подумать, он у себя сокровища хранил!

— Подумать можно, — согласилась Каро, опираясь на стойку локтями — стоять на одной ноге, вроде цапли, оказалось неудобно и утомительно. А на вторую не наступить — разболелась. — И вы говорите, что он весь такой таинственный, с недавних пор к себе девушку стал... приглашать?

— Стал. И вот это вы верно подметили — приглашать, — неистребимая тяга к сплетням все обиды пересилила. — Наши постояльцы они же обычно как? Подцепят шлю... даму где-нибудь на улице и вместе с ней домой приходят. А эта сама являлась и прямо шмыг к нему. Может он и ключ дал. Потому как приходила даже, когда хозяин отсутствовал. И сидела чего-то долго. Но это не наше дело. Нам про личную жизнь квартирантов любопытствовать запрещено.

— Конечно-конечно, — важно покивала теург, — интересоваться личной жизнью — дело последнее. А вот как вы определили, что его гостя из гулящих? Может, просто нуждающаяся женщина?

— Ага, знаем мы, в чём она нуждается! — фыркнул портье. — И что я, шлюху от приличной не отличу? Как есть уличная. Да она и не скрывалась. Из-под юбки чулки видать. Красные, между прочим. Волосы тоже крашеные — уж больно рыжие. И кто такая? «Угловая», как она есть.

— Действительно, не отличишь, — задумчиво протянула Каро, барабаня по стойке пальцами. — То есть, лица вы не запомнили?

— Как это не запомнил?! — возмутился лепрекон. — Говорю же: губищи красные, ресницы — во! И веки синие!

— А волосы рыжие, — кивнула теург, борясь с диким желанием сесть прямо на пол.

Внезапно разболелась не только нога, но и вообще всё. Даже, кажется, ногти. Да и усталость навалилась. Вместе с пониманием, что ничего они тут не найдут.

Мрачная физиономия Мастерса, как раз появившегося на лестнице, Курой нисколько не удивила.

* * *

От жилища одинокого холостяка, да ещё регулярно пропадающего в опиумных притонах, Каро многого и не ждала. Собственно, тега искренне полагала, что после берлоги Мастерса её поразить невозможно в принципе. Оказалось, что теург глубоко заблуждалась. Запас удивления остался изрядный.

Первое, что ещё из коридора ошеломляло — запах. Абсолютно крысочий и с вполне благополучными «меблированными комнатами» никак не вяжущийся. Воняло грязным бельём, сортиром, гнилью, застарелым потом, настоящим на нестиранных носках. И ещё чем-то неопределимым, но удивительно мерзостным.

Одного взгляда через распахнутую настежь дверь Курой хватило, чтобы понять: заходить в квартиру у неё нет никакого желания! Бардак внутри царил невероятный. И состоящий в основном из грязной посуды, объедков, обрывков, ошмётков, останков и только Седьмой знает чего ещё.

— Может, действительно, не стоит? — участливо и даже без издёвки спросил Мастерс, поддерживающий тегу под локоть — не из вежливости, а в качестве костыля.

Теург решительно мотнула головой, отгоняя дикий соблазн побыть слабой и нежной, решительно шагнула через порог. И тут же об этом пожалела. Для того чтобы не завизжать, Каро потребовались все отмеренные ей моральные силы. Нет, труп, согнувшийся за столом, ткнувшийся лицом в тарелку, её не слишком впечатлил. Ну, громила. Ну, мёртвый — эка невидаль. К тому же, чего-то подобного тега и ждала.

А вот полчища тараканов, деловито снующих между гор мусора и совершенно не обращающих внимания на суесящихся полицейских, девушку впечатлили. Да так, что ей не только завизжать — самой на руки Мастерсу запрыгнуть захотелось.

— Ты чего? — удивился Рон.

Тега в ответ только головой помотала — побоялась рот открыть.

— Вы тело будете осматривать, госпожа Каро? — недовольно окликнул Гиккори, стоящий рядом с тем, что от Призрака осталось. — Или нам штатного теурга вызвать?

— Иду, — едва слышно отозвалась Курой и не выдержала — икнула-таки брезгливо. — Ужас какой...

— Это вы настоящих трупаков не видывали, дамочка, — с удовольствием сообщил рыжеусый полицейским, сам смахивающий на таракана. — Вот, допустим, по весне вытаявший или там из пожара вытащенный. А тут сидит себе, целёхонек. Чего ужасаться-то?

— Целёхонек? — теург пошла-таки к столу, стараясь не обращать внимания на хруст под ногами.

Мало ли что тут хрустеть может? Крошки, например.

— Ну, я бы сказал, что его отравили, — недовольно поморщившись, будто ему собственные слова не нравились, ответил инспектор. — Конечно, надо подождать, чего медицина скажет. Но чесноком от парня за пять шагов разит.

— Мышьяк? — предположила тега, доставая линзу.

— Может, и мышьяк. А может, повар с приправой перестарался, — ещё неохотнее отозвался Гиккори. — Вот оно, рагу-то. Кажется, из баранины.

— Готова спорить, что всё же мышьяк, — пробормотала теург, осматривая стены.

Никаких следов плетений здесь, понятное дело, не было. Зато потоков жизни такое множество, что едва заметно мерцающая аура буквально заливала квартиру. Каро никогда и в голову не приходило: тараканы, клопы, блохи и прочая мелочь — тоже жизнь. Это она обычно крошечная и незаметная. А собранная в таком количестве — вполне себе сила.

Кстати, способная кое-что замаскировать. Например, магические метки. Или замки.

— Здесь есть тайник, — уверенно заявила тега, убирая бесполезный кристалл.

— Где? — тут же насторожился Гиккори.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Курой. — Тайники не моя специализация.

— Тогда с чего такие предположения?

Кажется, присутствие в квартире некой теги кому-то очень мешало жить. И с чего такая нелюбовь? Подумаешь, лицо ему расцарапали. Так тому уж полгода как. И, между прочим, сам же виноват.

— Портье сказал, что Призрак к себе в квартиру посторонних пускал очень неохотно. Да и посмотрите, какой кругом бардак. Зачем такую помойку разводить? — отозвалась теург вполне мирно. — Не для того ли, чтоб любопытных отвадить?

— Чисто женская логика! — хмыкнул следователь. — Вероятно, ему просто на бардак плевать?

— Может и так, — не стала спорить тега — на это у неё сил уже не хватало.

Да и смысла она не видела.

— Пойдём, я тебе домой отвезу, а то утро уже скоро. Ты и так на ногах едва держишься, — тоном, возражений не подразумевающим, заявил Мастерс.

Но и ему противоречить Курой не стала — лишь кивнула, соглашаясь. Догадка, ещё смутная призрачно-неуловимая появилась на самом краю сознания. Появиться-то она появилась и заманчиво ладошкой махала. Но тега слишком устала, чтобы думать связно. В данный момент собственная постель манила гораздо больше, чем возможность преступления раскрыть.

— А зачем ты позволил за собой следить? — дождавшись, когда полицейская карета, любезно, хоть и не слишком охотно предоставленная Гиккори, тронется, спросила Каро.

Несмотря на всю усталость, любопытство и обида на то, что её вокруг пальца обвели, покоя не давали. Хотя теург и подозревала: в ответ только на очередную насмешку напорется. Ну, может, ещё получит нравоучение в духе «верные действия профессионального сыщика».

— А как бы ты нас иначе отыскала? — неожиданно серьёзно ответил Рон, глядя в окно.

Оказавшись в карете, оборотень стал ещё смурнее. Сложил руки на груди, нахохлился. Полосы света уличных фонарей высвечивали лицо с нахмуренными бровями, делая Мастерса похожим на хищную птицу.

— А... А зачем тебе нужно было, чтобы я вас отыскала? — помолчав, переспросила всё-таки тега.

Такой Рон не нравился ей категорически. Да что там? Оборотень её откровенно пугал. Уж лучше бы насмешничал как обычно.

— Потому что я тебе доверяю, — ответил сыщик не сразу, тоже паузу потянул изрядно.

— В смысле? — выпалила Каро, ничего подобного не ожидавшая.

— В том самом, — оборотень повернулся к теургу, став ещё страшнее. Теперь тега его лица вообще почти не видела: тень и совсем чёрные провалы глазниц. Только висок фонари чуть подсвечивали. — Я тебе доверяю. Знаю, что ты сама можешь принять решения и ответить за них.

— Давно? — в конец опешила Курой. — В смысле, давно ты это знаешь?

— Недавно. Но либо так, либо тебе в агентстве действительно делать нечего. Мы или работаем вместе, или... В общем, я нянькой быть не хочу. Да и не надо это никому.

— Ну а как же с тем, что я глупости на каждом шагу леплю? Что работать не умею? Что меня непременно убьют, как только, так сразу?

— Значит, убьют, — тень на месте Рона шевельнулась, шорхнула кожа куртки — вероятно, оборотень плечами пожал. — Никого из нас на помочах не водили. Сами шишки набивали, сами и учились. Нет, я, конечно, надеюсь, что у тебя ума хватит в живых остаться. Но и мешать больше не стану.

— Самоубиться мешать не станешь? — уточнила Каро.

— Чем ты недовольна? — холодно поинтересовался Мастерс. — Хотела, чтобы относились как к равной? Я решил, пусть так и будет.

— Ничем, — буркнула тега. — В смысле, всем довольна. Только одного не поняла: почему ты меня просто в тот сарай с собой не взял?

— Тогда мне Ал точно голову бы открутил, — зубы оборотня влажно блеснули в темноте — улыбнулся. — А так какой с меня спрос? Сама, всё сама.

Вот и пойми эту мужскую логику! Да и существует ли вообще в природе такой зверь?

Не смотря на всё только что объявленное равноправие, до квартиры Рон тегу снова на ручках отнёс и даже разуться помог. А Каро и не спорила. В некоторых ситуациях она против собственной беспомощности ничего не имела.

Глава девятнадцатая

Идеально сформулированный вопрос должен заключать в себе ответ в слегка закамouflированной форме.

К тому моменту, когда Мастерс соблаговолил-таки дверь открыть, Каро едва костяшки на руках не отшибла. И даже пнула филёнку разок. Правда, больше на такой подвиг не решилась. Конечно, с тростью, слёзно выпрошенной у консержки, страдающей хронической подагрой, передвигаться стало гораздо легче. Но единственную здоровую ногу стоило и поберечь.

В конце концов, совесть у оборотня проснулась.

— Какого лешего?! — наотмашь распахнувшаяся дверь едва не саданула теурга по носу. — Я сейчас кому-то яйц... А-а, Каро?

Тега кивнула, сухо сглотнула и даже назад шагнула. Отчего едва с лестницы не полетела — повреждённая щиколотка подвела — подвернулась. Хорошо хоть Мастерс, машинально руку протянувший, удержал. Правда, легче от этого не стало.

— П-привет... — пролепетала теург, старательно глядя куда угодно, но только не на Рона.

Конечно, мчась сюда, она предполагала, что оборотень ещё отдыхает. От неё-то он к Гиккори вернулся и домой наверняка попал совсем уж утром. Но откуда Каро знать, что спать Мастерс предпочитает в натуральном виде? То есть, таким, каким его Семеро создали. В смысле, без одежды. Вовсе без клока.

А если б даже такая дикая мысль ей в голову и пришла, то додуматься, будто Рон в таком виде двери открывает... На это даже бурной теговой фантазии не хватало.

— Ты знаешь, сколько времени? — сердито поинтересовался сыщик, собственной наготы нисколько не стесняясь.

— Знаю, — придушенно пискнула Курой. Да, она старательно отводила глаза в сторону. Но они почему-то упорно возвращались назад. — Второй час. Дня.

— Серьёзно? — Мастерс озадаченно почесал затылок.

Светлые волосы и без того растрёпанные, а с одной стороны и вовсе колтуном свалывшиеся, встали дыбом. И смотреть в стену стало ещё труднее. Голый, здоровый, будто шкаф. С валунами, буграми, шарами и Седьмой только знает чем ещё мышц... Об живот его, кстати, запросто можно белье стирать — как доска у прачек, честное слово! Заспанный, лохматый и с ребристым следом от подушки на щеке. Мечта, а не мужчина.

Да и, вообще, как тут не пялиться? По пояс голого оборотня Каро видеть доводилось. Но целиком он производил совсем уж грандиозное впечатление.

— Каро?

Кажется, эта воплотившаяся, пусть и не слишком приличная... Да что там? Вовсе уж неприличная, а местами даже постыдная мечта ещё и говорила.

— Да, прости. Я... отвлеклась и...

— Отвлеклась, значит? — как-то нехорошо прищурился Мастерс. Курой бы точно снова попятилась, а может даже и бегом побежала, наплевав на все травмы. Да вот только Рон её по-прежнему за локоть держал. И отпускать не собирался. — И что тебя отвлекло?

— Может, ты хоть штаны наденешь? — пролепетала теург.

— Надену, — грозно пообещал Мастерс, втаскивая слабо сопротивляющуюся девушку в квартиру. — Вот как только, так и надену.

И обманул, зараза. Вместо того чтобы одеваться идти, сыщик захлопнул дверь и прижал к ней девушку с такой силой, что у Каро в лопатках ёкнуло. Навис живой, двигающейся, дышащей горой.

— Можешь в подъезде подождать, — шепнул рядом.

— Подожду, — согласилась Курой — и собственного голоса не узнала.

Не то чтобы придушенный — вовсе какой-то замогильный. И тоже, между прочим, наврала. Не пошла обратно на лестницу, а погладила булыжник — там, где у нормальных существ грудь находится. Валун оказался тёплым, гладким и внутри него, где-то в глубине — гулко и не слишком ритмично сердце бухало.

— Всё ещё можешь... — и у оборотня голос на октаву съехал.

Вероятно потому, что в квартире не слишком тепло было.

— Хорошо, — кивнула теург и даже голову подняла.

Правда, в глаза Мастерсу посмотреть так и не решилась. Впрочем, его губы тоже внимания стоили.

— Каро...

Нет, то, что блондина хлебом не корми, только дай поиздеваться, тега давно знала. Но это уже на пытку походить начинало. Пришлось брать ситуацию в собственные руки. То есть, сграбастать оборотня за волосы, нагибая упрямую башку, и целовать самой. Всё равно не слишком удобно получилось, уж чересчур здоров. И теургу ничего не оставалось, кроме как запрыгнуть на Рона, обхватить и руками, и ногами — не из нежности, а чтобы не свалиться. Спасибо, хоть поддержать догадался. Зато так целоваться было гораздо комфортнее. И даже кусануть его за шею, под самым ухом, о чём, Курой, оказывается, давно мечтала, удалось.

Было дело, промелькнула мысль: что о такой выходке оборотень подумает. Но мелькнула, да и пропала. Потому что Мастерс, кажется, ни о чём думать не собирался, да и Каро не дал.

* * *

Спина Мастерса, горой возвышающаяся над матрасом, вздрогнула и плечи затряслись. Девушке сначала даже показалось, будто ей примерещилось. Но нет — оборотень действительно всхлипывал. Тоненько так, по-щенячьи и очень-очень жалобно.

Сказать, что тега перепугалась — ничего не сказать. Такого ужаса Курой в жизни не испытывала. И такой растерянности. Что делать? Что говорить? Потянулась было погладить его по монументальному плечу, да отдёргнула руку — вдруг хуже сделаешь? Села, натянув сбившуюся в ноги простыню до подбородка.

— Рон... — позвала негромко, почти шёпотом.

Нет ответа. Только всхлипы судорожной стали.

— Рон, да что с тобой? — Каро и сама уже готова была разрыдаться.

— Теперь ты меня бросишь, — донеслось из подушек глухо.

— Почему? — опешила тега, обеими руками пытаясь убрать за спину колтун, в который волосы превратились.

— Вот только не надо меня утешать! — проскулил Рон. — Знаю я вашу подлую тегскую породу. Получила, чего хотела, а теперь ручкой помашешь! Говорила мне мама, что до свадьбы ни-ни, а я... Теперь ведь бросишь, скажи, бросишь?!

Оборотень повернул голову, но под чёлкой теург лица всё равно не разглядела. Только глаза — зелёно-жёлтые, как вызревший крыжовник и абсолютно сухие.

— Или жениться будем? — выдержав паузу, серьёзно поинтересовался Мастерс. — Конечно, в твоё благородство веры нет. Но не можешь же ты просто так бросить обесчещенного юношу?

— Какого юношу? — и до этого момента Каро соображала не слишком хорошо, а тут вместо мозгов и вовсе чёрная дыра образовалась — пустая-пустая, без искры сознания.

— Обес-че-щен-ного, — с расстановкой повторил Рон. — А как это ещё назвать? Ворвалась ко мне домой. Можно сказать, в постель прыгнула. Даже на соблазнение время тратить не стала, изнасиловала практически.

— Я?!

— А здесь кто-то третий был? — округлил глаза Мастерс.

— Придурок! — с облегчением выдохнула Курой. — Идиот! Кретин!

Тега пихнула кулаком в сыщицкое плечо, но хоть оборотень и пискнул, морального удовлетворения это не принесло — всё равно, что стену толкать. Заехать подушкой оказалось куда приятнее.

— Вот, ты меня уже избивать начала! — взвыл Мастерс, пытаясь одной рукой — и далеко небезрезультатно — отбить атаку. — Скоро вовсе на цепь посадишь! На хлеб и воду!

— Я тебе шею сверну! — кровожадно пообещала тега.

И действительно попыталась вцепиться Рону в горло. Правда, сделать это было непросто. Во-первых, Мастерс на животе лежал и переворачиваться не собирался. А, во-вторых, такую шею поди обхвати! О придавить речь уже не шла.

— Не, ну так дело не пойдёт, — не согласился сыщик. И что-то такое сделал — Каро показалось, что только шевельнулся — но почему-то теперь Курой на спине растянулась, а оборотень сверху навис, без труда её руки перехватив. — Сначала жениться, а потом вдовство — и никак иначе. Вот подписи поставим, тогда уж...

Тут-то в голове у Курой и прояснилось.

— Точно! Подпись! — ахнула тега и дёрнулась, попытавшись освободиться.

— Ну да, подписи, — кивнул Рон, по-собачьи наклонив до жути довольную физиономию к плечу и никуда теурга, естественно, не отпуская. — Или что? В храм пойдём, перед Семерыми в верности клясться?

— В какой храм? — не поняла Курой. — Да не в храм, а к Яте!

— Зачем к Яте? — видимо, настал черёд Мастерсу ничего не понимать. — В смысле, как у ближайшего родственника благословения просить, что ли?

— Да какого благословения? — начала злиться Каро. Чужая недогадливость её всегда раздражала. Да и лежать, не имея возможности даже сдвинуться, не слишком комфортно. — Надо узнать, кто ему про лекарство старшей из сестёр рассказал, понимаешь? Он тогда уточнять не стал. Вроде, как это значения не имеет. А оно на самом деле имеет! Даже если этот кто-то не знает, где пилюли купили, флаконы-то он видел!

— И что?

— Ну как что? Аптекарь обязательно ставит на этикетке подпись, понимаешь? Или аптекарь или врач, если он лекарство сам заказывает. Но кто-то из них непременно

расписывается!

— Ты думаешь, что этот кто-то, рассказавший Яте про пузырьки, помнит подпись?

— Да даже если и не помнит! Я же дипломированный специалист, а не погулять вышла! Гипноз — это тьфу, первый курс. Конечно, у меня на это лицензии нет. Но вдруг он согласится? Ну что ты валяешься? Хотя, наверное, сначала надо к матери Алоа, навеститься, а потом за флаконом... Короче, по дороге решим!

— Знаешь что, детка? — протянул Рон, глядя на тегу очень серьёзно. — Я тебе скажу сейчас одну вещь, за которую ты меня возненавидишь. Говорить?

— Ну... Говори, — осторожно согласилась теург холодея.

Вот сейчас как ляпнет что-нибудь, после чего останется только с моста да в реку.

— Хорошо, говорю, — кивнул Мастерс. — Итак, Каро. Ты сейчас лежишь голая в моей квартире и в моей постели. Я тоже... лежу. Примерно в таком же состоянии. Минут пятнадцать назад... Ну, минут пятнадцать назад всё было очень даже здорово. А сейчас кто-то здесь втолковывает про подписи, этикетки и Яте. Вот это факт. А теперь вопрос: мне это как комплимент расценивать стоит или повод для повторения? Просто то самое «здорово», которое было, подразумевает томные вздохи и признание в вечной любви, а никак не стимул для продолжения расследования.

Каро подумала. Серьёзно подумала. Медленно, но верно краснея — не лицом даже, всем телом. С которого, кстати, простыня куда-то подевалась.

— Я тебя ненавижу, — буркнула тега.

— А я предупреждал, — согласился Рон.

— Слезь с меня!

— Не слезу, — мотнул головой Мастерс. — Если я сейчас слезу, то ты тут же вскочишь и убежишь. Лови потом. Нет уж, лучшего повода для шантажа может и не представиться.

— И чего тебе от меня надо?

— Ну-у... — наглый кошак наклонил голову, оценивая открывающиеся под ним виды. — Вообще-то, многое. Но начнём с малого. Жениться и впрямь пока рановато. Надо узнать друг друга получше и всё такое.

— Мастерс!

— Ну вот так всегда. Только разгонишься — и фигу тебе, — Рон вздохнул, садясь на матрасе. — Ладно, так чего там с Яте, давай поподробнее.

— А условия? — тихонько поинтересовалась Каро, тоже садясь — за спиной оборотня.

И снова натягивая простыню — на всякий случай.

— Какие условия? — Мастерс глянул на тегу через плечо. Приподнял брошенную на пол рубашку, встряхнул зачем-то. Может, папиросы искал? — Ты что, серьёзно думаешь, что я вот тебя сейчас запру или в цепи закую? Сама решай, что надо, а чего не надо. Ну и я тоже решать буду.

— Это в смысле?..

— Это в смысле: мы оба свободные существа, детка, — усмехнулся оборотень.

Усмешка у него не очень весёлой вышла. По крайней мере, так Каро показалось. Впрочем, она вполне могла и ошибиться. Всё-таки ей лицо оборотня не слишком хорошо видно было. А вот слова его теге не понравились совершенно. Нет, в личной свободе, конечно, есть своя прелесть. Но это значит, что и Рон в любой момент ей ручкой сделать может. Такое положение вещей Курой совершенно не устраивало. Но не скажешь же: «Ты мой на век!». А и скажешь, толку немного выйдет. Оставалось сделать вид, что всё

устраивает. Ну, и стоило подумать на досуге, как бы ситуацию к собственной выгоде повернуть.

— Да про Яте уже все сказала, — независимо отозвалась Каро, скручивая волосы в узел. — И, думаю, что нам нужно навестить сестру Олэана, мать Алоа. Вообще, с ней стоило с самого начала поговорить. Но чего уж теперь...

— Сестру навестить нужно или этого фата? — равнодушно поинтересовался Мастерс, прячась за папиросным дымом.

Равнодушно-то равнодушно, но всё же сложновато скрывать эмоции, сидя голым. Как спина у оборотня напряглась, Курой видела отчётливо. Кажется, одному, всему из себя свободному, что-то не нравилось.

— Сестру, — ответила тега, очень стараясь не улыбаться. — К Алоа, конечно, тоже вопросов много. Но мы их пока задавать не будем.

— Почему?

— А он всё равно соврёт, — отмахнулась теург, натягивая сорочку.

— Вот это новость! — Мастерс едва папиросой не подавился. — По-моему, раньше у тебя к нему лимит доверия больше был.

— А вот ты скажи, — тега на коленях подползла к Рону, заглядывая сбоку, — я красивая?

Мундштук Рон всё-таки не проглотил, но раскашлялся. Да ещё и по груди себя зачем-то постучал. Звук Каро очень понравился: густой такой, гулкий.

— Детка, давай ты не будешь таких вопросов задавать, а? — почти жалобно попросил сыщик, раздражённо гася окурок в чашке.

— Возвращаю вопрос: почему?

— Да потому! — рыкнул Мастерс. — Ты хочешь услышать то, что всем говорят? Оно тебе надо?

— То есть, я уродина?

— Да не в этом дело! — кажется, оборотень собрался взбеситься по-настоящему. — Красивая-не красивая, какая разница? Ты — это ты! Такая, какая есть. И всё!

— Слушай, Мастерс, а как ты с таким умением комплименты говорить, женщин соблазнял? — удивлённо протянула тега.

— Да не хочу я тебя соблазнять! — рывкнул Рон. — Я хочу, чтобы ты была! Чтобы мы были. Чтобы... А, неважно! В общем, давай, прекратим этот разговор.

— Давай, — легко согласилась теург. — Но с одним условием. Ты перестаёшь звать меня деткой. Иначе будешь ходить в зайчиках. Понял?

— Нет, — честно признался блондин. — А меньше всего понял, причём тут правдивость фата.

— Это потому, что у мужчин напрочь отсутствует логика, — наставительно сообщила Каро.

Ну, неромантично. Ну, без красивых слов, жестов и орхидей. Зато честно. Для начала это даже больше, чем нужно.

* * *

Госпожа Иельон была похожа на кого угодно, но только не на почтенную матушку

взрослого фата. Поначалу Каро вообще примерещилось, что в гостиной их собственная заказчица поджидает: такая же кукольно-хрупкая фигурка, розовые губки, голубые глазки, локончики, завитые спиральками. И не следа морщин на лице. Вот только взгляд совсем не детский и очень далёкий от наивности. Впрочем, от дружелюбия тоже.

— Вы действительно частные детективы, а не полицейские? — тоном учительницы, нерадивого ученика вопрошающего, поинтересовалась фея.

— Мы и вправду лицензированные сыщики, — Мастерс решил с ходу включить всё доступное обаяние, расцветя солнечной улыбкой, — но к полиции не имеем никакого отношения.

— То есть, не вы расследуете смерть моего брата? — уточнила красавица.

— Не мы, — Каро покосилась на оборотня — рискни она так улыбнуться, точно бы щёки треснули. — Дело в том, что к нам обратилась ваша племянница...

— Это совершенно неважно, — отмахнулась Иельон. — Скажите, Айрэн действительно мёртв? Сведения абсолютно верные?

Детективы озадаченно переглянулись, а Рон ещё и бровь почесал, строя Курой из-под ладони страшные рожи. Смысл которых до неё всё равно не дошёл.

— Простите, а кто такой Айрэн? — осторожно поинтересовалась теург.

— Ах, боже мой! — всплеснула руками фея. — Ну как же вы недогадливы! Айрэн Олэан, мой брат!

— Боюсь что так, — тега изо всех сил постаралась состроить сочувственную мину, — господин Олэан на самом деле...

— Что вы такое говорите! — лицо госпожи Иельон просветлело. В буквальном смысле: словно у неё за глазами светильник зажегся. Курой даже сияние примерещилось. — Боюсь! Эта самая радостная новость за последний десяток лет! Вот я действительно боялась, что всю историю с этой якобы внезапной смертью подстроил сам Айрэн. С него станется! Потому я и не поверила полицейским. Но вы же не будете меня обманывать, верно? Уверена, что женщина женщине никогда не солжёт!

— Э-эм, ну, наверное... — протянула Каро.

Экзальтированность хозяйки ей не понравилась. Нет, на известие о трагической гибели родственника реагировать, конечно, по-разному можно — всё зависит от градусности отношений. Но вот заявление про женщин было явно лишним. По словам заказчицы, матушка Алоа не только отодвинула собственного брата от наследства, но и вполне успешно много лет руководила бизнесом.

Кстати, а ведь фат обмолвился, что принял бразды правления из рук отца. И не раз повторял, будто дела идут очень неплохо. Нестыковка крошечная, конечно. Но уж слишком много этих нестыковок.

— Присаживайтесь, — лучась гостеприимством и искренней радостью, предложила фея. — Я немедленно велю подать чай. И пирожные. Моя кухарка печёт дивные пирожные, каких вы не в одной кондитерской не отыщите!

— А на вопросы вы ответите? — ненавязчиво спросила тега.

— Любые! — заверила хозяйка. — Но он точно мёртв?

— Мертвее не бывает, — буркнула теург, которой от такого счастья белокурой дивы даже неудобно стало.

— Великолепно, великолепно! — пропела красавица, умудряясь одновременно отдавать распоряжение прибывшей по звонку серебряного колокольчика служанке и освещать

собственным счастьем гостиную. — Любые вопросы! Самые искренние ответы! Ничего не скрою, уверяю вас. Если пожелаете, то даже открою секрет нашего шоколада.

Фея лукаво подмигнула, сделавшись ещё краше и моложе.

— Тогда, может, вы начнёте с рассказа о ваших отношениях с братом? — предложил Мастерс.

Каро захотелось глаза ладонью прикрыть. Как на вкус теги, так с солнечными улыбками в этой гостинной явный перебор случился.

— Ну, что вам сказать? — протянула госпожа Иельон, нервно разглаживая оборку на юбке. И слегка поумерив сияние. — Понимаете, со стороны наши отношения... Точнее, то, как я с Айрэном поступила, может показаться некрасивым. Даже подлым. Но родители брата с детства баловали, а на момент их смерти ему едва девятнадцать исполнилось. И, поверьте, это был крайне развращённый молодой фат, совершенно не знающий цену деньгам. Если бы я позволила наследству попасть в его руки, то Ай бы промотал всё до последнего эльзара.

— Я вас понимаю, — мурлыкнул Мастерс, плотоядно косясь на пирожные, на самом деле выглядящие весьма аппетитно.

— Вряд ли, — тон феечки изменился. Звякнуло в нём что-то такое, стальное. Да и застенчиво опущенные ресницы она подняла. Вот теперь Каро верила — у этой ни одна монета даром не пропадёт. — Поначалу содержание ему оставили. Небольшое, но способное покрыть самые насущные нужды. Только брат каждый день требовал денег: ещё и ещё, снова. У Айрена они буквально утекали сквозь пальцы. И это не нравилось ни мне, ни моему супругу. Тогда я и поставила условие: если он хочет получить свою долю наследства, должен заняться делом.

— И что господин Олэан? — светски осведомился Рон, почти изящно отхлебнув из тонкой фарфоровой чашечки.

Не причмокни он при этом, получилось бы совсем хорошо.

— А что он? — рассеянно переспросила Иельон, отвернувшись в сторону окна. Кажется, поднятая тема ей приятной не казалась. — Естественно, брату это не понравилось. Но выбора у него не было. Поэтому и пошёл в армию. Конечно, мы с супругом сделали всё, что от нас зависело. Пристроили его в интендантскую часть, помогли завести необходимые связи. Впрочем, Ай быстро доказал: деловая сметка у него врождённая. Не прошло и года, как он начал проворачивать такие дела, какие нам и не снились.

— Это какие? — живо заинтересовалась Каро, перестав подсовывать под лапу оборотня салфетку.

Видимо, по дороге в дом Иельонов Рон растерял все манеры. И теперь почему-то предпочитал стряхивать крошки с пальцев о собственные штаны. Хотя, вполне возможно, что его просто возмущение теги забавляло. Недаром же косился, довольно скалясь. А вот хозяйке на сыщицкие замашки явно было плевать.

— К сожалению, подробностей я не знаю. Да и знала бы — не сказала, — заверила теурга фея, по-прежнему задумчиво изучая пейзаж. — Но деньги у него появились. И немалые. Ещё брат свёл знакомство с... С очень высокопоставленными чинами. Большого сообщить не могу.

— Ну, хорошо, — не стала давить Каро. Заодно и на Рона плюнув и оставив салфетку в покое. — И что было дальше?

— Дальше он женился. Причём на женщине совсем не нашего круга —

получеловечке, — губки красавицы дрогнули в брезгливой гримаске, но едва заметно. — Впрочем, ни одна приличная семья за него дочь не отдала бы. Ведь никто не знал ни истоков его капитала, ни размеров, ни надёжности вложений. Потерпи Айрэн, остепенись, инвестируй свои средства в достойное дело, — Курой была уверена, что под «достойным» госпожа собственный бизнес имела в виду, — и всё постепенно встало бы на свои места. Но чересчур он торопился доказать всем, чего стоит. Выходило не слишком ладно. Наследника жена ему так и не родила, приличного приданого не принесла. А потом и вовсе умерла, оставив вдовцом с тремя малютками на руках, — фея тяжело вздохнула, комкая в кулаке оборку, — Тогда-то брат обозлился окончательно. И почему-то обвинил во всех своих бедах меня.

Руки заламывать Иельон не стала. Рыдать и причитать тоже. Но у Каро сложилось стойкое ощущение, что обида господина Айрэна вышла сестре боком.

* * *

— Это, конечно, безусловно, интересно, но я пока не понимаю, чем нам поможет данная информация, — подал голос Алекс, продолжения так и не дождавшийся.

— А дальше пусть она объясняет! — обиженно буркнул Рон. Оборотень мотнул в сторону притихшей в кресле Каро и гордо отвернулся надувшись. — Потому что я сам ни демона не понял. О чём там она спрашивала и почему утащила меня от феи — вот честное слово, не дошло. Видимо, не для средних умов.

— Ну я же говорила: надо смотреть, с чего всё началось, — голос теурга очень на извиняющийся походил. Да и смотрела на Мастерса она странно: вроде бы исподлобья, но как будто и просяще. — И два раза объяснять не хотелось. В смысле, сначала тебе, а потом господину Алексу. И утащила я потому, что ты, по-моему, все запасы госпожи Иельон стрескал.

— Не обеднеет она от двух жалких пирожных, — проворчал сыщик. — И нечего чужие перекусы считать. Моему молодому и активно растущему организму требуется правильное и, главное, обильное питание. Особенно после тяжёлых физических усилий с утра. А то вот так стараешься-стараешься, можно сказать, трудишься в поте лица и никто ведь не позаботится. Все только требуют! Ни одна ведь собака...

— Мне бы тоже хотелось услышать ваши выводы, госпожа Каро, — негромко, но решительно перебил стенания оборотня Росс.

— Д-да? — удивилась густо покрасневшая теург, злобно глянув на переставшего дуться, зато изрядно повеселевшего блондина. — Ну, в целом... — Курой откашлялась в кулак, ещё раз попыталась испепелить взглядом лыбящегося Мастерса, поёрзала в кресле, поудобнее пристраивая на коленке блокнот — собралась с мыслями, в общем. — Госпожа Иельон много всего интересного про брата рассказала. Но, если не вдаваться в подробности, сухой остаток таков: обидевшись на родственников, отец нашей заказчицы решил им отомстить. Прежде всего, он скупил все долговые расписки Иельонов. А поскольку сразу погасить долги они не сумели, господин Олэан фактически завладел их фабрикой, оставив сестру на должности управляющего. Юридически она является владелицей семейного бизнеса, а фактически вынуждена была танцевать под дудку братишки.

— Что-то мне подсказывает: ей это не нравилось, — хмыкнул Алекс, откидываясь в

кресле.

— В подробности госпожа Иельон не вдавалась, но похоже на то, — кивнула Каро. — Ну а его требование женить племянника на собственной дочери стало очередным унижением. Ведь девочки Олэан по меркам фей невесты не из завидных: полукровки, да и приданое за ними просто смешное. Но сестре деваться некуда было, согласилась она.

— То есть, инициатива со свадьбой исходила от папаши Олэана? — уточнил альв.

— Да. И матушка Алоа на это согласилась с большой неохотой, — Каро облизала разом пересохшие губы: дальше ей предстояло излагать собственные догадки, фактами почти не подкреплённые. И в очередной раз опозориться не хотелось. А, честно говоря, попросту страшно было. Но куда деваться? — Вот когда она об этой свадьбе говорила, я и заметила ещё одно несоответствие. Про племянниц матушка Алоа слова дурного не сказала. Мне кажется, что больше всего её нервировало то, что она снова вынуждена подчиняться брату.

— И что? — приподнял бровь Росс.

— Вот и я тут ничего не понял! — встрял оборотень. — На кой тебе понадобилось расспрашивать её, как она к феечкам относилась?

— Да подожди ты, — отмахнулась от Рона тега. — Не беги впереди лошади! Итак, тётушка к племянницам относилась вполне доброжелательно, а среднюю и вовсе любила. В старшей ей не нравилась чрезмерная покорность и зависимость от мнения окружающих, а младшая была... Ну, недалеко умом. Но об этом многие говорили. Средняя же — Эрия — по словам госпожи Иельон походила на неё саму: решительная, умная и способная на своём настоять. Есть ещё один момент. Почти десять лет воспитывала тётка. Даже уволившись со службы, отец забирать их не спешил, а потом и вовсе в пансионат отправил. То есть, девочки родственников своих прекрасно знали, как и они сестёр.

— С этим, вроде, никто и не спорил? — Алекс облокотился о кресло, прикрыл рукой рот.

Значит, слушал внимательно.

— Да, но! — Каро ткнула пальцем в потолок. — Алоа всегда напирал на то, что его исключительно земля, в приданое выделенная, интересует. О кузинах он вообще практически ни слова не сказал. Складывалось такое впечатление, будто фат с ними и не знаком. А однажды в разговоре со мной он и вовсе имена перепутал, назвав Энию — нашу заказчицу — Эрией.

— Ну и что? — зевнул оборотень, продемонстрировав клыки до коренных зубов. — Оговорился, бывает. Имена-то почти одинаковые.

— Я тоже сначала так подумала, — не стала спорить тега. — Вот только госпожа Иельон утверждает, что весь фейский выводок она воспитывала скопом, вместе с сыном. И Алоа был очень дружен со средней сестрой — Эрией. Чрезвычайно шепутная парочка росла, вечно что-то выдумывали и пакости устраивали.

— Всё равно я не понимаю, к чему ты ведёшь, — Мастерс наконец-то сел прямо, вынув руки из-за головы.

Тоже, видимо, заинтересовался.

— Да не торопись ты, — огрызнулась теург. — Ещё одна нестыковка. И доктор пансионата, и директриса, и ещё кто-то — я уже не помню — утверждали, что младшая из дочерей была едва ли не умственно отсталой, с трудом правильно говорить научилась. Это же подтвердила и госпожа Иельон. Да и находясь в агентстве Эния гением мысли себя не показала. В самый первый её визит сказала Яте что-то вроде: «не ложте». Потом на Рона

вешалась, истерики устраивала и... В общем, не слишком умна, так?

— Ну, допустим, — кивнул Мастерс.

— А теперь вспомните, как она себя вела, когда о своём деле рассказывала. В тот самый первый раз.

— Обычно, — кажется, Рон даже растерялся слегка, — рыдала.

— Нет, ты вспомни, как она говорила, — надавила Каро, в азарте даже вперёд подавшись.

— Да нормально! — раздражённо огрызнулся сыщик.

— Вот именно! Нормально! — Каро прихлопнула по блокноту. — Как благовоспитанная барышня. Но при этом прекрасно поняла мой намёк про... девиц лёгкого поведения. Да, нестыковочка крохотная. Но если всё вместе собрать, получается много. Давай считать. Фея, которая из пансионата прямиком под домашний арест попала, заподозрила вас с Яте в любовной связи — это раз...

— Меня? — вытаращился оборотень.

— Тебя! Не мешай. Впрочем, в пансионате и не такое можно узнать. Так что за раз берём разное поведение здесь, в кабинете, и в приёмной. Два. Когда её отец избил, она якобы больше суток в одиночестве в холле пролежала, некоторых оборотней дожидалась.

— Да ты бы видела, что там творилось! Даже на стенах кровь...

— Вот именно, — торжествуя улыбнулась Каро. — Кстати, кровь я видела. То есть, Олэан избивает дочь, бросает её фактически умирать... Вопрос: зачем? Почему не вернулся? Хотел убить? Тогда способ какой-то ненадёжный — ты вот явился. Прислуга, кстати, куда делась? Но это всё дополнительные вопросы. Итак, она почти сутки лежит, встать не может, а уже на следующий день тут, в конторе истерики закатывает. Нестыковка номер два.

— Номер три, — подал голос Алекс. — Яте ударили сзади. Тогда как Призрак стоял перед ним, а Олэан (возможно повтор) в дверях.

— Три, согласилась тега. — Четыре. Папашу-фата видели, он даже умудрился свою любовницу изуродовать, сюда прийти. Но при этом труп его в реке плавал. Дальше. Поведение Алоа. Он много и охотно рассуждал о своём бизнесе. И врал напрапалую. Дело принадлежит не ему, а дяде. И расширять или не расширять его решает дядя, а не племянник. Кстати, захоти Олэан — давно построил на этом пустыре фабрику. Земля-то его. На месте управляющего молодой Иельон сменил не отца, а мать...

— Ладно, пять, — неохотно буркнул оборотень. — Фата перед смертью пытали. То есть что-то узнать хотели. Что именно? Конечно, махинации и всё такое, но бизнес его давно налажен, работает, как часы. И никого случайного к таким делам и близко не подпускают.

— Шесть! — провозгласила Каро. — Пусть и вместе с фабрикой, закладной лавкой и мошенничеством с фондом он всё равно не мог позволить себе просаживать по сто золотых на скачках. Речь тут идёт о действительно больших деньгах.

— Всё-таки сокровища? — предположил Алекс.

— Сокровища, — Курой сегодня только и делала, что кивала. — Мы ещё забыли про Призрака и его неведомые богатства, на которые он жену содержал.

— Между прочим, его действительно отравили, — негромко уточнил альв.

— Мышьяком, — теург не спросила, а факт озвучила. — И — та-да-да-дам! — вопрос дня. Где фея, наша заказчица?

— Кажется, я знаю, у кого это спросить можно, — объявил Росс, вставая.

Тегга это тоже знала. Только вот на сей раз знание никакого удовлетворения не несло.

Почему-то не хотела Каро правой оказываться.

Старение неизбежно. Взросление выборочно.

Весна в Элизий заявила неожиданно и разом: без предварительных договорённостей, робкого стука в двери и посылая визиток. Вчера ещё грязь на улицах мёрзла, покрытая глянцевою корочкой льда. А уже сегодня с утра небо голубое — ни облачка. В подворотнях ручьи журчали, а на мостовых в каждой луже солнце кувыркалось. К ночи, правда, снова похолодало. Но о жестяной подоконник за стеклом всё рано капало звонко и настойчиво. А в приоткрытую форточку — накурили за день в конторе, да и домовые вдруг решили раскопечгарить радиаторы так, что хоть загорай — пробирался деликатный сквозняк, теребящий пышную штору.

Уличный воздух пах талой водой, конским навозом и ожиданием чего-то хорошего, необычного.

И в конторе «Следа» хорошо сделалось, по-домашнему уютно. Никто и не сговаривался, само собой вышло. Верхний свет погасили, оставив гореть только лампу на алексовском столе, да светильник в приёмной. Сбоку старый резной шкаф подсвечивал по-стариковски сварливо бурчащий телефон — Росс, весь день кому-то названивающий, позабыл закрыть дверцу сейфа. И аппарату это категорически не нравилось.

Яте, передвигающийся по конторе, словно краб с перебитыми клешнями, сидеть в лаборатории не пожелал. Вместе со спиртовкой и кофейником тоже перебрался в кабинет. И теперь тут одуряюще пахло свежемолотым кофе и табачным дымом. Каро, свившая из всех имевшихся в конторе пледов гнездо в своём кресле, наконец, бросила возиться со схемами и записями. Откинула голову на спинку, прикрыв глаза — отдыхала.

Теперь можно, дело сделано. И то, что ещё утром казалось совершенно невозможным, выполнено.

— Тебе коньяка или чаю? — почти шёпотом, словно разбудить боялся, спросил оборотень.

— Чаю, — почему-то так же тихо ответила тега, не открывая глаз.

— Странно, но я так и подумал, — хмыкнул Мастерс.

У щеки теурга появилось тепло, ненавязчиво потянуло лимонным духом — пришлось всё-таки смотреть. И точно: под самым носом чашка янтарного свежезаваренного чая. Курой, рук из-под пледа не вынимая, отхлебнула. После кофе, успевшего прожечь в животе дырку, напиток показался нектаром Семерых.

— Спасибо, — от всего сердца и вполне искренне поблагодарила Рона, пристроившегося на подлокотнике её кресла.

— Может, возьмёшь всё-таки чашку? Или что, мне так и держать? — хмыкнул блондин.

— Держи, — безропотно согласилась тега.

— Держу, — вздохнул оборотень.

— Ну так как всё прошло?

Управляющий «Следом» вновь наполнил мигом опустевший бокал инспектора — всерьёз налил, без дураков, почти до краёв. Пододвинул к Гиккори сигарную коробку.

На полицейского действительно смотреть больно: кожа не бледная, а серая почти, глаза запали — красные. Сюртук мятый, будто его корова жевала, брюки до колен грязью

заялпаны. Да и шутка ли? Меньше чем за двое суток раскрутить дело, ещё вчера казавшееся абсолютно провальным! Скорее всего, конечно, начальство такое рвение оценит. Может, даже медалькой наградит. Но побегать пришлось изрядно.

— Неплохо прошло, — инспектор вытянул было ноги на середину кабинета. Но глянул на свои штаны, на туфли с геологическими напластованиями глины, и снова под кресло убрал застеснявшись. — Фат ничего отрицать не стал, сразу признался: невеста у него прячется. Она тоже решила не бузить, охотно навстречу следствию пошла. На вопросы отвечала добровольно и весьма подробно. Видимо, надеется, что присяжные её неменяемой признают. Опять же, свидетели есть, готовые подтвердить: с головой у неё с детства трудности. Нет, шансы выкрутиться у вашей феечки есть, есть — ничего не скажешь.

— А у фата? — не выдержав, подала голос Каро.

Вот не хотела же, само вырвалось. Осталось только лицо понезависимее сделать. Вдруг удастся убедить всех, что это профессиональный интерес?

Не удалось. Мастер глянул искоса и, пожалуй, зло.

— А вот этот Иельон, госпожа Курой, оказался очень скользким типом, — покачал головой Гиккори, полоща тонкие усики в коньяке. — Нет у нас на него ничего: не знал, не ведал, не видел. Даже ни одной догадки не имел. Чисто жертва невинная. Злобная невеста обманула, охмурила, закрутила. Не удивлюсь, когда газетчики ещё из него агнца сделают. Слишком уж колоритная фигура. Если только вы что нового придумали?

Теург отрицательно помотала головой — ничего она не придумала. Не сумела, хотя и честно старалась. Где улики для обвинения феи искать и какими они быть должны догадалась. Кого спрашивать, да показания взять сообразила. А против Алоа ничего. Вот вроде бы тут он, реальный. Всё время возле невесты крутился, помогал, наверное. Но всё равно, что дым ловить — даже рядышком не было.

— Так всё же, это Эрия или Эния? — спросил оборотень, заботливо придерживая для теги чашку с чаем.

Ну вот как такого не... не ценить? Случались и у Мастера проблески понимания. Например, сейчас отвлёк всех. А то смотрят сочувственно, будто на больную. Всего-то и болезни, что едва в роман с преступником — или всё же не преступником? — чуть не вляпалась. Подумаешь!

Зато чай тёплый, крепкий и с лимоном.

— А об этом, господин Мастерс, нам остаётся только догадываться, — буркнул инспектор, снова вытягивая ноги забывшись. Болели они, наверное. Недаром же говорят, что сыщика, как волка, только нижние конечности кормят. — Она утверждает, что Эния. А доказать обратное не в наших силах. Даже со всеми чудесами господина Яте.

Последнее было сказано не без здоровой дозы желчи. В чудеса медицинской криминалистики полицейские верить ещё не научились. Но тег то ли в слишком благодушном настроении пребывал. То ли, наоборот, собственные раны его заботили гораздо больше, но выпад Гиккори он проигнорировал.

— Может, вы, наконец, расскажете, как всё получилось? — напомнил о своём существовании альв. — Дадите полную картину?

— А почему бы и не дать? — порция хорошего коньяка явно добавила следователю отзывчивости. — Потому что картинка и впрямь получается занятная, хоть и запутанная. Я бы назвал это дело: «О женском коварстве и глупости». Прошу прощения, госпожа Курой, конкретных дам имел в виду. И вы в их число не входите.

— Вполне возможно, что в своих оценках вы и точны, — сладенько пропела Каро. — Но глупости или нет, а блестящие мужские умы — я, конечно, всех здесь присутствующих господ имею в виду — долго ничего понять не могли. И вряд ли поняли бы.

— Снимаю шляпу перед справедливостью ваших слов, — несколько натянуто ответил Гиккори.

— Вы её уже сняли, в приёмной, — напомнила тега.

— Так что там по делу? — деликатно кашлянув, поинтересовался Алекс.

Что не говори, а портить моменты триумфа альв умел в совершенстве.

* * *

— Ну что ж, господа, — полицейский сделал ещё один солидный глоток и даже галстук поправил — подготовился к торжественному моменту. — История эта, как я понимаю, началась на Островах. А именно с контрабандного вывоза конфискованных ценностей тегов.

— Как таковой конфискации не проводилось, — постукивая пальцами по папке, на столе лежащей, заметил Росс.

— Не проводилось, — согласился следователь. — Считаете, что термин «наворованные ценности» звучит лучше? Извольте. Только как словами не играй, а не было никаких вывезенных сокровищ. И ни я, ни вы другого никогда в жизни не докажете. Честно признаюсь: даже пытаться опровергать это не собираюсь. Потому как не желаю в расцвете лет получить удар или вот тоже какую-нибудь скрытую сердечную болезнь.

— Вы не совсем правы, инспектор, — тонко улыбнулся альв. — Награбленное всё же было. И именно награбленное конкретно господином Олэаном.

— Верно, — кивнул Гиккори. — Сам награбил, сам и вывез. Не иначе, как в карманах. А, может, проглотил. Для нашего дела эти факты незначительны. Однако, вернувшись в Элизий, зажил фат на широкую ногу. И родные дочери в его планы не вписывались совершенно. Господин был занят удовлетворением собственных страстей. И на детей деньги тратить не планировал.

— Не совсем так, — Каро подняла руку, как школьница, испрашивающая разрешения уточнить ответ однокашника. — Для Олэана очень важно... В смысле, было очень важно... Короче, это не важно, — Мастерс, по-прежнему сидящий на подлокотнике, сунул руку под плед, ненавязчиво погладив тегу по спине. От неожиданности теург едва не заорала. Но убедившись, что никто ничего не заметил, откинулась назад, прижимая ладонь оборотня к спинке кресла. Чего уж говорить: так она чувствовала себя гораздо увереннее. — Я имела в виду, что фат очень тщательно соблюдал видимость приличий. Дочерей он действительно держал в чёрном теле. Но выводя их на публику, наряжал, как кукол: драгоценности там, платье.

— Ценное уточнение, — инспектор отсалютовал Каро полупустым бокалом. — Всё так и было. И одну из феечек... Давайте всё же считать, что наша преступница — это средняя сестра, Эрия. Хоть не запутаемся. И, скорее всего так оно и есть, что бы там не утверждала сейчас госпожа Олэан. Значит, прелестную Эрию подобное положение дел не устраивало. Богатством ей хотелось владеть единолично. Причём, по всему выходит: планы она начала строить ещё в пансионе.

— Милая малышка, — фыркнул Рон.

— Не то слово, — отозвался Гиккори. — Думаю — заметьте, я только думаю. В этом деле вообще слишком много допущений, не смотря на все наши старания. И так, я думаю, что всю квартиру в поисках сокровищ феечка осмотрела очень тщательно. Наверняка не сама, а с помощью своей глупышки-сестры. Если б отец застал младшенькую за рытьём в шкафах и ящиках, отругать бы отругал, но вряд ли заподозрил в чём-то нехорошем.

— Разорванная наволочка, которую директриса видела, — вставила Каро.

— Ну, это совсем уж голословное допущение, — отмахнулся инспектор. — Хотя именно она на мысль меня и навела. Но это неважно. Так или иначе, а квартиру Эрия обследовала досконально. Ей, наверное, на это не один год понадобился. Ведь домой девочки попадали только на каникулы. Такое упорство о многом говорит. Но упорство или нет, а сокровища фея не нашла. И начала думать, где папенька мог их спрятать.

— Чего тут думать? — проворчал Яте, забившийся в угол дивана. — На пустыре. На участке, который после жены остался.

— Верно, — следователь и ему отсалютовал бокалом, не поскупился. — Но пустырь большой, да и попасть туда барышне не так просто. А тут ещё и отец начал заговаривать о женитьбе племянника на старшей сестре. И о куске земли в качестве приданого. Боюсь, у малышки голова едва не лопнула, когда она пыталась отцовские планы просчитать: отдаст он кусок, на котором драгоценности спрятаны, или себе оставит? И зачем ему вообще участок отдавать? Даже если клад зарыт не на той территории, что после свадьбы господину Иельону отойдёт, опасно племянника так близко к сокровищу подпускать. В общем, есть над чем подумать.

— А вот мне эти вопросы и в голову не пришли, — покаялась Каро.

Правда, ладонь оборотня, между лопатками теги уютно пристроившаяся, досаду быстро прогнала.

— Ну а вот Эрии пришли, — Гиккори протянул пустой стакан Алексу. Альв делать вид, будто не понял намёка, не стал — щедро налил коньяка. — И пока суть да дело, то есть, пока не придумался ответ, как до клада добраться, Эрия решила сестрёнку известить. Чтоб, значит, время потянуть. И вот тут опять наши домыслы, потому что заключённая признаёт только одно: Элию отравила — и на этом точка. Как, где, почему — не говорит. Но от самого факта ей отвертеться сложно. Кстати, госпожа Курой, вашему совету я последовал, дочку семейного врача Олэанов допросил. Между прочим, милейшая дриада... Что-то не так?

— Всё в порядке, — процедил Яте, неловко столкнувший чашку со столика, рядом с диваном стоявшего.

К счастью, посуда пустой оказалась и даже не разбилась. А вот тегу в словах полицейского что-то очень не понравилось.

— Просто эта девушка охотно согласилась нам помочь, — не слишком уверенно попытался оправдаться следователь. — И на гипноз согласилась. Причём работал с ней собственный отец. Этикеты на склянках с лекарствами она вспомнила и фамилию аптекаря тоже. С ним уже поговорили. Мэтр подтвердил: фея с рецептом на пилюли приходила не раз — в течение года регулярно появлялась, потом пропала. Осталось им только очную ставку устроить. Но, думаю, девушку фармацевт опознает.

— То есть всё-таки врач, а не аптекарь? — уточнила Каро. — А где она рецепт взяла?

— А у милейшего доктора из пансионата, — видимо, коньяк обладал непревзойдённым успокоительным действием — про то, что ему тега следует опасаться, Гиккори явно забыл. — Как и по каким мотивам он решил феечке помочь, ещё предстоит выяснить.

Старикашка твердит о том, будто Эрия покалеченную собачку лечила, вот врач и решил доброй душе поспособствовать: сначала обезболивающее прописал, а потом яд, чтоб не мучилась животинка. Но, думается, не обошлось тут без шантажа...

— Ну да, — протянула Курой, — энергия юных тел.

— А может, той энергией и поделилась! — хмыкнул следователь.

— Господин Гиккори... — кашлянул Росс.

— Что? Ах, да... Прошу прощения, — инспектор смутился, подобрался. И бокал в сторону отставил. — Сестру, и так здоровьем не блещущую, наша прелестная Эрия потихоньку травить начала. Мышьяк плюс опиум — очень забавное сочетание. Отравление мышьяком вызывает боли и серьёзные недомогания. Только одурманенная маком девушка ни на что не жаловалась. А на вялость её никто внимания и не обращал. Старшая Олэан и так здоровьем не отличалась. Может, конечно, доктор пансионатский что-то и заметил. Но к тому времени, думается, он уже догадался, зачем феечке рецепт понадобился. И молчал, понятно. Только, видимо, папаша Олэан что-то такое заподозрил. Потому и забрал дочерей из пансионата. Наверное, решил старшую подлечить, а среднюю на короткий поводок посадить.

— Подождите, а откуда тогда у неё в спальне лекарства оказались? — снова встряла теург.

— Заботливый отец комнату Элии нечасто посещал. Только следил, чтобы средняя дочь туда не заходила. Но служанкам же никто не мешал за несчастной ухаживать.

— Или жениху, — тихо-тихо добавила Каро.

— Или жениху, — кивнул сыщик, старательно глаза отводя.

— По крайней мере, теперь понятно, откуда больное сердце взялось, — жизнерадостность оборотня сейчас казалась не слишком уместной. Но такой... поддерживающей, что ли? — Олэану тоже не с руки признавать, что его собственный дитёнок — убийца.

— Верно, — Гиккори, видимо, и сам того не заметив, снова схватился за бокал. Правда, пить его не стал — в руках крутил. — А Эрии пришло в голову, что если она останется единственной наследницей, да выйдет замуж за Алоа, то весь участок достанется ей. Поэтому через год она фокус повторила, отправив в Подземье младшую сестру. И выдав её за себя.

— Погодите! — теург аж в кресле подпрыгнула. — Вот тут не сходится! Зачем ей младшую за себя выдавать? Ну, отравила бы — и дело с концом. Земля-то и так ей целиком переходит. И что, Олэан ей так всё с рук спокойно спустил? Ну, убила и убила, мол: с кем не бывает? Ему-то не страшно было рядом с такой жить? Да и если сокровища действительно там спрятаны, то неужели фат надел племяннику бы отдал?

— Проще всего ответить на ваш второй вопрос, — развёл руками следователь. — Почему он дочери всё с рук спустил? И что Олэан сделать мог? Полиции её отдать? Тем более что смерть старшей феечки прикрыл, то есть тоже в преступлении замазан. Нет, наверняка какие-то меры предосторожности он принял. А, может, не верил, будто родное чадо его угробит. По поводу сокровищ Эрия сказала, что за пустырём присматривали. И решишь фат вывезти клад, за ним бы проследили.

— Кто присматривал?

— Подследственная уверяет, что случайно нанятые молодчики, — опять на тегу странно покосившись, ответил Гиккори. — Ну а о замене собой сестры фея поясняет что-то не

слишком внятное. Собственно о том, кто конкретно из сестёр умер, а кто жить остался, сообщили только вам. Ну, ещё и мать с сыном Иельон уверяют: были убеждены, будто умерла младшая дочь. А больше этим вопросом никто и не интересовался. Феи — дети воздуха. После смерти они прах по ветру рассеивают. Так что у девочек Олэан даже памятника на кладбище нет. И соответствующей памятной надписи тоже.

— Ладно, Седьмой с ними! Старшие и младшие — не важно, — махнул свободной рукой Рон, едва не выплеснув остатки чая. — Что там дальше?

— А дальше, господин Мастерс, у милейшей феи кончилось терпение, — наставительно поднял палец Гиккори. — Участок — это, конечно, хорошо. Но деве-то не земля, а сокровища нужны были. И в один, далеко не прекрасный день, прелестная Эрия столкнулась с господином Призраком. Тот, по старой памяти, наведаясь к её папаше. Денег, вероятно, хотел выпросить — свои-то кончились. А, может, тоже шантажировать собирался. Но Олэан его выставил — это подтверждают консьерж и дворник. Как и встречу феи с оборотнем. И красотка решила таким удобным знакомством воспользоваться. В общем, наняла она вашего бывшего сослуживца и вместе они папеньку выкрали на вопрос порасспросить, где он богатства спрятал. Дальше тоже только моё предположение. Но, думается, господин Призрак то ли перестарался, то ли под дурманом силы не рассчитал, только Олэана он попросту прибил. А нежной дочери пришлось в экстренном порядке проблемы решать. То есть срочно отыскивать клад. Вечно же она не могла исчезновение отца скрывать. Уж лучше прибрать всё к рукам до того, как труп найдут. Ну или, по крайней мере, искать начнут. И госпожа Эрия отправилась в агентство «След».

— Она хотела, чтобы мы связали смерть её сестёр с драгоценностями и нашли спрятанное, — кивнул Алекс.

— Именно. Конечно, план ещё тот. Но я же не зря говорил про женскую глупость. Да и времени на составление чего-то более толкового у неё не было, — опять развёл руками Гиккори.

— Ну а любовницу своего отца она решила тряхануть для порядка, — мрачно добавил Мастерс. — Вдруг, чего-то знает?

— Погодите, — Каро обеими ладонями потёрла лицо. — Зачем избили проститутку — понятно. Зачем перед Яте явление Олэана разыграли — то же. Но как можно спутать громадного оборотня или феечку с фатом?

— Шляпу пониже, накладную бороду на морду, подушку под пальто — вот тебе и господин Олэан, — недовольно проворчал битый тег.

— Да я не про то! — отмахнулась Каро. — А размеры? Оборотень громадный, фея маленькая. То есть, ещё кто-то третий был?

— Видимо, был, — нехотя ответил Гиккори, болтая остатки коньяка в бокале. — Только кто?

— Действительно, кто? — проворчал Рон.

— Господин Алоа признаётся только в одном: невеста его уговорила заманить госпожу Каро на пустырь и невзначай обратить её внимание на фарфоровый осколок. То есть намекнуть, что клад спрятан именно там. Для чего это понадобилось Эрии, Иельон не спрашивал. Да и просьба ему показалась вполне невинной.

— Зачем же он этот осколок в пальто подложил? — ошарашенно брякнула тега.

— Вопрос не ко мне, — кривовато усмехнулся полицейский. — Этот Алоа мне дураком не показался. Возможно, понял, что у невесты ни демона не получится, а спорить с ней не

хотел. Вроде бы выполнил просьбу, а вроде и нет. Как-то так.

— Остался только один вопрос, — Яте мрачно зыркнул на Гиккори из-под чёлки, — сокровища-то где?

— Да там же, где всё это время и были, — ответил, почему-то, Алекс. — В банке хранятся — в личном сейфе или ячейке. Да ни в одной.

— Я бы сказал, ни в одном десятке сейфов, — хмуро буркнул инспектор. — Олэану-то не самая большая доля принадлежала.

— А дочь, получается, не догадывалась, что драгоценности просто в банке? — голос Каро неожиданно в хрип поехал.

— Ну-у, — усмешка Гиккори стала ещё кривее, — маленький ключ спрятать проще, чем пустыррь.

— И закопанный в Сером городе клад — это романтичнее, — неизвестно к чему добавил Яте.

* * *

И Каро, и Мастерс всю дорогу молчали — до самого дома теурга. Не о чем говорить, да и не хотелось. Но тишина не мешала. Уж такая она особенная была: не слишком радостная, с горьковатым привкусом. Может, даже с удивлением: как же такое на свете-то случается? Но одна на двоих — понятная обоими, разделённая пополам.

Тега мечтала это ощущение до дома донести, спрятаться за дверью — от несправедливости и глупости, но спрятаться тоже вместе. Не получилось.

Знакомый экипаж, стоявший у подъезда, оборотень первым заметил. И придержал Курой за локоть, заставив остановиться. Каро глянула на Мастерса, на ландо, опять на Рона. Положила руку поверх его ладони.

— Я сама, — сказала с решительностью, которой совсем не чувствовала. Подумала и добавила, — Можно?

Сыщик помедлил, но всё-таки кивнул. Отпустил локоть девушки, остался на месте стоять. Даже глубже в тень подвинулся. Курой ещё разок оглянулась на него и пошла к темнеющему размытым пятном экипажу. Свет единственного фонаря освещал только мокрую крышу, да нахохлившегося, словно взъерошенная ворона кучера — всё остальное будто таяло в темноте.

Дверца, деликатно скрипнув, открылась.

— Я тебя ждал, — сообщил фат негромко, спрыгнув на мостовую.

Будто это действительно нуждалось в пояснениях.

— Тебя уже выпустили? — удивилась без всякого удивления Каро.

— А почему меня должны задерживать? — едва заметно пожал плечами Алоа. — Полиции нечего предъявить, кроме сокрытия преступления. Но ещё нужно доказать, что я о нём вообще знал.

Курой шагнула вперёд, пытаясь заглянуть под тень от полей цилиндра. Но фат голову нагнул, прячась. Ничего не видно, кроме провалов глазниц, кончика носа и гладко выбритого подбородка.

— Алоа, скажи, а кто Эрию избил? Призрак? — тихо-тихо спросила тега. — Неужели она не побоялась? После того, что оборотень с её отцом сотворил?

Фат промолчал. Только поднял руку, стирая подушечкой пальца каплю дождя со щеки теурга.

— А откуда она узнала про мышьяк и опиум? — не унималась Каро. — Вряд ли в это входит в программу обучения благородных девиц.

Красавчик молчал — глазищи страшновато поблёскивали в тени от шляпы. Как у зверя в засаде.

— Про ценность вещей, которые хранились у её отца, она тоже на уроках истории узнала? — совсем уж тихо поинтересовалась девушка. — Откуда у юной феечки мысли про клад взялись? Папа-то вполне успешный делец: лавка, фабрика. Денег хватает.

Алоа и на это ничего не ответил.

— Ты действительно верил, будто Олэан сокровища закопал?

Молчание.

— Скажи, хотя бы, это что было? Мечь? Или ты действительно сокровища заполучить думал? Или... хотел семью свою спасти? Чтобы дядя больше не тиранил?

— Каро, не читай романы. В них правды не пишут, — наконец-то он хоть что-то сказал.

— Это не ответ! — мотнула головой теург.

— А другого я не приготовил. Примешь вместо него подарок?

Курой усмехнулась, головой покачала отказываясь. Но на фата это впечатления не произвело. Он повернулся к карете, доставая что-то с сиденья, и сунул свёрток теге в руки. Сам запрыгнул в экипаж, захлопнул за собой дверцу, крикнув кучеру: «Трогай!».

Каро смотрела вслед удаляющейся карете, которая то пропадала во мраке, то появлялась в свете фонарей. Тёмные орхидеи в её руках — те самые, цветущие только весной, да ещё и не всегда — пахли горьковато, пряно, тревожаще.

— Не плач.

Мастерс подошёл абсолютно бесшумно, но теург даже не вздрогнула.

— Я и не плачу. Я учусь.

— Чему?

— Реальности.

Бросить цветы на брусчатку духу всё-таки не хватило. Да и не хотелось Каро их бросать — орхидеи ни в чём не виноваты. Теге присела на корточки, не замечая, что край юбки в лужу угодил. Осторожно положила букет на край тротуара, провела ладонью по мясистым, но бархатистым, как дорогая бумага, лепесткам. Выпрямилась, обернувшись к оборотню.

Мастерс стоял, набычившись, втиснув кулаки в карманы куртки. Следил за теургом исподлобья.

— И что это значит? Всё, конец?

— Не-а, — усмехнулась Каро чему-то своему, сунув руку под локоть Рона. — Это только начало, детка!

И заглянула снизу вверх в лицо Мастерса, чтобы он уж точно разглядел: теги тоже могут научиться злодейски бровями шевелить. Конечно, если предварительно хорошенечко потренируются.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Краткая справка по жителям Элизия

Альвы, Высшие, Дети Семерых

Доминирующая раса в Элизии. Уникальность этого народа заключается в том, что каждый из Семерых дал им своё дыхание, поэтому Ал. теоретически доступна любая магия. Но стоит помнить, что Дар Седьмого (все виды некромантии) запрещен законом.

После своего создания Семеро не отпустили Ал. в Нижний мир, а оставили при себе, в Небесных Сферах. Но изгнали после того, как Ал. сочли себя равными родителям и попытались восстать против их воли.

Придя в нижний мир, Ал. довольно быстро сплотили вокруг себя Детей Пятерых (дварфов, сельфид, всевозможных духов и т. д.). И сначала практически уничтожили человечество, заняв их территории, а затем обратили свою мощь против детей Седьмого. Правда, потом отношение к своим естественным, как они сами это называют, врагам было смягчено. Но истинные вампиры до сих пор находятся вне закона, тогда как немногочисленные оставшиеся люди получили гражданские права наравне с другими расами.

Несмотря на то, что Ал. весьма немногочисленны и на данный момент их популяция в Элизии составляет не более 3500 особей, они до сих пор сумели сохранить своё привилегированное положение. Императрица и её супруг-консорт являются Ал. Парламент, высшие должности в министерствах, генералитет, высший дипломатический корпус — всё это находится под контролем Ал. Только экономику (кроме должности министра финансов и высшего руководства Казначейства) они отдали на откуп дварфам.

Внешность: отличаются высоким ростом и достаточно хрупким (изящным) костяком. Обладают тонкими чертами лиц, большими глазами и общей миловидностью.

Дварфы

Дети Пятого. Соответственно, их изначальем является камень и металл. Но к магии практически не обращаются. Хотя встречаются отдельные уникальные артефакты, созданные умельцами, например, оружие или дверные замки.

Дв. непревзойдённые мастеровые и экономисты. Многие представители этой расы давно оставили дедовский промысел и занялись торговлей или финансами. Фактически эти отрасли на данный момент монополизированы ими.

Но до сих пор Дв. придерживаются (по крайней мере, внешне) кланово-родовой системы, предпочитая селиться большими семьями. Хотя реалии и на эти традиции накладывают свой отпечаток. Так в Элизии можно встретить кварталы оружейников, кузнецов или кожевников, целиком заселённые Дв., не связанными родственными узами. Но даже в таких системах строго придерживаются патриархального уклада и принципов клановости.

Внешность: невысокие, очень коренастые, обладающие прекрасно развитой

мускулатурой. Из-за чего плечевой пояс часто выглядит несоразмерно большим (по сравнению с нижними конечностями). Для Дв. характерны грубые (крестьянские) черты лиц. Хотя молодые особи часто внешне весьма привлекательны.

Крысюки

Дети Шестого. Соответственно, их изначальем является Жизнь. Антропоморфы. Считаются промежуточным звеном от людей к оборотням.

Как правило, Кр. вообще неспособны к магии (контор ауры зациклен). До сих пор ведётся немало споров, считать ли Кр. существами разумными или причислить их к полуразумным. Но поскольку именно они, наравне с людьми, занимаются в Элизии низкоквалифицированными и непопулярными работами (уборщики, дворники, ассенизаторы и т. п.), то за ними до сих пор сохраняются гражданские права.

Кр. очень многочисленны. У одной женской особи редко рождается менее 5–7 детёнышей. Но поскольку условия их жизни крайне трудны, а сами родители не уделяют должного внимания воспитанию и заботе о нуждах потомства, уровень смертности среди этого народа весьма высок.

Отличаются крайне низким интеллектом и плохо обучаются.

Внешность: рост чуть выше среднего, худые, но крайне гибкие (подвижность их суставов не может не вызывать восхищения). Часто сутулятся, поэтому создается иллюзия наличия горба. Пальцы заканчиваются ярко выраженными когтями. Голова строением напоминает крысиную морду. Все тело, кроме ладоней, ступней и гениталий покрыто коротким буроватым мехом.

Теги

Дети Второго. Соответственно, их стихией является Воздух. Поэтому среди Т. так часто встречаются теурги, шаманы, проклятийники и т. д. Они неспособны овеществлять, а тем более создавать, но легко считывают энергетические потоки и могут их корректировать.

На данный момент в Элизии невозможно встретить Т., старше 29 лет. Дело в том, что 20 лет назад Восточные острова, заселённые Т., взбунтовались против существующей власти. Милостью императрицы детей моложе 9 и старше 3 лет эвакуировали. Сами же острова вместе со всем населением до сих пор находятся в строжайшей изоляции. То, что к бунтовщикам было применено Первое Солнце (заклинание полного уничтожения реальной материи) является слухами, направленными на подрыв государственного строя.

Но вследствие сложившейся ситуации, Т., проживающие в Элизии, утратили свою самобытность и какую-либо значимость.

Внешность: рост ниже среднего, худощавое телосложения. Имеют желтоватый оттенок кожи. Характерной чертой являются раскосые глаза с тяжёлым верхним веком (отсюда впечатление «ускоглазостости») и тёмные волосы. У многих Т. можно наблюдать атавизм — слегка удлинённые и заострённые клыки, так как их предки были ярко выраженными

хищниками.

notes

Алоэ — декоративное и лечебное растение с мясистыми листьями, поросшими по краям шипами-отростками.

Каучуковый колпачок, кусок губки, щелочное мыло, лимонный сок и спринцевание раствором марганцовки — малоэффективные, травмирующие, но распространённые на рубеже 19–20 вв средства контрацепции.

Заклинание, с помощью которого якобы уничтожили Острова.

Интендантство — служба обеспечения и военной логистики. Занимается снабжением войск вооружением, боеприпасами, топливом, продовольствием и т. п.

Шпанская мушка — порошок или пластырь, изготовленный жесткокрылых семейства жуков-нарывников. Применялся в качестве афродизиак (возбуждающего средства).

Мужское белье состояло из нижней просторной рубашки без застёжек, с длинным рукавом и треугольным или круглым вырезом и кальсон — узких брюк с разрезом или клапаном на гульфике и манжетами, застёгивающимися у щиколоток на пуговицы. Поскольку носочно-чулочные изделия не обладали достаточной эластичностью, их носили с подвязками. Мужские подвязки плотно обхватывали ногу под коленом. Обычно надевались поверх кальсон.

См. «Тролли тоже плачут».

Келоидные рубцы — грубые, «изрытые», неоднородные шрамы, возникшие вследствие разрастания соединительной ткани.

Горка — посудный шкаф-витрина, застеклённая с трёх сторон. Нередко служила украшением столовых, т. к. позволяла рассмотреть дорогую посуду, принадлежащую хозяевам.

Малокровие (анемия) — синдром, а не заболевание (как ошибочно полагали), низкое содержание гемоглобина в крови.

Работный дом — пенитенциарные и/или благотворительные учреждения, направленные на изоляцию и/или принуждение/стимуляцию к труду нуждающихся, сирот, мелких преступников и нищих.

Стазис — состояние полной остановки любых физиологических процессов в организмах живых существ.

Дом премудрого цыплёнка — алхимическая печь, часто соединённая с примитивным перегонным кубом.